

КАМШИЦА ЛЮКБЕРГ



ВЕДЬМА

22 МИЛЛИОНА ЭКЗЕМПЛЯРОВ КНИГ
В БОЛЕЕ ЧЕМ 60 СТРАНАХ
НА БОЛЕЕ ЧЕМ 30 ЯЗЫКАХ

Камилла Лэкберг
Ведьма

Camilla Läckberg
HÄXAN

2017 Camilla Läckberg.

First published by Bokfoerlaget Forum, Sweden.

Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden

© Перевод с шв. яз. Колесова Ю. В., 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Полли

Невозможно узнать, какая бы жизнь ждала эту девочку. Кем бы она стала. Какую профессию выбрала бы, кого бы любила, кого бы потеряла, чего бы добилась. Родились бы у нее дети и кем они стали бы. Невозможно даже представить, как она выглядела бы во взрослом возрасте. В четыре года основные черты лишь намечаются. Глаза ее были голубовато-синими; волосы, при рождении казавшиеся темными, теперь посветлели, однако в них угадывалось присутствие рыжего, так что цвет их снова мог измениться. Сейчас его было особенно трудно определить. Она лежала лицом на песчаном дне озера. Затылок был покрыт толстым слоем спекшейся крови. Лишь пряди, расплывавшиеся от затылка, казались светлыми.

Нельзя сказать, чтобы вся эта сцена выглядела зловеще. Ничего зловещего не было бы, если б она не лежала в воде. Из леса доносились самые обычные лесные звуки. Свет падал сквозь кроны деревьев, как всегда в это время суток. Вода тихонько покачивалась вокруг нее, и лишь иногда стрекоза садилась на ровную поверхность воды, оставляя после себя круги. Превращение уже началось, и постепенно ее тело сольется с водой и лесом. Если никто не обнаружит девочку, природа сделает свое и присвоит ее себе.

Пока еще никто не знает, что она пропала.

– Как ты думаешь, твоя мамочка наденет белое платье? – спросила Эрика, поворачиваясь к Патрику на широкой кровати.

– Очень смешно, – буркнул тот в ответ.

Эрика рассмеялась и ткнула его в бок.

– Почему ты так переживаешь, что твоя мама выходит замуж? У твоего папы уже много лет новая семья, и тебе это вовсе не кажется странным.

– Глупо, понимаю, – проговорил Патрик, спуская ноги с кровати и натягивая носки. – Мне нравится Гуннар, и я так рад, что мама не будет одна... – Он надел джинсы. – Наверное, мне просто немного непривычно. Сколько себя помню, мама всегда была одна – если начать анализировать, то наверняка выяснится, что это какая-то тонкость в отношениях между матерью и сыном. Мне просто кажется... странным... что у мамы... будет интимная жизнь.

– Ты хочешь сказать – странно, что они с Гуннаром занимаются сексом?

Патрик зажал уши ладонями.

– Перестань!

Эрика со смехом кинула в него подушку. Та тут же прилетела обратно, и скоро разразилась настоящая подушечная война. Патрик накинулся на Эрику, однако борьба вскоре сменилась ласками и томными вздохами. Она потянулась к пуговицам на его джинсах и начала расстегивать верхнюю.

– Что вы делаете?

Звонкий голос Майи заставил их обоих замереть и обернуться к двери. Там стояла не только Майя – с обеих сторон от нее в спальню просовывались головы близнецов, которые с любопытством разглядывали родителей в постели.

– Мы просто немножко пощекотали друг друга, – проговорил Патрик, задыхаясь, и поднялся.

– Ты должен наконец приделать крючок на дверь! – прошипела Эрика, натягивая на себя одеяло, прикрывавшее ее лишь до талии. – Сев в постели, с усилием улыбнулась детям. – Спускайтесь и начинайте завтракать, мы сейчас придем!

Патрик, успевший натянуть на себя одежду, подтолкнул детей к двери.

– Если ты не можешь сам прикрутить крючок, попроси Гуннара – он, похоже, всегда наготове с ящиком инструментов. Если только не занят другими делами с твоей мамой...

– Хватит насмехаться! – весело отозвался Патрик и убежал вслед за детьми.

С улыбкой на губах Эрика снова улеглась в постель. Ничто не мешало ей еще немного поваляться, прежде чем встать. То, что не надо приходить на работу к определенному часу, – один из плюсов жизни фрилансера, но и один из минусов тоже. Писательский труд требует воли и самодисциплины и иногда кажется слишком уединенным. Впрочем, свою работу Эрика обожала – любила писать, вдыхая жизнь в те истории и человеческие судьбы, за которые решила взяться, копаться в прошлом, исследовать и выяснять, что же в действительности произошло и почему. То дело, которым она занималась сейчас, давно привлекало ее. Дело маленькой Стеллы, похищенной и убитой Хеленой Перссон и Марией Валль, потрясло всех во Фьельбаке и по-прежнему никого не оставляло равнодушным.

А теперь Мария Валль вернулась. Прославленная голливудская звезда приехала во Фьельбаку для съемок фильма об Ингрид Бергман. Весь поселок гудел от слухов.

Все знали кого-то из участников этой истории или их семьи; все были одинаково потрясены в тот июльский день 1985 года, когда тело Стеллы обнаружили в озере.

Повернувшись на бок, Эрика задумалась: неужели солнце в тот день светило так же ярко, как сегодня? Когда пора будет пройти несколько метров от спальни к кабинету, она начнет с того, что проверит это. Но дела могут еще чуть-чуть подождать. Закрыв глаза, она снова задремала под звуки голосов Патрика и детей, доносившиеся из кухни на первом этаже.

* * *

Хелена наклонилась вперед, опершись о колени потными ладонями. Сегодня – личный рекорд, хотя она вышла на беговую

тропу позднее чем обычно.

Море лежало перед ней, синее и спокойное, но внутри у нее бушевал шторм. Хелена потянулась, обняла себя руками, но дрожь не унималась. «Это кто-то наступил на мою могилку», – говорила в подобных случаях ее мать. Возможно, так оно отчасти и было. И не потому, что кто-то наступил на ее могилку. А вообще на могилку.

Время завесило пеленой то, что было, воспоминания стали расплывчатыми. Лучше всего ей помнились голоса, желавшие узнать, что именно произошло. Раз за разом повторяли они одно и то же, и в конце концов Хелена уже не понимала, где их правда, а где ее.

Тогда казалось, что вернуться сюда невозможно – здесь ей жизни не будет. Но с годами шепоты и крики становились все тише, превращались в бормотание и в конце концов совсем стихли. И стало казаться, что она снова влилась в жизнь поселка.

И вот теперь опять пойдут разговоры... Былое разворошится... И, как часто бывает в жизни, все, как назло, совпало. Несколько недель она не спала – с тех пор, как получила письмо от Эрики Фальк, в котором та рассказывала, что пишет книгу и желает встретиться с Хеленой. После этого ей пришлось обновить рецепт на таблетки, без которых она много лет обходилась. Без них она не перенесла бы следующей новости: Мария вернулась.

Прошло тридцать лет. Тихо, без лишнего шума они с Джеймсом жили своей жизнью – Хелена знала, что именно этого Джеймс и желает. «Настанет день, когда им надоест болтать», – сказал он. И оказался прав. Тяжелые моменты уныния вскоре ушли, стоило ей только наладить повседневный ритм. А воспоминания хранились где-то в потаенных уголках души. До сегодняшнего дня. В голове замелькали картины из прошлого. Лицо Марии так и стояло перед глазами. И радостная улыбка Стеллы...

Хелена устремила взгляд на море, пытаясь следить глазами за немногочисленными волнами. Однако образы прошлого не желали ее отпускать. Мария вернулась – это начало конца...

* * *

– Простите, где здесь туалет?

Стюре из общины ободряюще смотрел на Карима и других участников занятий по шведскому языку в центре для беженцев в Танумсхеде.

Все повторяли за ним, кто как мог.

– Простите, где здесь туалет?

– Сколько стоит вот это? – продолжал Стюре.

Карим изо всех сил пытался сопоставить звуки, которые Стюре произносил у доски, с лежавшим перед ним текстом. Все такое непохожее... Буквы, которые предстояло выучить, звуки, которые нужно произносить...

Оглядев комнату, он увидел компанию из шести отважных. Остальные либо играли в футбол на солнышке, либо лежали в домиках. Одни спали целым днями, пытаясь убить время и отогнать воспоминания, другие без конца переписывались с друзьями и родственниками, оставшимися на родине, с которыми все еще можно было связаться, или бродили по новостным сайтам. Не то чтобы там было много полезной информации. Правительство распространяло сплошную пропаганду, а новостные агентства по всем миру не могли послать туда корреспондентов. В своей прошлой жизни Карим сам был журналистом и понимал, как трудно получить верные и объективные сведения из воюющей Сирии, пребывавшей в таком плачевном состоянии.

– Спасибо, что пригласили нас в гости.

Карим фыркнул. Эта фраза ему вряд ли когда-нибудь понадобится. Первое, что он узнал, попав сюда, – что шведы очень сдержанные. Беженцы не общались ни с кем из шведов – помимо Стюре и других людей, работавших в центре.

Казалось, они попали в крошечное государство в государстве, изолированное от остального мира. Друг для друга они стали просто

компанией, попутчиками. Их объединяли лишь воспоминания о Сирии. Хорошие, но в первую очередь плохие. То, что многим на родине приходилось переживать снова и снова. Сам Карим пытался вытеснить все это из сознания. Войну, ставшую повседневностью. Долгий путь в удивительную страну на севере.

Он выжил. Как и его любимая Амина, а также их бесценные бриллианты – Хассан и Самия. Все остальное не имело значения. Ему удалось увезти их в спокойное место, дать им надежду на будущее. Порой в странных снах ему мерещились трупы, плывущие по воде, но стоило ему открыть глаза, как они исчезали. Он и его семья здесь. В Швеции. Это самое главное.

– Как сказать, когда с кем-то секс?

Аднан засмеялся своим словам. Он и Халил были самыми младшими в группе. Сидя рядом, они подзуживали друг друга.

– Проявляйте уважение, – сказал Карим по-арабски и строго посмотрел на них.

И с виноватым видом пожал плечами, глядя на Стюре, который легко кивнул в ответ.

Халил и Аднан приехали сюда одни – без семьи, без друзей. Им удалось выбраться из Алеппо, прежде чем это стало опасно. Бежать или оставаться – и то, и другое таило в себе смертельную опасность.

Карим не мог на них сердиться, несмотря на их явную дерзость. Они всего лишь дети. Одинокое, напуганные дети, попавшие в чужую страну. Внешняя крутизна – единственное, что у них осталось. Здесь им все чуждо. Карим немного побеседовал с ними после занятий. Их семьи собрали всё до последней монеты, чтобы дать им возможность уехать. Многие были возложены на плечи этих мальчиков. Их не только забросили в чужой мир – от них ожидалось, что они как можно скорее наладят там жизнь и спасут свои семьи от войны. Но, хотя он и понимал их, проявлять неуважение к своей новой стране было недопустимо. Как бы шведы ни боялись чужаков, их все же пустили и приняли. Им дали крышу над головой и еду. А Стюре и вовсе приходил сюда в свободное время, чтобы научить их

спрашивать, что сколько стоит и где находится туалет. Не то чтобы Карим понимал шведов, однако испытывал большую благодарность к ним за то, что они сделали для его семьи. Не все разделяли эту точку зрения – те, кто без уважения относился к новой стране, портили жизнь всем, заставляя шведов относиться к беженцам с подозрением.

– Какая сегодня отличная погода, – отчетливо произнес Стюре у доски.

– Какая сегодня отличная погода, – повторил Карим и улыбнулся ему.

После двух месяцев в Швеции он начал понимать, почему шведы так радуются каждый раз, когда светит солнце. «Черт, ну и мерзкая погода!» – это была одна из первых фраз, которые он выучил по-шведски. Хотя не все звуки у него получались правильно.

* * *

– Как ты думаешь, много ли в этом возрасте занимаются сексом? – спросила Эрика, отхлебнув игристого.

Анна расхохоталась так, что остальные посетители кафе «Брюгган» уставились на них.

– Нет, честно, сестренка, – ты целыми днями размышляешь над этой проблемой? Сколько трахается мать Патрика?

– Да, но я подхожу к этому вопросу с несколько иной позиции, – ответила Эрика и взяла еще ложечку жаркого из креветок и раков. – Сколько лет полноценной сексуальной жизни нам еще осталось? Или на каком-то этапе интерес ослабевает? Неужели половое влечение сменяется неудержимым желанием решать кроссворды и sudoku, заедая все это шоколадными конфетами, – или все же остается неизменным?

– Послушай...

Анна потрясла головой и откинулась на стуле, пытаясь найти удобное положение. У Эрики все сжалось внутри, когда она взглянула на сестру. Не так давно они побывали в ужасной аварии, в результате которой Анна потеряла своего неродившегося ребенка. Шрамы на лице останутся навсегда. Но теперь она скоро должна родить дитя любви от Дана. Жизнь иногда преподносит такие сюрпризы...

– Как ты думаешь, вот например...

– Если ты собираешься сказать «мама и папа», то я немедленно встаю и ухожу, – заявила Анна, выставив вперед ладонь. – Об этом я даже думать не хочу.

Эрика ухмыльнулась.

– Хорошо, не будем брать в пример маму и папу, но как часто, по твоему мнению, занимаются сексом Кристина и ее Боб-строитель?^[1]

– Эрика! – Анна закрыла лицо руками и снова покачала головой. – И прекратите называть бедного Гуннара Бобом-строителем только за то, что он добрый и умелый.

– Хорошо, тогда давай поговорим о свадьбе. Тебя тоже пригласили в качестве советчицы при выборе подвенечного платья? Не может быть, чтобы только мне пришлось делать хорошую мину, когда она будет демонстрировать одно жуткое старомодное платье за другим.

– Нет, меня она тоже пригласила, – ответила Анна, пытаясь податься вперед, чтобы дотянуться до своего бутерброда с креветками.

– Ты лучше положи бутерброд прямо на живот, – предложила Эрика с улыбкой, так что Анна кинула на нее сердитый взгляд.

Как бы Дан и Анна ни мечтали об этом младенце, беременность в разгар жаркого лета доставляла мало удовольствия – а живот у Анны был буквально гигантский.

– Так неужели мы не можем ни на что повлиять? У Кристины отличная фигура, талия у нее тоньше, а грудь красивее, чем у меня, – просто она никогда не решается это подчеркнуть. Подумай только,

как прекрасно она смотрелась бы в узком кружевном платье с глубоким вырезом!

– Не втягивай меня в это дело, если ты планируешь предложить Кристине смену имиджа. Я скажу, что она прекрасно выглядит, что бы она мне ни показала.

– Трусиха.

– Занимайся своей свекровью сама, а я займусь своей. – Анна с наслаждением откусила от своего бутерброда.

– Да уж, Эстер такая злобная свекруха, – усмехнулась Эрика, представив себе добрейшую маму Дана, которая никогда и никому не сказала бы обидного слова. Об этом ей было известно на собственном опыте – с тех давних пор, когда сама она встречалась с Даном.

– Да уж, ты права, мне с ней ужасно повезло, – проговорила Анна и тут же выругалась, уронив бутерброд с креветками на живот.

– Да ты не расстраивайся, никто не обратит внимания на твой живот, когда у тебя такие огромные базуки, – произнесла Эрика, показывая на грудь Анны шестого размера.

– Заткнись!

Анна постаралась по возможности отчистить с платья майонез. Эрика наклонилась вперед, взяла ладонями лицо сестры и чмокнула ее в щеку.

– Чего это ты? – удивленно проговорила Анна.

– Я люблю тебя, – просто ответила Эрика и подняла бокал. – За нас! За тебя, за меня и нашу сумасшедшую семейку. За все то, через что нам пришлось пройти, за все, что мы пережили, и за то, что у нас больше нет секретов друг от друга.

Сморгнув пару раз, Анна подняла свой стакан с колой и чокнулась с Эрикой.

– За нас!

На мгновение Эрике показалось, что она заметила черную тень в глазах сестры, но в следующую секунду это выражение пропало. Должно быть, ей показалось.

* * *

Санна наклонилась над кустом гортензий и вдохнула их аромат. Однако он не успокоил ее, как обычно бывало. Вокруг нее копошились покупатели, брали в руки горшки, клали в тележки упаковки с землей для растений, но она едва замечала их. Перед глазами у нее стояла лживая улыбка Марии Валль.

Санна не могла понять, как Мария решилась вернуться. После стольких лет. Мало того, что ей самой пришлось встречаться иногда в деревне с Хеленой, кивать ей...

Санна свыклась с мыслью, что Хелена рядом, что она в любой момент может столкнуться с ней. Она видела чувство вины в глазах Хелены – видела, как оно с каждым годом все больше съедает ее. Но Мария никогда не проявляла ни малейшего раскаяния, ее улыбающееся лицо появлялось во всех газетах о жизни знаменитостей.

И теперь она вернулась. Лживая, красивая, смеющаяся Мария. Когда-то они занимались в одном классе в воскресной школе. С завистью разглядывая длинные ресницы Марии и ее светлые вьющиеся волосы, достающие до поясницы, Санна видела и тьму в ее душе.

К счастью, родителям Санны не придется вновь увидеть улыбку Марии в деревне. Санне было тринадцать, когда ее мама умерла от рака печени, а в пятнадцать она похоронила отца. Врачи так и не смогли поставить окончательный диагноз, но Санна знала, что случилось. Отец умер от горя.

Она покачала головой, и головная боль снова напомнила о себе.

Ее вынудили переехать к тетушке Линн, но там Санна так и не прижилась. Собственные дети Линн и дяди Пауля были на несколько лет моложе ее – и родственники понятия не имели, что им делать с сиротой-подростком. Их нельзя было упрекнуть ни в глупости, ни в злости; они делали все, что могли, – но оставались чужими.

Санна выбрала земледельческую программу в гимназии подальше от них и сразу после окончания начала работать. С тех пор она сама себя содержала. У нее был собственный садовый магазинчик в окрестностях Фьельбаки – дохода он приносил немного, но достаточно, чтобы прокормить их с дочерью. А больше ей ничего и не нужно.

Ее родители превратились в живых мертвецов, когда Стеллу нашли убитой, – в каком-то смысле Санна их понимала. Некоторые люди с самого рождения словно несут в себе свет – именно такой была Стелла. Всегда веселая, всем довольная, готовая поделиться со всеми вокруг поцелуями и объятиями. Если б Санна могла умереть вместо Стеллы в то жаркое летнее утро, она не колебалась бы.

Но в озере нашли именно Стеллу. И все оборвалось...

– Простите, у вас есть розы, неприхотливые в уходе?

Санна вздрогнула и подняла глаза на женщину, подошедшую совершенно незаметно. Та улыбнулась Санне, и ее морщинистое лицо разгладилось.

– Люблю розы, но зеленых пальцев мне бог не дал.

– А цвет для вас важен? – спросила Санна.

Никто лучше нее не умел подбирать людям растения, которые им подходят. Одним подходили цветы, нуждающиеся в каждодневном уходе и внимании. У таких приживались и начинали цвести орхидеи – вместе они жили долго и счастливо много лет. У других едва хватало сил позаботиться о самих себе – таким требовались сильные, упорные растения. Не обязательно кактусы – их Санна приберегала для самых тяжелых случаев, зато могла предложить спатифиллум или монстеру. Найти подходящее растение к каждому человеческому типу стало для нее делом чести.

– Розовый, – мечтательно проговорила дама. – Я люблю розовый.

– А знаете, у меня есть для вас подходящее растение. Оно называется «роза пимпинеллифолия». Тут важно приложить усилия при посадке. Выройте глубокую ямку, обильно полейте. Положите немного удобрения – я приложу нужный вид – и опустите туда

кустарник. Подсыпьте земли и снова полейте. Поначалу полив очень важен, когда растение пускает корни. А потом достаточно поливать иногда, чтобы оно не пересыхало. И подрезайте его каждый год по весне – говорят, это надо делать, когда на березах распустились первые листочки.

Дама с обожанием смотрела на куст роз, который Санна положила в ее тележку. Санна хорошо понимала ее. В розах есть что-то особенное. Сама она часто сравнивала людей с цветами. Если бы Стелла родилась цветком, то она точно была бы розой. «Роза галлика». Прекрасная, волшебная, слой за слоем восхитительных лепестков...

Женщина откашлялась.

– С вами всё в порядке? – осторожно спросила она.

Санна покачала головой, осознав, что в очередной раз предалась воспоминаниям.

– Да, все хорошо, просто немного устала. Да еще и эта жара...

Женщина кивнула на ее уклончивый ответ.

Однако нет, не всё в порядке. Зло вернулось. Санна ощущала его присутствие так же отчетливо, как запах роз.

* * *

«Отпуск с детьми – не совсем отдых», – думал Патрик. Это было интересное сочетание потрясающе ярких ощущений и полного изнеможения. Особенно сейчас, когда ему одному приходится справляться со всеми тремя детьми, пока Эрика обедает с Анной. К тому же он опрометчиво спустился с детьми на пляж, поскольку дома они уже стали лезть на стенку. Обычно легче удавалось избежать ссор, когда они были чем-то заняты, но он упустил из виду, как все осложняется на пляже. Во-первых, риск того, что кто-нибудь утонет. Их дом располагался в Сэвике прямо над пляжем, и Патрик не раз просыпался в холодном поту, когда ему чудилось, что кто-то

из детей выбрался из дома и побрел вниз, к воде. Вторым пунктом был песок. Ноэль и Антон не только упорно кидались им в других детей, так что на Патрика стали строго посматривать другие родители, – по непонятным причинам они обожали запихивать песок в рот. Он уже успел вытащить окурок из крошечного кулачка Антона – вопрос времени, когда туда попадет осколок стекла или еще что похуже.

Слава богу, что есть Майя. Иногда Патрика мучила совесть, что ей приходится брать на себя ответственность за младших братьев, но Эрика всегда утверждала, что дочери это очень нравится. В точности как она сама обожала в детстве заботиться о младшей сестренке.

Сейчас Майя следила за тем, чтобы близнецы не заходили далеко в воду, твердой рукой выводила их на берег, проверяла, что они кладут в рот, и отряхивала тех деток, в которых ее братья кидались песком. Иногда Патрику хотелось, чтобы она не вела себя столь серьезно. Он подозревал, что в будущем ее ждет язва желудка, если она всегда будет вести себя так образцово.

С тех пор, как с ним несколько лет назад случился сердечный приступ, Патрик усвоил, как важно заботиться о себе, не забывая отдыхать и расслабляться. Вопрос лишь в том, можно ли это обеспечить, проводя отпуск с детьми. Хотя он и любил своих деток более всего на свете, в глубине души иногда вынужден был признать, что скучает по тишине своего кабинета в полицейском участке Танумсхеде.

* * *

Мария Валль откинулась в шезлонге и потянулась за напитком. «Беллини». Шампанское с персиковым соком. Ах, совсем не то, что в «Баре у Гарри» в Венеции... Здесь свежих персиков не нашлось. Вариант на скорую руку – дешевое шампанское, которым заполнили ей холодильник эти жмоты из кинокомпании, с персиковым соком от

«Провивы»^[2]. Но что поделать... Она потребовала, чтобы к ее приезду ингредиенты для «Беллини» уже стояли в кухне.

Странное чувство – вернуться назад. Не в дом, конечно. Старый давно снесен, от него не осталось и следа. Временами Мария невольно задавалась вопросом, как живет владельцам нового дома, построенного на прежнем участке, – не посещают ли их привидения после всего того, что тут разыгралось. Видимо, нет. Зло сошло в могилу вместе с ее родителями.

Мария отпила глоток коктейля. Интересно, где сейчас владельцы дома?.. Августовская неделя с прекрасной погодой – как раз то время, когда больше всего пользы от жилья, купленного и обставленного за миллионы. Даже если не часто бываешь в Швеции. Скорее всего, они сидят сейчас в своем роскошном, похожем на замок доме в Провансе, который Мария нашла, введя в поисковик их фамилию. Богатые люди обычно выбирают самое лучшее. Включая дачу.

Однако она благодарна им, что они согласились сдать ей дом. Именно сюда Мария спешила, когда заканчивался съемочный день. Она понимала, что так не может продолжаться бесконечно, – однажды она столкнется нос к носу с Хеленой, вспомнит, как много они когда-то значили друг для друга, будет потрясена тем, как все изменилось... Однако пока она не готова к этой встрече.

– Мама!

Мария закрыла глаза. С того момента, как родилась Джесси, она пыталась заставить ее обращаться к ней по имени вместо этого ужасного ярлыка – но напрасно. Ребенок упорно называл ее мамой, словно пытаясь тем самым превратить Марию в типичную квочку.

– Мама!

Звук доносился сзади, и Мария поняла, что спрятаться не удастся.

– Что? – спросила она и снова потянулась к бокалу.

Пузырьки обжигали горло. С каждым глотком тело становилось все мягче и податливее.

– Мы с Сэмом собираемся прокатиться на его лодке, можно?

– Ясное дело, – ответила Мария и отпила еще глоток. Прищурив глаза, взглянула на дочь из-под полей соломенной шляпы. – Хочешь?

– Мама, мне пятнадцать лет, – со вздохом ответила Джесси.

Боже, она такая правильная – трудно поверить, что это ее дочь... К счастью, ей удалось познакомиться с парнем, едва они приехали во Фьельбаку.

Мария откинулась в шезлонге и закрыла было глаза, но вскоре снова открыла.

– Что ты стоишь надо мной? – спросила она. – Ты заслоняешь мне солнце. Я пытаюсь хоть чуть-чуть загореть. После обеда у меня съемки, и режиссер хочет, чтобы я выглядела естественно загорелой. Ингрид была как шоколадка, когда проводила лето на Даннхольмене.

– Я... – Джессика начала что-то говорить, но потом резко развернулась и ушла.

Мария услышала, как с грохотом захлопнулась входная дверь, и улыbnулась. Наконец-то одна...

* * *

Билл Андерссон открыл крышку корзинки и достал один из бутербродов, сделанных Гуниллой. Глядя в небо, поспешно закрыл крышку. Чайки летают быстро – стоит зазеваться, и не видать тебе обеда. Особенно легко это может произойти здесь, на мостках.

Гунилла ткнула его кулачком в бок.

– Нет, правда, отличная идея, – сказала она. – Сумасшедшая, но отличная.

Билл закрыл глаза и откусил кусок бутерброда.

– Ты правда так думаешь или просто говоришь это, чтобы порадовать своего старика? – спросил он.

– С каких это пор я что-то говорю, только чтобы тебя порадовать? – удивилась Гунилла, и по этому пункту Билл вынужден

был согласиться с ней.

За сорок лет совместной жизни она всегда вела себя с ним беспощадно честно.

– Да, на самом деле я все размышлял об этом, с тех пор как посмотрел то кино. Думаю, у нас тоже получится. Я переговорил с Рольфом, который работает в центре для беженцев, – жизнь у них там не больно веселая. Народ так боится, что даже на пушечный выстрел к ним не подходит.

– Здесь, во Фьельбаке, достаточно того, что ты приехал из Стрёмстада, как я, чтобы тебя считали почти иностранцем. Нечего удивляться, что они не ждут сирийцев с распростертыми объятиями.

Гунилла потянулась за свежей французской булочкой и положила на нее особо толстый слой масла.

– Пора народу менять свое отношение, – проговорил Билл и раскинул руки. – К нам приехали люди, бежавшие от войны и ужасов с малыми детьми на руках, столько натерпевшиеся по дороге... мы должны что-то сделать, чтобы народ начал разговаривать с ними. Если получилось научить сомалийцев кататься на коньках и играть в хоккей с мячом, то уж можно научить сирийцев ходить под парусами? Кстати, их страна расположена у воды... Может, они уже всё умеют?

Гунилла покачала головой.

– Понятия не имею, мой дорогой. Придется тебе «погуглить».

Билл потянулся за планшетом, который лежал рядом с ним после битвы с очередным судоку.

– Да, Сирия расположена у воды, но трудно сказать, многие ли из них бывали на побережье. Я всегда говорил, что научиться ходить под парусами может каждый; это прекрасный повод доказать мою правоту.

– Но неужели недостаточно, чтобы они просто катались на паруснике для своего удовольствия? Им обязательно участвовать в соревнованиях?

– В этом была вся суть «Приятных людей»^[3]. Поставив перед собой по-настоящему сложную задачу, они обрели мотивацию. Получилось нечто вроде манифеста.

Билл улыбнулся. Подумать только – он умеет выражать свои мысли так компетентно и продуманно...

– Но почему нужен этот самый – как ты сказал – манифест?

– Потому что иначе не будет такого резонанса. Если этой идеей увлекутся другие, как увлекся я, все это начнет распространяться, как круги по воде, и беженцам станет легче вливаться в общество.

Билл уже видел, как он создает национальное движение. Все большие изменения начинались с чего-то малого. То, что началось с команды по хоккею с мячом для сомалийцев и продолжилось обучением сирийцев парусному спорту, могло отлиться в самые неожиданные формы!

Гунилла положила ладонь на его руку и улыбнулась ему.

– Прямо сегодня поеду и поговорю с Рольфом. Надо договориться о проведении собрания в центре для беженцев, – сказал Билл и взял новую булочку.

Поколебавшись минутку, он взял еще одну и кинул ее чайкам. Они ведь тоже есть хотят.

* * *

Эва Берг вырывала сорняки и складывала в корзину. Сердце радостно подпрыгивало в груди каждый раз, когда она смотрела на поля. Все это принадлежит им. Их мало волновала история хутора. Ни она, ни Петер суевериями не страдали. Хотя, ясное дело, было много разговоров, когда десять лет назад они купили хутор семейства Странд, – обо всех несчастьях, постигших бывших хозяев. Но, насколько поняла Эва, речь шла о большой трагедии, вызвавшей позже все остальное. Смерть маленькой Стеллы обернулась

трагедией для всей семьи – к самому хутору это не имело никакого отношения.

Наклонившись вперед, Эва выискивала сорняки, не обращая внимания на боль в коленях. Для нее и Петера новый дом стал раем. Они жили в городе – если Уддеваллу можно назвать городом, – но всегда мечтали переехать в деревню. Хутор неподалеку от Фьельбаки показался им идеальным решением во всех отношениях. То, что он продавался по низкой цене из-за того, что там произошло, позволило им купить его. Эва очень надеялась, что они сумеют наполнить это место любовью и позитивной энергией.

Приятнее всего было видеть, как тут нравилось Нее. Они дали дочери имя Линнея, но когда она начала говорить, то называла себя Нея – и Эва с Петером тоже стали звать ее так. Теперь ей уже четыре – и она такая решительная и настырная, что Эва холодеет при мысли о подростковом возрасте. Но, похоже, других детей у них с Петером не будет, так что они смогут уделить все внимание Нее, когда это потребуется. Сейчас казалось, что до того еще очень далеко. Нея носилась по хутору, бегая вокруг животных, как маленький сгусток энергии, с растрепанными на ветру светлыми волосами, доставшимися ей от мамы. Эва боялась, что девочка сгорит на солнце, но у той лишь становилось еще больше веснушек...

Эва поднялась и вытерла пот со лба рукавом, чтобы не запачкать лицо садовыми перчатками. Прополка была ее любимым занятием. Какой контраст с ее обычной офисной работой! Детская радость охватывала ее всякий раз, когда она видела, как посаженные ею семена превращались в растения, росли, расцветали, и наконец наставала пора собирать урожай. Овощи они выращивали к собственному столу – существовать только за счет хутора у них не получилось бы, однако он с успехом выполнял роль подсобного хозяйства: огород, грядка с приправами и поле с картошкой. Порой Эве становилось как-то неловко, оттого что у них все так хорошо. Жизнь сложилась куда прекраснее, чем она могла мечтать, и теперь ей ничего на земле не нужно, кроме Петера, Неи и их общего дома.

Эва начала дергать морковку. Вдалеке показался Петер на тракторе. В обычной жизни он работал на заводе «Тетра Пак», но все свое свободное время проводил за рулем трактора. Сегодня утром Петер уехал, когда она еще спала, прихватив с собой бутерброды и термос с кофе. Хутору принадлежал кусок леса, который муж решил проредить, так что она знала, что он вернется с дровами на зиму – потный и уставший, но с улыбкой до ушей.

Сложив морковь в корзинку, Эва отставила ее в сторону – это им сегодня на ужин. Сняв с себя садовые перчатки, она положила их рядом с корзиной и двинулась к Петеру. Прищурившись, попыталась разглядеть Нею в тракторе. Дочка наверняка заснула, с ней это часто случается. Ей пришлось встать сегодня рано, но она обожала ездить с Петером в лес. Возможно, она и любила маму, но папа был лучше всех.

Петер заехал на тракторе на площадку перед домом.

– Привет, дорогой, – проговорила Эва, когда он заглушил мотор.

Сердце забилось чаще, когда она увидела его улыбку. После стольких лет совместной жизни от его улыбки по-прежнему сладко кружилась голова.

– Привет, милая. Вы хорошо провели день?

– Да...

Почему он сказал «вы»?

– А вы? – поспешно спросила она.

– Кто это мы? – спросил Петер, целуя ее в щеку. Огляделся. – Где Нея? Заснула?

В ушах зашумело, и откуда-то издалека Эва услышала свой голос, произнесший:

– Я думала, она уехала с тобой.

Они стояли и смотрели друг на друга. Весь их мир рухнул.

Дело Стеллы

Линда посмотрела на Санну, подпрыгивавшую на сиденье.

– Как ты думаешь, что скажет Стелла, когда увидит все твои одежды?

– Думаю, она обрадуется, – ответила Санна с улыбкой, делавшей ее похожей на младшую сестру. Но потом наморщила лоб, как умела только она. – Хотя и завидовать тоже будет, наверное.

Линда улыбнулась, заезжая на площадку перед домом. Санна всегда была такой заботливой сестрой...

– Мы объясним, что тоже купим ей много красивых вещичек, когда пора будет идти в школу.

Едва она затормозила, как Санна выскочила наружу и открыла заднюю дверцу, чтобы вытащить все свои пакеты.

Входная дверь открылась, и на крыльцо вышел Андерс.

– Прости, что мы задержались, – проговорила Линда. – Зашли перекусить.

Он смотрел на нее со странным выражением лица.

– Знаю, скоро пора ужинать, но Санна очень хотела зайти в кафе, – продолжала она, улыбаясь дочери, которая быстро обняла папу и убежала в дом.

Андерс покачал головой.

– Не в том дело. Я... Стелла все еще не вернулась.

– Как не вернулась?

Взглянув на Андерса, Линда почувствовала, как внутри все перевернулось.

– Не вернулась. Я звонил и Марии, и Хелене. Никого из них дома нет.

Она выдохнула и закрыла дверцу машины.

– Они наверняка задержались. Ты же знаешь Стеллу – скорее всего, она повела их через лес, чтобы все показать... – Чмокнула Андерса в губы.

– Ты наверняка права, – пробормотал тот, но видно было, что ее слова его не убедили.

В доме зазвонил телефон, и Андерс поспешил в кухню, чтобы снять трубку.

Линда наморщила лоб, наклоняясь, чтобы снять ботинки. Так не похоже на Андерса нервничать из-за небольшой задержки. Однако, ясное дело, он целый час бродил один по дому, недоумевая, что же случилось.

Когда она выпрямилась, перед ней снова стоял Андерс. Выражение его лица снова заставило все у нее внутри сжаться.

– Звонил Карл-Густав. Хелена вернулась домой, они садятся ужинать. Карл-Густав звонил домой к Марии – по его словам, обе девочки утверждают, что они расстались со Стеллой около пяти.

– Боже мой, что ты говоришь?

Андерс натянул кроссовки.

– Здесь, на хуторе, я уже все обыскал, но, может быть, она снова пошла в лес и заблудилась?

Линда кивнула.

– Мы должны ехать искать ее.

Подойдя к лестнице, она крикнула на второй этаж:

– Санна! Мы с папой поедем искать Стеллу. Она наверняка в лесу. Ты же знаешь, как она любит там гулять. Скоро вернемся!

Посмотрела на мужа. Не надо показывать Санне ту тревогу, которую они ощущали.

Но уже через полчаса супруги не могли скрыть друг от друга свое отчаяние. Андерс вцепился в руль так, что побелели косточки пальцев. Обыскав лес возле участка, они проехали взад-вперед по дороге, заглянули во все места, где обычно бывает Стелла. Но нигде ее не нашли.

Линда положила руку на колено Андерсу.

– Надо возвращаться домой.

Тот кивнул и посмотрел на нее. Тревога в ее глазах казалась пугающим отражением его собственной.

Они должны позвонить в полицию.

* * *

Йоста Флюгаре пересматривал кипу бумаг, лежавших перед ним. В понедельник в августе месяце кипа была не особенно высокой. Он ничего не имел против того, чтобы поработать летом. Помимо нескольких партий в гольф, у него все равно нет других занятий. Иногда приезжала в гости Эбба, однако с рождением нового малыша визиты стали нечастыми – и он относился к этому с пониманием. Ему хватало того, что она всегда была рада видеть его у себя в Гётеборге – и приглашала не просто на словах, а от всей души. Маленькая доза того, что стало его семьей, – все же лучше, чем ничего. Лучше уж пусть Патрик, у которого маленькие дети, отгуляет свой отпуск летом. А они с Мелльбергом посидят тут, как две старых коняги, занимаясь поступающими делами. Мартин тоже то и дело заглядывал, чтобы проверить, как там «наши старички», как он поддразнивал их, но Йоста думал, что тому тоже хочется компании. Мартин так и не нашел себе новую спутницу жизни после смерти Пии, и Йоста очень жалел его. Он отличный парень. И дочери нужна женская ласка. Флюгаре знал, что Анника, секретарша участка, иногда берет девочку к себе домой под тем предлогом, что Тува поиграет с ее дочерью Леей. Однако этого мало. Девочке нужна мама. Однако Мартин пока не готов к новым отношениям, и тут уж ничего не попишешь. Любовь приходит, когда приходит, – вот для Йосты в жизни существовала только одна женщина. Просто Мартин был, по его мнению, слишком молод, чтобы так и сидеть один.

Встретить новую любовь нелегко, это он прекрасно понимал. Заставить запылать чувства усилием воли невозможно, к тому же и выбор слегка ограничен, когда живешь в маленьком поселке. Помимо всего прочего, до встречи с Пией Мартин был дамским угодником – так что есть риск пойти по второму кругу. А, по мнению Йосты, повторный визит редко получается лучше прежнего, если с первого раза что-то не сложилось. Впрочем, что ему об этом известно? Его единственной любовью стала Май-Бритт, с которой он прожил всю свою взрослую жизнь. Никого для него не существовало ни до нее, ни после.

Размышления Флюгаре прервал резкий телефонный звонок.

– Полицейский участок Танумсхеде.

Он внимательно вслушивался, что говорил голос на другом конце провода.

– Мы выезжаем. Какой адрес?

Записав адрес, Йоста положил трубку и ворвался в соседний кабинет, даже не постучав.

Мелльберг вздрогнул, пробудившись от сладкого сна.

– Какого черта? – воскликнул он и уставился на Йосту.

Волосы, которые Мелльберг обмотал вокруг черепа, желая скрыть лысину, упали на лицо, но он быстрым привычным движением вернул их на место.

– Пропал ребенок, – сказал Йоста. – Четыре года. Его не видели с утра.

– С утра? И родители звонят только сейчас? – воскликнул Мелльберг и вскочил со стула.

Йоста взглянул на наручные часы. Они показывали четверть четвертого.

Пропажу детей никак нельзя было назвать обычным делом. Летом чаще всего случались пьяные драки, воровство, квартирные кражи и иногда – попытки изнасилования.

– Каждый из них думал, что она с другим. Я сказал, что мы немедленно выезжаем.

Мелльберг засунул ноги в ботинки, стоявшие рядом с письменным столом. Его пес Эрнст, спавший под столом, устало положил голову на лапы, убедившись, что всеобщее оживление не означает ни прогулку, ни кормежку.

– Где это? – спросил Мелльберг и трусцой побежал за Йостой к гаражу.

Добежав до машины, он уже запыхался.

– Хутор Бергов, – ответил Йоста. – Где раньше жило семейство Странд.

– Ах ты, черт! – воскликнул Мелльберг.

Об этом случае, произошедшем задолго до его появления во Фьельбаке, он только слышал и читал. Но Йоста был там, когда все произошло. Во всем этом ощущалось что-то до боли знакомое.

* * *

– Алло!

Патрик отряхнул ладонь, прежде чем ответить, однако телефон все равно оказался весь в песке. Свободной рукой он поманил детей и достал пачку печенья и контейнер с нарезанным яблоком. Ноэль и Антон кинулись на печенье, пытаясь вырвать пачку друг у друга, в результате чего та упала на песок, и бóльшая часть ее содержимого высыпалась наружу. Другие родители косились на них – Патрик почти физически ощущал, как они фыркали. Собственно говоря, он их даже где-то понимал. Хотя считал себя и Эрику относительно компетентными родителями, близнецы порой вели себя так, словно выросли в лесу с волками.

– Подожди, Эрика, – проговорил Патрик, со вздохом поднял с земли пару печенюшек и обдул их от песчинок.

Ноэль и Антон съели уже столько песка, что несколько песчинок вряд ли им повредят.

Майя взяла контейнер с яблоком, уселась, положила его себе на колени и устремила взгляд на море. Патрик разглядывал ее тоненькую спину и волосы на затылке, закурчавившиеся от влаги. Она казалась ему прекрасной, хотя Патрику, как всегда, не удалось сделать ей хвостик.

– Ну вот, сейчас могу с тобой поговорить. Мы на пляже, и у нас тут был небольшой инцидент с печеньем, потребовавший моего участия...

– Понятно, – сказала Эрика. – Но в целом все хорошо?

– Да-да, все прекрасно, – солгал Патрик, в очередной раз пытаясь оттереть руку от песка о плавки.

Ноэль и Антон поднимали печенье и радостно жевали, хотя песок похрустывал у них на зубах. Над ними кружилась чайка, ожидая, когда мальчуганы зазеваются хотя бы на секунду. Однако вряд ли ей что-то перепадет. Близнецы могли умять пачку печенья с рекордной скоростью.

– Я уже отобедала, – сказала Эрика. – Хочешь, приду к вам?

– Прекрасно, – ответил Патрик. – Только, пожалуйста, прихвати термос с кофе. С непривычки я его забыл.

– Поняла. Ваши желания для меня закон.

– Спасибо, дорогая. Ты себе не представляешь, как мне сейчас не хватает чашечки кофе.

Положив трубку, Патрик улыбнулся. Какое редкое счастье, что после пяти лет совместной жизни и рождения троих детей он по-прежнему волнуется, как мальчишка, услышав в трубке голос жены... Эрика – лучшее, что у него есть. Конечно, помимо детей. С другой стороны, без нее он никогда ими не обзавелся бы...

– Это мама звонила? – спросила Майя, которая, обернувшись, смотрела на него, прикрывая глаза ладонью.

Боже, до чего она похожа на мать в некоторых ракурсах... Патрик был этому несказанно рад. Его Эрика красивее всех на свете.

– Да, звонила мама, она идет к нам.

– Ура!!! – закричала Майя.

– Подожди-ка, мне звонят с работы, я должен с ними поговорить, – пробормотал Патрик и нажал пальцем с прилипшим к нему песком на зеленую кнопку.

На дисплее высветилось имя «Йоста», а он догадывался, что коллега не стал бы тревожить его во время отпуска по пустякам.

– Привет, Йоста, – сказал Патрик. – Подожди минуточку. Майя, ты не могла бы дать мальчишкам яблоко? И отбери у Ноэля эту карамельку, которую он где-то нашел и собирается съесть... Спасибо, солнышко.

Он снова поднес телефон к уху.

– Прости, Йоста, теперь я тебя слушаю. Я с детьми на пляже в Сельвике. Сказать, что тут полный хаос, – значит, ничего не сказать.

– Очень жаль отвлекать тебя в разгар отпуска, – проговорил Йоста. – Но мне подумалось, что тебе важно будет узнать – мы получили сигнал о пропаже ребенка. Маленькая девочка, пропавшая еще утром.

– Что ты говоришь? Еще утром?

– Пока больше ничего не известно, но мы с Мелльбергом сейчас едем к ее родителям.

– Где они живут?

– В этом-то все и дело. Она пропала с хутора Бергов.

– Вот дьявол, – прошептал Патрик, чувствуя, что весь холодеет. – Не там ли жила Стелла Странд?

– Да, это именно тот хутор.

Он посмотрел на своих детей, которые теперь относительно мирно играли в песочек. От одной мысли, что кто-то из них мог пропасть, у него закружилась голова. Ему не надо было долго думать, чтобы решиться. Хотя Йоста не сказал этого открытым текстом, Патрик подозревал, что ему понадобится помощь кого-нибудь другого, помимо Мелльберга.

– Я приеду, – сказал он. – Эрика появится минут через пятнадцать, и тогда я смогу выехать.

– Ты знаешь, где это?

– Прекрасно знаю.

Еще бы ему не знать... В последнее время дома только и разговоров было, что об этом хуторе.

Нажав на красную кнопку, Патрик почувствовал, как внутри все перевернулось. Наклонившись вперед, он прижал к себе всех троих детей. Те бурно запротестовали, и он оказался весь в песке. Однако это не имело никакого значения.

* * *

– Ты такой забавный, – сказала Джесси, откинув волосы, которые ветер все время задувал ей в лицо.

– В смысле – забавный?

– Ты не похож на морского волка.

– Ну и как же выглядит морской волк? – Сэм повернул руль, увернувшись от большой яхты.

– Да прекрасно ты понимаешь, что я имею в виду. У них типа такие специальные ботинки с помпонами, бирюзовые шорты, поло и джемпер с V-образным вырезом, накинутый на плечи.

– А на голове морская фуражка, да? – Сэм усмехнулся. – Кстати, откуда ты знаешь, как выглядит морской волк, – ты же никогда не бывала у моря?

– Нет, но я смотрела кино. И фотки в журналах.

Сэм лишь делал вид, что не понимает ее. Ясное дело, моряк не мог выглядеть как он. В рваной одежде, с черными, как вороново крыло, волосами и разводами сажи вокруг глаз. А ногти! Черные, искусанные... Но ей и в голову не пришло бы критиковать его. Сэм был самым красивым парнем, которого она видела.

Однако, пожалуй, про морского волка – это она загнула. Стоит ей открыть рот, как из него вырывается какая-нибудь глупость. Джесси об этом частенько говорили в школах-интернатах, когда ее бросало из одного в другой. Что она глупая. И некрасивая.

И они совершенно правы, она это знала.

Джесси толстая и неуклюжая, лицо все в прыщах, волосы всегда кажутся жирными, как бы часто она их ни мыла. Она почувствовала, как навернулись слезы, и усиленно заморгала, чтобы Сэм ничего не заметил. Ей так не хотелось опозориться перед ним. Он первый друг за всю ее жизнь. С того самого дня, когда подошел к ней в очереди перед киоском. Когда сказал, что знает, кто она, – и она поняла, кто он.

И кто его мама.

– Черт, везде полно народу, – проворчал Сэм, ища заливчик, где уже не стояли бы на якоре или у причала две-три яхты.

Большинство мест оказались заняты еще с утра.

– Чертовы дачники, – буркнул Сэм.

Наконец ему удалось найти уголок с подветренной стороны позади острова Лонгшер.

– Пристанем здесь. Ты можешь выпрыгнуть на берег с канатом. – Он указал на веревку, лежавшую в самой передней части палубы.

– Выпрыгнуть? – переспросила Джесси.

Она не из тех, кто прыгает. И уж точно не из лодки на скользкий уступ скалы.

– Ничего страшного, – спокойно сказал Сэм. – Я приторможу прямо перед скалой. Сядь на корточки на носу, и тогда ты сможешь выпрыгнуть на берег. Все будет хорошо. Положись на меня.

Положись на меня. Может ли она полагаться на кого бы то ни было? На Сэма?

Джесси сделала глубокий вдох, залезла на нос катера, схватила веревку и присела на корточки. Когда остров приблизился, Сэм затормозил, дав задний ход, и катер медленно и плавно скользнул к скале, где они собирались сойти на берег. К своему удивлению, Джесси сделала прыжок с катера на скалу и мягко приземлилась, даже не выпустив веревку.

У нее получилось.

* * *

Четвертый заход в «Хедемюрс» за два дня. Однако больше в Танумсхеде делать особо нечего. Халил и Аднан бродили по второму этажу среди одежды и домашней утвари. Халил ощущал косые взгляды, но сейчас у него не было сил сердиться. Поначалу ему было сложно обороняться от этих взглядов, от постоянной подозрительности. Сейчас он уже привык к тому, что они очень выделяются. Выглядят не как шведы, разговаривают не как шведы,

двигаются не как шведы. Увидел бы он шведа в Сирии – тоже, вероятно, уставился бы на него.

– Чего смотришь? – прошипел Аднан по-арабски даме лет семидесяти, пристально смотревшей на них.

Наверняка чувствует себя полицейским в штатском – следит, чтобы они ничего не стащили. Халил мог бы объяснить ей, что они никогда не брали чужое. Что им это даже в голову не пришло бы. Что они не так воспитаны. Но когда она фыркнула и двинулась в сторону лестницы, ведущей вниз, он понял, что это бесполезно.

– Что они о нас думают, черт возьми? Всегда одно и то же...

Аднан продолжал ругаться по-арабски и размахивать руками, так что чуть не уронил лампу, стоявшую на полке рядом.

– Пусть думают что хотят. Похоже, они раньше и араба живого не видели...

В конце концов ему удалось заставить Аднана улыбнуться. Тот на два года моложе – ему всего шестнадцать – и порой ведет себя по-мальчишески. Он не управляет своими чувствами – они управляют им.

Халил давно уже не чувствует себя мальчишкой. С того дня, как от взрыва бомбы погибли его мать и младшие братья. Стоило ему подумать о Билале и Тарике, как на глаза наворачивались слезы, и Халил быстро замигал, чтобы Аднан ничего не заметил. Билал всегда придумывал какие-то озорные выходки – но с такой веселой физиономией, что на него невозможно было сердиться. Тарик, который много читал, всегда ходил с книгой – все говорили, что он станет великим человеком. Одно мгновение зачеркнуло все. Их нашли в кухне – тело матери лежало поверх тел мальчиков. Но она не смогла их защитить.

Сжав кулаки, Халил огляделся, подумав о том, какой стала его жизнь сейчас. Свои дни он проводил в тесной комнатухе в центре или бродил по улицам в этом странном поселке, куда их забросила судьба. Молчаливом и пустынным, без запахов, звуков и красок. Шведы словно замкнулись в собственном мире – едва здоровались

друг с другом и, кажется, почти пугались, если к ним кто-то обращался; разговаривали тихо и без всякой жестикуляции.

Аднан и Халил спустились по лестнице и, выйдя на залитую солнцем улицу, остановились на тротуаре. Каждый день одно и то же. Трудно найти себе занятие. В комнате сами стены давили, словно пытаясь задушить их. Халил не желал быть неблагодарным. В этой стране ему дали кров и еду. И безопасность. Бомбы здесь с неба не падают, не приходится постоянно бояться солдат и террористов. Но даже в безопасности трудно жить в подвешенном положении. Когда дома никто не ждет, нечем заняться, нет цели в жизни.

Это и не жизнь. Так, прозябание.

Аднан, идущий рядом, тихо вздохнул. Они уныло побрели обратно к центру.

* * *

Эва стояла, словно оцепенев, обхватив себя руками. Петер по-прежнему бегал повсюду и искал. Она посмотрел уже везде, по четыре-пять раз. Поднимал одно и то же покрывало, переставлял один и тот же ящик, звал Нею. Но Эва знала, что это бесполезно. Неи здесь нет. Тоска ощущалась во всем ее теле.

Прищурившись, она увидела вдали точку. Та становилась все больше, приобретая по мере приближения белый цвет. Эва поняла, что это наконец-то едет полиция. Вскоре она уже вполне отчетливо могла разглядеть синие и белые полосы, и тут в душе у нее словно разверзлась пропасть. Полиция приехала, потому что пропала Нея. Ее нет с самого утра. Мозг все еще не мог до конца воспринять эту мысль. Нея пропала еще утром. Что же они за родители, как могли не заметить, что их четырехлетней дочери нет весь день?

– Это вы звонили нам?

Пожилой мужчина с седыми волосами вышел из полицейской машины и направился к ней. Она молча кивнула, и он протянул ей

руку.

– Йоста Флюгаре. А это Бертиль Мелльберг.

Второй полицейский, примерно такого же возраста, но куда более грузный, тоже протянул руку. Он весь вспотел и вытирал лоб рукавом рубашки.

– Ваш муж тоже здесь? – спросил стройный и седой, оглядывая двор.

– Петер! – крикнула Эва, сама ужаснувшись тому, как слабо прозвучал ее голос.

Она попробовала еще раз, и Петер прибежал бегом со стороны леса.

– Ты нашла ее? – крикнул он.

Взгляд его остановился на полицейской машине, и он сгорбился.

Все это казалось совершенно невероятным. Такое просто не могло произойти! В любую минуту она проснется и с облегчением поймет, что это был всего лишь кошмарный сон...

– Мы могли бы поговорить за чашечкой кофе? – спросил Йоста Флюгаре спокойным голосом и взял Эву под локоть.

– Да-да, проходите, присядем в кухне, – проговорила она и пошла вперед, указывая дорогу.

Петер так и остался стоять посреди двора. Его руки бессильно повисли вдоль тела. Она знала, что он хочет продолжать поиски, но без него ей не выдержать этой беседы.

– Петер, пошли.

Тяжелыми шагами он вошел в дом следом за ней и полицейскими. Стоя к ним спиной, Эва занялась кофейником, однако все время ощущала их присутствие. Словно их мундиры заполнили собой помещение.

– Молоко? Сахар? – спросила она машинально, и оба кивнули.

Она достала молоко и сахар, а ее муж так и остался стоять в дверях.

– Сядь, – строго проговорила Эва, и он повиновался.

Словно на автопилоте, она продолжала вынимать чашки, ложки и пачку печенья «Балерина», лежавшую в шкафу. Нея любила печенье «Балерина». От этой мысли Эва вздрогнула и уронила ложку на пол. Йоста наклонился, чтобы поднять ее, но хозяйка успела раньше. Подняв ложку, она бросила ее в раковину и достала новую.

– Может быть, вы уже начнете задавать вопросы? – спросил Петер, глядя на свои большие руки. – Она пропала еще утром, каждая секунда на вес золота.

– Пусть ваша жена сядет, и мы начнем разговаривать, – сказал Йоста и кивнул Эве.

Она налила им кофе и села.

– Когда вы в последний раз видели девочку? – спросил толстяк, потянувшись за печеньем.

Внутри у Эвы все закипело от гнева. Печенье она поставила на стол потому, что так принято делать, когда приходят гости, но что у него хватало наглости жевать, задавая вопросы о Нее, доводило ее до умопомрачения.

Эве сделала несколько глубоких вдохов, понимая, что ведет себя иррационально.

– Вчера вечером. Она легла спать как обычно. У нее отдельная комната. Я почитала ей перед сном, потом погасила свет и закрыла дверь.

– И с тех пор вы ее не видели? Ночью она не вставала? Никто из вас не просыпался и не заходил к ней? Не слышал ничего необычного?

Голос Йосты звучал мягко, заставив ее почти отрешиться от того факта, что его коллега взял еще одно печенье.

Петер откашлялся.

– Нет, она прекрасно спит по ночам одна. Утром я проснулся первым – собирался на тракторе в лес, – так что быстренько выпил кофе с бутербродом и уехал.

Голос его звучал умоляюще – словно в том, что он говорил, содержался какой-то ответ. Эва протянула руку и положила на его

ладонь. Руки у него были такие же холодные, как и у нее.

– Так вы не видели Линнею? Я имею в виду – утром?

Петер покачал головой.

– Нет, дверь в ее комнату была закрыта. И я прошел мимо на цыпочках, чтобы не будить ее. Хотел, чтобы Эва еще чуть-чуть поспала.

Она крепче сжала его руку. Он такой, ее Петер. Заботливый. Всегда думает о ней и Нее.

– А вы, Эва? Расскажите о том, что делали утром.

От мягкого голоса Йосты у нее навернулись слезы.

– Я проснулась поздно, в половине десятого. Даже не припомню, когда я в последний раз так долго спала... В доме было тихо, так что я сразу пошла проверить, как там Нея. Дверь в ее комнату была открыта, постель не убрана. Ее там не было, так что я не сомневалась...

Эва всхлипнула. Теперь Петер положил свою руку поверх ее ладони и крепко сжал.

– Я не сомневалась, что она поехала с Петером в лес. Она очень это любит и часто с ним ездит. Так что в этом не было ничего странного, и я даже подумать не могла, что...

Эва больше не могла сдерживать слезы. Свободной рукой она стала вытирать их.

– На твоём месте я бы тоже так подумал, – проговорил Петер, и она снова почувствовала, как он сжал ее руку.

И Эва знала, что он прав. Но все же. Если б она только...

– Нет ли у нее подружек, к которым она могла уйти? – спросил Йоста.

Петер покачал головой.

– Нет, она всегда играет во дворе. Выходить за границы участка даже никогда и не пыталась.

– Когда-то все случается в первый раз, – сказал толстяк. До этого момента он сидел тихо и только поедая печенье, так что даже Эва вздрогнула, когда он подал голос. – Она могла заблудиться в лесу.

Йоста бросил на Бертиля Мелльберга взгляд, смысла которого Эва не поняла.

– Мы прочешем лес, – сказал он.

– Вы так думаете? Что она ушла в лес?

Лес казался бескрайним. От одной мысли, что Нея могла исчезнуть там, внутри у Эвы все перевернулось. По этому поводу они никогда не волновались. Нея ни разу не уходила в лес одна. Возможно, это было очень наивно с их стороны. Наивно и безответственно. Отпускать четырехлетнего ребенка свободно бегать по хутору, когда рядом большой лес...

Нея наверняка заблудилась, и в этом виноваты они сами.

– Если она ушла в лес, то мы ее найдем. Сейчас я сделаю пару звонков, и поиски начнутся немедленно. В течение часа начнется прочесывание, так что мы максимально используем светлое время суток.

– Она продержится ночь в лесу? – почти беззвучно спросил Петер. Лицо у него побелело как полотно.

– Ночи по-прежнему стоят теплые, – успокаивающе проговорил Йоста. – Так что она не замерзнет. Само собой, мы сделаем все возможное, чтобы найти ее до наступления темноты.

– Как она была одета? – спросил Бертиль Мелльберг, потянувшись за последним печеньем, лежавшим на блюде.

У Йосты был удивленный вид.

– Действительно, хороший вопрос... Вам известно, что на ней было надето, когда она пропала? Даже если вы не видели ее утром – проверьте, может быть, каких-то вещей нет на месте?

Эва кивнула и встала, чтобы пойти в комнату Неи. Наконец-то ей дали конкретное поручение.

Но перед самой дверью она замерла. Ей пришлось сделать несколько глубоких вдохов, прежде чем нажать на ручку. Внутри все было как обычно. Душераздирающе обычно. Розовые обои со звездочками, от которых Нея отковыряла большие куски, когда у нее была мания все ковырять. Мишки, лежавшие кучкой в ногах кровати.

Постельное белье с Эльзой из «Холодного сердца». Кукла Олаф, всегда лежавшая у нее на подушке. Вешалка с... Эва вздрогнула. Она точно знает, что было надето на Нее. На всякий случай заглянула в шкаф, оглядела комнату. Нет, его нигде нет. Она поспешила вниз.

– Нея надела платье с Эльзой.

– Как выглядит платье с Эльзой? – спросил Йоста.

– Это голубое платье, как у принцессы. С изображением Эльзы из «Холодного сердца» на груди. Она обожает этот мультик. Наверняка надела и трусики с Эльзой.

Эва вдруг осознала, что вещи, очевидные для родителей маленьких детей, кому-то могли показаться совершенно чуждыми. Сама она видела этот мультик сотни раз – он крутился в доме и утром, и вечером, каждый день, круглый год. Нея любила его больше всего на свете и могла изобразить целый танец под песню «Отпусти и забудь». Эва проглотила слезы. Так отчетливо видела она перед собой Нею, танцующую в голубом платье и длинных белых перчатках и распеваящую песню из мультика... Где она? Почему все сидят на месте, ничего не предпринимая?

– Я пойду позвоню, и мы начнем поиски, – проговорил Йоста, словно услышав ее беззвучный крик.

Она могла лишь кивнуть. Снова перевела взгляд на Петера. Оба думали об одном и том же.

Бухюслэн, 1671 год

Стояло сумрачное ноябрьское утро, и Элин Йонсдоттер мерзла, сидя рядом с дочерью в скрипучей повозке. Пасторская усадьба, вырастающая перед ними, казалась настоящим дворцом по сравнению с их крошечным домиком в Укснэсе.

Бритте повезло. Ей всегда везло. Любимица отца, младшая сестра всегда была окружена в детстве вниманием – не могло быть никаких сомнений в том, что она найдет себе выгодную партию. И отец оказался прав. Бритта вышла замуж за пастора и переехала в пасторскую усадьбу, в то время как Элин довольствовалась рыбаком

Пером. Однако на судьбу Элин не жаловалась. Может, Пер и был бедняком, но более доброго человека на этой земле не найти.

Словно тяжелый камень лег на ее грудь при мысли о Пера. Однако Элин потянулась и приободрилась. Какой смысл лить слезы, когда ничего не можешь изменить? Бог решил послать ей испытание, и теперь им с Мартой предстоит как-то жить без Пера...

Что уж тут говорить? Бритта оказалась очень добра, когда предложила ей место служанки на своей усадьбе и крышу над головой для них обеих. Однако ее охватило острое неприятное чувство, когда Ларс Ларссон заехал во двор на повозке с их немногочисленными пожитками. Бритта никогда не была доброй девочкой, и вряд ли годы изменили ее в лучшую сторону. Впрочем, отказаться от такого предложения она не могла себе позволить. Свой участок земли семья брала в аренду, и когда Пер умер, хозяин сообщил, что они могут жить там до конца месяца, а потом должны съехать. Не имея ни дома, ни средств к существованию, Элин, вдова с маленьким ребенком, полностью зависела от чужой милости. К тому же она слышала, что муж Бритты Пребен, пастор Танумсхеде, человек хороший и добрый. Она видела его только на службах – на свадьбу ее не пригласили, и, конечно, даже речи не могло идти о том, чтобы они с мужем посетили пасторскую усадьбу. Но глаза у него были добрые.

Когда повозка остановилась и Ларс пробурчал, чтобы они слезали, Элин на мгновение крепко прижала к себе Марту. «Все будет хорошо», – убеждала она себя. Но внутренний голос нашептывал ей нечто совсем другое.

* * *

Мартин снова толкнул качели, невольно улыбаясь радостным выкрикам Тувы.

С каждым днем на душе у него становилось немного легче. Видимо, из-за Тувы. Сейчас, когда она не ходила в садик, а у него было две недели отпуска, они проводили вместе каждую секунду – и это шло на пользу им обоим. С тех пор как умерла Пия, Тува спала в его постели и каждый вечер засыпала, уткнувшись личиком ему в грудь, – обычно под какую-нибудь сказку. Убедившись, что она спит, Мартин тихонько вставал, садился на часок перед телевизором и выпивал чашку успокоительного чая, купленного в магазине товаров для здоровья. Зимой, когда со сном дело обстояло совсем плохо, Анника посоветовала ему найти какое-нибудь натуральное успокоительное. Он так и не понял, был ли это эффект плацебо или чай действительно действовал, но теперь Мартин, по крайней мере, мог спать. И стал чувствовать себя совершенно по-другому. В результате он мог справляться со своим горем, хотя оно и не оставляло его ни на секунду. Однако острые углы потихоньку сгладились, и теперь ему даже иногда удавалось подумать о Пие и не разрыдаться. Он пытался поговорить о ней с Тувой. Рассказать о маме, показать ее фотографии. Тува была еще совсем маленькая, когда Пия умерла, – у нее не осталось никаких собственных воспоминаний, – так что он хотел по возможности заполнить эти пробелы.

– Папа, качай сильнее!

Тува взвизгнула от восторга, когда он стал качать сильнее, так что качели взлетали все выше и выше.

Темные волосы взлетали вокруг лица, и, как и много раз прежде, его поразило, насколько Тува похожа на маму. Он достал телефон, чтобы сфотографировать ее, и отступил на шаг назад, чтобы все попало в кадр. Пятка наткнулась на что-то, и раздался громкий крик. С ужасом обернувшись, Мартин увидел годовалого малыша, который оглушительно орал, сжимая в руках лопатку.

– Ой, прости, – пробормотал он, опустился на колени, пытаясь успокоить малыша.

Огляделся, но никто из взрослых не пытался подойти, так что их можно было исключить в качестве родителей карапуза.

– Ну-ну, ничего страшного, сейчас найдем маму или папу, – утешал Мартина мальчика, который орал все громче.

Возле кустов чуть в стороне он заметил женщину своего возраста, разговаривавшую по телефону. Попытался встретиться с ней глазами, но она разговаривала очень сердито, жестикулировала свободной рукой и не обращала на него внимания. Он помахал ей, но она его по-прежнему не замечала. В конце концов Мартин повернулся к Туве, у которой качели почти остановились, поскольку их никто не раскачивал.

– Подожди меня, я только отнесу малыша к его маме.

– Папа ударил малыша, – радостно сказала Тува, и он решительно замотал головой.

– Папа не ударил малыша, папа просто... ну ладно, потом поговорим.

Подняв орущего малыша на руки, он понадеялся в душе, что успеет подойти к женщине, пока та сама не заметила, как неизвестный мужчина несет куда-то ее сына. Однако можно было не беспокоиться – мамаша по-прежнему была полностью поглощена разговором. Не без раздражения Мартин наблюдал, как она продолжает разговаривать и жестикулировать. За детьми все же надо присматривать. Мальчик вопил так, что барабанные перепонки прогибались.

– Простите, – проговорил Мартин, подходя к женщине, и она замолкла посреди фразы. В глазах у нее были слезы, тушь размазалась.

– Я должна прерваться, ТВОЙ сын плачет! – сказала она и нажала на кнопку телефона. Затем, вытерев под глазами, протянула руки к сыну.

– Простите, я его случайно толкнул, – сказал Мартин. – Мне кажется, он не пострадал – но, конечно, испугался.

Женщина крепко обняла мальчика.

– Ничего страшного, в этом возрасте они все боятся незнакомых, – ответила она и поморгала, прогоняя последние слезинки.

– С вами всё в порядке? – спросил он и заметил, что женщина покраснела.

– Боже, как ужасно – плакать среди бела дня и не смотреть за ребенком... Простите, я, наверное, кажусь самой никудышной мамой на свете.

– Нет-нет, не надо себя винить, и с ним ничего не случилось; просто я надеюсь, что с вами все хорошо.

Он не хотел приставать с расспросами, но у нее был совершенно удрученный вид.

– Да нет, никто не умер, просто мой бывший – больной на всю голову. Его новой девушке не шибко интересен его «багаж», так что он только что отменил те три дня, которые должен был провести с Йоном, – под тем предлогом, что Мадде так хотела провести время с ним вдвоем.

– Отвратительно, – проговорил Мартин и почувствовал, что сердится. – Вот придурок!

Она улыбнулась ему, и он обратил внимание на ямочки у нее на щеках.

– А ты?

– Я-то? Со мной всё в порядке, – ответил он, и она рассмеялась, словно засветившись изнутри.

– Нет-нет, я имею в виду – который твой?

Она кивнула в сторону площадки, и он приложил ладонь ко лбу.

– А, понял, вот ты о чем... Вон та девочка на качелях, которая очень недовольна тем, что качели остановились.

– Ой, иди скорее качай. Или ее мама тоже здесь?

Мартин покраснел. Что же это такое – она с ним флиртует? Он вдруг поймал себя на мысли, что надеется на это. Не зная, как лучше ответить, решил, что лучше сразу сказать все как есть.

– Нет, я вдовец.

Вдовец... Как будто он семидесятилетний старик, а не молодой отец.

– Ой, прости, – сказала женщина и приложила руку к губам. – А я-то так глупо пошутила...

Она положила руку ему на локоть, и Мартин улыбнулся ей так ободряюще, как мог. Ему не хотелось видеть ее расстроенной или взволнованной – хотелось видеть, как она смеется, чтобы снова показались ямочки на щеках.

– Всё в порядке, – проговорил он и почувствовал, что она немного расслабилась.

За спиной он услышал голос Тувы:

– Папа-а-а! – кричала дочка все громче и требовательнее.

– Надо придать малышке ускорение, – сказала женщина, вытирая сопли и песок с лица Йона.

– Может быть, еще увидимся? – спросил Мартин.

И сам удивился, что произнес это с такой надеждой. Она снова улыбнулась ему, и теперь ямочки на щеках стали еще отчетливее.

– Да, мы тут часто бываем. Скорее всего, и завтра придем, – сказала она, и Мартин радостно закивал, отступая назад к Туве.

– Тогда точно увидимся, – добавил он, стараясь сдержать улыбку.

И тут почувствовал, что на что-то наступил. Раздался детский вопль. Тува, сидевшая на качелях, вздохнула.

– Ну папа...

В самый разгар хаоса зазвонил телефон, и Мартин поспешно вытащил его из кармана. На дисплее высветилось имя «Йоста».

* * *

– Откуда вы взяли этого человека?

Мария оттолкнула женщину, которая уже час накладывала что-то ей на лицо, и возмущенно посмотрела на режиссера Йоргена Хольмлунда.

– Ивонна очень толковая, – ответил тот с той дрожью в голосе, которая всегда так бесила Марию. – Она работала гримером почти во всех моих фильмах.

Ивонна всхлипнула за его спиной. Головная боль, которую Мария ощущала с тех пор, как пришла в трейлер, заметно усилилась.

– Я должна быть Ингрид до кончиков ногтей, в каждой сцене. Она всегда была безупречна. Я не могу выглядеть, как Кардашян^[4]. Контуринг – нет, вы слышали что-либо подобное? У меня идеальные черты лица, мне не нужен этот дурацкий контуринг!

Она указала на свое лицо, где были пятнами нанесены белый и темно-коричневый.

– Это растушевывается, это не будет так выглядеть, – пробормотала Ивонна так тихо, что Мария едва расслышала ее голос.

– А мне плевать. Мои черты лица корректировать не надо!

– Я уверен, что Ивонна сможет все переделать, – ответил Йорген. – И сделать так, как ты хочешь.

На лбу у него выступили бисеринки пота, хотя в трейлере было прохладно.

Офис кинокомпании расположился в туристическом центре «Танум Странд» между Фьельбакой и Греббестадам, но на съемочной площадке во Фьельбаке в качестве гримерных использовались трейлеры.

– Хорошо, убери все и сделай снова, тогда посмотрим, – сказала она и невольно улыбнулась, заметив облегчение на лице Ивонны.

В первые годы работы в Голливуде Мария позволяла управлять собой, делала то, что ее просили другие. Однако теперь она уже совсем другой человек. И точно знает, каким должен быть ее персонаж. Как она должна выглядеть.

– Мы должны быть готовы максимум через час, – сказал Йорген. – На этой неделе будем снимать самые простые сцены.

Мария обернулась. Тем временем Ивонна за десять секунд стерла с нее влажной салфеткой все, что делала целый час, – и теперь

Мария была совсем без грима.

– Ты хочешь сказать, что на этой неделе будем снимать самые дешевые сцены? Я думала, нам дали зеленый свет...

В ее голосе звучала тревога – с этим она ничего не могла поделать. Проект был не из тех, когда финансисты стоят в очереди, желая вложить деньги. Климат в кинематографе изменился, предпочтение отдавалось фильмам для широкой публики, в то время как фильмы для ценителей отошли на задний план.

– По-прежнему ведутся дискуссии... о приоритетах...

Снова эта нервная дрожь в голосе.

– Но тебе не следует об этом беспокоиться. Сосредоточься и сыграй те сцены, которые мы будем снимать, наилучшим образом. Это единственное, о чем тебе надо думать.

Мария снова повернулась к зеркалу.

– У нас тут несколько журналистов, желающих взять у тебя интервью. О твоих корнях из Фьельбаки. И о том, что ты вернулась впервые за тридцать лет. Я понимаю, что тебе, может быть... немножко трудно говорить о том времени, но не могла бы ты...

– Назначь им время, – сказала Мария. – Мне нечего скрывать.

Всякая огласка – хорошая реклама, уж это-то она знала точно. Мария улыбнулась своему отражению в зеркале. Кажется, трижды проклятая головная боль начинает отпускать...

* * *

Сменив Патрика, Эрика собрала детей, и потом они не спеша поднялись на пригорок, в сторону дома. Патрик унесся прочь, едва она появилась, и в его глазах Эрика заметила тревогу. Она понимала его чувства. Представить себе, что что-то могло случиться с детьми, – словно рухнуть в ледяную пропасть.

Вернувшись домой, Эрика расцеловала их еще и еще раз. Уложила близнецов на тихий час и усадила Майю смотреть «Холодное

сердце». Когда Патрик рассказал, из какого места пропала девочка – а также о зловещем совпадении в возрасте, – она сразу ощутила острую потребность сесть за свои материалы. До того как начинать писать книгу, было еще очень далеко, но на письменном столе уже лежали папки, ксерокопии статей и записи от руки по поводу дела Стеллы. Некоторое время Эрика сидела молча, разглядывая эти кипы. Пока что она, как хомяк, тащила в свою норку факты – несортированные, несистематизированные, неструктурированные. Это станет следующим шагом в непростом и извилистом пути к готовой книге. Потянувшись за копией статьи, Эрика стала рассматривать девочек на черно-белой фотографии. Хелена и Мария. Мрачные, тяжелые взгляды. Трудно понять, что в них таилось, – страх или гнев. Или зло, как говорили многие. Однако Эрике трудно было представить себе это – чтобы дети являлись носителями злого начала.

Такого рода домыслы возникали вокруг всех громких случаев, когда дети совершали ужасные преступления. Мэри Белл было всего одиннадцать лет, когда она лишила жизни двоих детей. Убийцы двухлетнего Джеймса Балджера были еще моложе. Полин Паркет и Джульет Хьюм из Новой Зеландии, убившие мать Полин. Эрика обожала фильм Питера Джексона «Небесные создания», снятый на основании этого дела. Задним числом люди обычно говорили: «Она всегда была отвратительной девчонкой». Или: «Еще с раннего детства в его глазах читалось зло». Соседи, друзья, даже члены семьи с готовностью излагали свой взгляд на вещи и указывали на разные факторы, якобы подтверждавшие врожденную тягу к злу. Но ведь дети не рождаются злыми! Эрика скорее склонялась к одному высказыванию, которое где-то прочитала: «Зло – это отсутствие доброты». Конечно, человек рождается с теми или иными склонностями. Однако затем они подкрепляются или смягчаются в зависимости от среды и обстановки, в которой растет человек.

Поэтому ей необходимо узнать как можно больше об этих девочках на фото. Кто такие Мария и Хелена? Как прошло их

детство? Она не намеревалась ограничиваться тем, что было заметно со стороны, – куда больше ее интересовало то, что происходило в их семьях за закрытыми дверями. Какие ценности им внушались? Хорошо или плохо с ними обращались? Что им было известно о мире до того страшного дня в 1985 году?

Обе девочки через некоторое время взяли назад свои признания и потом упрямо утверждали, что невиновны. Хотя большинство были убеждены в их виновности, слухи ходили разные. А что, если в смерти Стеллы виноват кто-то другой, кому в тот день просто выпал удобный случай? А что, если такой случай возник снова? Не случайно, что девочка такого же возраста пропала с того же самого хутора. Каковы шансы, что это просто совпадение? Наверняка между событиями прошлого и настоящего существует связь. А вдруг полиция пропустила тогда следы убийцы, который теперь по каким-то причинам снова взялся за старое? Возможно, его вдохновило возвращение Марии. Но почему? Может быть, и другие девочки в опасности?

Ах, если б она чуть больше продвинулась в сборе материала!.. Эрика поднялась со стула. В комнате стояла жуткая духота. Потянувшись через стол, Эрика распахнула окно настежь. Снаружи жизнь текла в своем обычном русле. До нее донеслись звуки лета. Возгласы и смех детей внизу, на пляже. Крики чаек над водой. Ветер, шумящий в кронах деревьев. Снаружи царила полная идиллия. Но Эрика даже не замечала этого.

Снова усевшись, она принялась сортировать собранные материалы. Эх, еще даже не начинала брать интервью!.. У нее сформировался длинный список людей, с которыми она планировала побеседовать, и, само собой, Мария и Хелена возглавляли его. С Хеленой Эрика уже пыталась связаться, отослала ей несколько запросов, так и не получив ответа, и пообщалась с агентом Марии. Перед ней на столе лежали тексты различных интервью Марии по поводу этого дела, поэтому она не сомневалась, что актриса согласится поговорить с ней. Напротив: по общему

убеждению, карьера Марии сложилась бы по-другому, если бы новость о том, кто она такая, не просочилась в прессу, когда Валль только-только снялась во второстепенных ролях в малоизвестных фильмах.

Опыт написания предыдущих книг о настоящих убийствах научил Эрику, что люди испытывают потребность выговориться, рассказать свою историю. Практически все без исключений.

Она включила звук телефона на случай, если позвонит Патрик. Но, скорее всего, он будет слишком занят, чтобы сообщать ей о ходе дела. Эрика сказала, что может поучаствовать в поисках, однако Патрик ответил, что добровольцев собирается достаточно – будет больше пользы, если она останется дома с детьми. Эрика не стала протестовать. Из гостиной до нее доносились звуки той сцены, где Эльза сорвалась и построила целый замок изо льда. Эрика медленно отложила бумаги, которые держала в руках. Давненько ей не случалось сидеть с Майей у телевизора. «Придется потерпеть эгоистичную принцессу, – подумала она. – А Олаф симпатичный. Да и олень тоже».

* * *

– Что удалось сделать? – спросил Патрик, даже не поздоровавшись, едва прибыв на хутор.

Йоста стоял у входа в дом рядом с деревянной садовой мебелью.

– Я звонил в Уддеваллу, они выслали вертолет.

– А в общество спасения на водах?

Флюгаре кивнул.

– Мы связались со всеми, они в пути. Я позвонил Мартину и попросил его собрать добровольцев для прочесывания леса. Он запустил процесс обзвона во Фьельбаке, так что вскоре у нас будет полно народа. Из Уддеваллы приедут также кинологи.

– Что думаешь? – тихо спросил Патрик, заметив родителей девочки, которые стояли в стороне, прижавшись друг к другу.

– Они тоже хотели идти искать, – ответил Йоста, видя, куда тот смотрит. – Но я сказал, что они должны оставаться здесь, пока мы не организуем поиски, – иначе вскоре нам придется тратить силы еще и на то, чтобы искать их... – Откашлялся. – Даже не знаю, что и подумать. Никто из них не видел ее с тех пор, как они уложили ее спать вчера вечером, а ведь девчушка совсем маленькая. Четыре года. Будь она поблизости, то проявилась бы в течение дня. По крайней мере, вернулась бы домой, когда проголодалась. Так что, должно быть, заблудилась. Или...

Слова повисли в воздухе.

– Странное совпадение, – проговорил Патрик.

Внутри его уплотнился ком, а мысли, которые он гнал от себя, снова и снова возвращались.

– Да, тот же хутор. – Йоста кивнул. – И девочка такого же возраста.

– Я полагаю, мы отрабатываем не только версию о том, что она заблудилась? – Патрик старался не смотреть в сторону родителей.

– Нет, не только, – ответил Йоста. – Как только сможем, поговорим с соседями вокруг – по крайней мере, с теми, что живут у дороги, ведущей отсюда, – и спросим, не видели или не слышали ли они чего ночью или днем. Но прежде всего нам надо сосредоточиться на прочесывании леса. В августе рано темнеет. Как подумаю о том, что она сидит где-то в лесу одна, до смерти напуганная, мне просто жутко становится. Мельберг желает, чтобы мы связались с прессой, но я предпочел бы подождать.

– О боже мой, ясное дело, он рвется пообщаться с прессой! – вздохнул Патрик.

Тем временем начальник участка с важным видом встречал добровольцев, которые начали прибывать на место.

– Мы должны все четко организовать, я взял с собой карту местности, – сказал Патрик, и Йоста просиял.

– Нужно разбить область поиска на сектора, – ответил он и взял карту из рук Патрика. Положив ее на садовый столик, достал из кармана рубашки карандаш и начал чертить. – Как ты считаешь, нормальный размер сектора для каждой группы? Если мы разделим их на группы по три-четыре человека...

– Думаю, нормально, – проговорил Патрик.

В последние годы они с Йостой очень хорошо взаимодействовали. Хотя Патрик по большей части работал в паре с Мартином Молином, со старым полицейским ему тоже работалось хорошо. Все было немного по-другому пару лет назад, когда Йоста работал с ныне покойным коллегой Эрнстом. Однако оказалось, что учиться никогда не поздно. И хотя мозги Флюгаре порой находились больше на площадке для гольфа, чем в участке, но, когда случалось что-то серьезное, как сейчас, коллега действовал четко и быстро.

– Ты проведешь небольшой брифинг? – спросил Патрик. – Или мне взять это на себя?

– Давай ты, – ответил Йоста. – Лишь бы Бертиль не пустился в разговоры...

Патрик кивнул. Выпускать Мелльберга на публику всегда было рискованной затеей. Обычно это заканчивалось тем, что кто-то чувствовал себя оскорбленным или задетым, и им приходилось тратить силы на раздувание ситуации, вместо того чтобы заниматься делом.

Снова взглянув на родителей Неи, по-прежнему стоявших посреди двора, он заколебался, но потом проговорил:

– Только сперва поздороваюсь с родителями. Потом соберу всех, кто пришел, а остальным будем давать информацию по мере их прибытия. Люди будут прибывать все время – все равно собрать всех одновременно не удастся. А нам надо начинать как можно скорее.

К родителям девочки Патрик стал приближаться осторожно. Разговаривать с близкими потерпевшего всегда непросто.

– Патрик Хедстрём, тоже из полиции, – сказал он и протянул руку для приветствия. – Как видите, мы уже начали собирать добровольцев для прочесывания леса, и я собирался лишь сказать им несколько слов – а затем мы начнем.

Он почувствовал, что говорит слишком официально, но это был единственный способ держать под контролем собственные чувства и сосредоточиться на главной задаче.

– Мы позвонили друзьям. И родители Петера, которые сейчас в Испании, сказали, что приедут, – тихо проговорила Эва. – Мы сказали им, что в этом нет нужды, но они очень обеспокоены.

– Кинологи с собаками из Уддеваллы уже едут сюда, – сказал Патрик. – У вас есть вещи, которые носила ваша дочь?

– Нея, – произнесла Эва и сглотнула. – На самом деле ее зовут Линнея, но мы называем ее Нея.

– Нея, красивое имя... У вас найдутся вещи, принадлежавшие Нее, которые можно было бы дать понюхать поисковым собакам?

– В корзине для белья есть ее вчерашняя одежда. Подойдет?

Патрик кивнул.

– То что надо. Вы не могли бы принести ее прямо сейчас? И, может быть, поставить вариться кофе для добровольцев?

Он понимал, как глупо звучит предложение приготовить кофе, но хотел поговорить с добровольцами без родителей девочки и к тому же чем-то занять их. Обычно это хоть немного, но помогало.

– Разве не лучше будет, если мы тоже пойдем искать? – спросил Петер.

– Мы предпочли бы, чтобы вы находились здесь. Когда мы разыщем ее, нам важно будет знать, где вы, так что лучше оставайтесь дома – нас и так соберется много.

Казалось, Петер колеблется, и Патрик положил руку ему на плечо.

– Понимаю, как это тяжело – просто ждать... Но, поверьте мне, от вас больше всего пользы здесь.

– Хорошо, – тихо ответил Петер и направился в сторону дома вместе с Эвой.

Патрик свистнул в два пальца, чтобы привлечь внимание трех десятков людей, собравшихся тем временем во дворе хутора. Парень лет двадцати, снимавший хутор, засунул мобильный телефон в карман.

– Мы сейчас отпустим вас, чтобы вы могли начать поиски, – каждая минута дорога, когда потерялся такой маленький ребенок. Стало быть, мы ищем Линнею, которая откликается на имя Нея, четырех лет от роду. Нам точно неизвестно, как долго она отсутствовала, но родители не видели ее с тех пор, как уложили спать вчера около восьми вечера. Сегодня в течение дня каждый из них думал, что она с другим. Несчастливое недоразумение, так что ее отсутствие они обнаружили лишь пару часов назад. Одна из версий, которую мы отрабатываем – и она наиболее вероятна, – что девочка заблудилась в лесу.

Он указал на Йосту, который все еще стоял рядом с садовой мебелью, разложив на столе карту.

– Вас разделят на группы по три-четыре человека, а потом Йоста выделит каждой группе сектор поисков. Карта у нас только одна, поэтому вам придется действовать приблизительно. Может быть, кто-нибудь сфотографирует карту мобильным, чтобы знать, где искать?

– Карту местности можно найти в мобильнике, – сказал лысый мужчина и поднял свой телефон. – Если у вас нет хорошего мобильного приложения, подойдите ко мне, прежде чем пускаться в путь; я посоветую вам, какое лучше установить. Я сам пользуюсь мобильной картой, когда хожу по лесу.

– Спасибо! – сказала Патрик. – Когда сектора будут распределены, я хотел бы, чтобы вы шли на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Торопитесь, но будьте внимательны. Понимаю, что очень хочется обыскать свой сектор как можно быстрее, но в лесу очень много мест, где можно спрятать четырехлетнего ребенка... вернее, где четырехлетний ребенок может спрятаться. Так что смотрите в оба.

Он закашлялся, сжав кулак. Ком льда внутри разросся.

– Если вы... найдете... что-нибудь... – проговорил Патрик и сбился. Он не знал, как продолжить, и лишь надеялся, что собравшиеся поймут его без особых уточнений. Он снова начал фразу:

– Если вы найдете что-нибудь, попрошу вас ничего не трогать. Это могут быть следы или... что-нибудь другое.

Несколько человек кивнули, но большинство смотрели в землю.

– Оставайтесь на месте и звоните мне. Я повешу сюда свой номер телефона, – сказал Патрик и прикрепил на стену сарая большой лист бумаги, – чтобы вы могли занести его в ваши мобильные. Все понятно? Оставайтесь на месте и звоните мне. Больше ничего не предпринимайте. Хорошо?

Пожилой мужчина, стоявший позади всех, поднял руку. Патрик узнал его – это был Харальд, хозяин пекарни во Фьельбаке.

– А существует ли... – Он замолк, потом снова взял себя в руки. – Существует ли шанс, что это не случайное совпадение? Этот хутор... и девочка... и то, что случилось в прошлый раз...

Больше ничего можно было и не говорить. Все и так поняли, на что он намекает. Патрик некоторое время обдумывал ответ.

– Мы не исключаем такой возможности, – произнес он в конце концов. – Но в настоящий момент важнее всего обыскать лес вблизи хутора.

Уголкем глаза он заметил, как мать Неи выходит из дома со стопкой детских вещей в руках.

– Ну что ж, начинаем.

Первая группа из четырех человек подошла к Йосте, чтобы получить свой сектор. Тут послышались звуки вертолета, приближавшегося сверху. С приземлением на таком огромном дворе проблем не возникнет. Люди двинулись в сторону лесной опушки. Патрик смотрел им в спины. За спиной он слышал звук снижавшегося вертолета, и тут во двор заехала машина с кинологами из Уддеваллы. Если девочка в лесу, они ее найдут, в этом он был убежден. Его пугало лишь одно – а вдруг она все же не

заблудилась?

Дело Стеллы

Девочку искали всю ночь. Людей собиралось все больше – Харальд слышал вокруг в лесу голоса добровольцев. Полиция старалась изо всех сил, и помощников нашлось немало. Семью в поселке очень любили, и все знали девочку с рыжеватыми светлыми волосами. Она была из тех, кто обязательно добьется, чтобы вы улыбнулись, случайно встретившись с ней в магазине.

Харальд до глубины души сочувствовал родителям девочки. Его собственные дети уже выросли – двое сыновей тоже участвовали в поисках. Пекарню он закрыл – там все равно сейчас наступило затишье; время отпусков закончилось, и колокольчик на входной двери звенел нечасто. Хотя он закрылся бы все равно, будь торговля и в самом разгаре. В груди все сжималось при мысли о том, что переживают сейчас родители Стеллы.

Харальд наобум тыкал в кусты найденной тут же палкой. Задача им была поставлена непростая. Лес большой и протяженный, а кто знает, насколько далеко маленькая девочка может зайти одна? Если она вообще в лесу... Это всего лишь одна из версий полиции. В новостях по всей стране показывали ее портрет. Конечно, с таким же успехом ее могли затащить в машину, и сейчас она, не дай бог, находится далеко от родного дома... Однако он не позволял себе об этом думать. Сейчас его задача – искать в лесу, вместе с другими, чьи шаги и голоса Харальд слышал за стволами деревьев.

На мгновение он остановился, вдыхая запахи леса. Ему так редко доводилось бывать на природе... В последние десятилетия все время уходило на пекарню и семью, но в молодости Харальд много времени проводил на открытом воздухе. Сейчас он дал себе обещание делать это почаще. Жизнь коротка. А события этого дня стали напоминанием о том, что все может измениться в любую минуту.

Всего несколько дней назад родители Стеллы думали, что знают, чего ждать от жизни. Они занимались повседневными делами, не останавливаясь, чтобы порадоваться тому, что у них есть. Как и большинство людей. Только когда что-то случается, начинаешь ценить каждую секунду, которую довелось провести с теми, кто тебе дорог.

Харальд снова двинулся вперед, медленно, метр за метром. Чуть впереди за деревьями виднелось озеро. Им были даны четкие инструкции, что делать при обнаружении водоема, – сообщить полиции, которая обыскала бы местность с баграми или вызвала водолазов. Поверхность озера оставалась гладкой и неподвижной – за исключением нескольких стрекоз, садившихся на воду и пускавших по ней маленькие круги. Ничего необычного он не заметил. Единственное, что можно было разглядеть невооруженным глазом, – ствол дерева, поваленного в воду ветром или молнией. Подойдя ближе, Харальд увидел, что дерево все еще держится в земле одним корнем. Он осторожно вступил на ствол. По-прежнему ничего. Только неподвижная гладь воды. Потом он медленно опустил глаза вниз. И тут увидел волосы. Светло-рыжие волосы, которые плавали в мутной воде, словно водоросли.

* * *

Санна стояла в проходе между полками универсама. Летом она обычно старалась не закрывать свой магазинчик как можно дольше, но сегодня мысли не давали ей покоя. Внезапно вопросы о том, как часто следует поливать пеларгонии, стали казаться ей дурацкими.

Встряхнувшись, она огляделась вокруг. Сегодня Вендела вернется от папы, надо купить ее любимую еду и любимые сладости. Раньше Санна знала назубок, что любит дочка, но сейчас ее вкусы менялись так же часто, как и цвет волос. То она веганка, то питается одними гамбургерами, то худеет и сосет морковку, и Санне приходится

объяснять ей, что надо есть, пугая анорексией... Все постоянно менялось – и все было не так, как прежде.

Неужели у Никласа те же проблемы с дочерью? Много лет Вендела жила неделю у мамы, неделю у папы, и все шло гладко. Но теперь, похоже, она осознала свою власть. Если еда не нравилась, дочь заявляла, что у папы лучше – и уж он-то разрешает ей встречаться по вечерам с Нильсом. Порой Санна чувствовала себя совершенно измотанной и даже удивлялась, почему она когда-то считала младенческий период утомительным. Подростковые годы оказались в разы хуже.

Все чаще дочь казалась ей чужой. Раньше Вендела всегда ругала ее, стоило Санне втайне выкурить сигаретку на заднем дворе, произнося целые лекции об опасности рака. Но когда дочь в прошлый раз гостила у нее, Санна почувствовала, что от ее одежды пахнет сигаретным дымом.

Санна оглядела полки и наконец приняла решение. Лепешки «Такос» – беспроигрышный вариант. Запасшись и мясным, и соевым фаршем, она будет во всеоружии, даже если у дочери веганская неделя.

Сама Санна пропустила подростковый период. Ей пришлось слишком быстро повзрослеть. Смерть Стеллы и все, что произошло потом, резко закинуло ее во взрослую жизнь. Не было возможности предаваться подростковым капризам. Не было родителей, которым можно было предъявлять претензии.

С Никласом она познакомилась в сельскохозяйственной гимназии. Они стали жить вместе, когда Санна получила первую работу. Со временем родилась Вендела – скорее по неосторожности, если уж быть до конца честной. И не его вина в том, что все не сложилось. Никлас был хороший человек, но Санна никогда не впускала его в свое сердце. Любить кого-то – мужа или дочь – может быть очень болезненно, это она поняла еще в детстве.

Положив в тележку помидоры, огурцы и лук, Санна направилась к кассе.

– Ты, конечно, слышала, – проговорила Будиль, привычными движениями сканируя товар, который Санна выкладывала на ленту.

– Нет, о чем я должна была слышать? – спросила Санна, вынимая бутылку кока-колы и укладывая ее боком на ленту.

– О девочке.

– О какой девочке?

Санна слушала вполуха. Она уже жалела, что взяла Венделе кока-колу.

– О той, которая пропала. С вашего бывшего хутора.

Будиль не могла скрыть возбуждения. Санна застыла с пакетом тертого сыра в руках.

– С нашего хутора? – переспросила она. В ушах у нее зашумело.

– Да, – ответила Будиль, продолжая пробивать товары и не заметив, что Санна перестала выкладывать что-либо из тележки. – С вашего бывшего хутора пропала четырехлетняя девочка. Мой муж тоже пошел прочесывать лес вместе со всеми. Всех подняли по тревоге.

Санна медленно положила пакет с сыром на ленту. Потом повернулась и направилась к двери. Ее товары остались на кассе. Сумочка тоже. За ее спиной раздавались изумленные выкрики Будиль.

* * *

Анна откинулась на стуле, глядя на Дана, перепиливавшего очередную планку. Именно сейчас, в разгар летней жары, ему пришло в голову затеять проект под названием «новая веранда». На самом деле разговоры об этом шли уже года три – но сейчас, похоже, откладывать дальше стало невозможно. Вероятно, перед родами у мужчин тоже возникает желание вить гнездо. У нее же инстинкт выразался в том, что она перебрала содержимое всех шкафов в доме. Дети кинулись спасти свою любимую одежду,

опасаясь, что та может отправиться в контейнер для сбора гуманитарной помощи.

Анна улыбнулась Дану, самоотверженно работавшему на жаре, и осознала, что впервые за очень долгий период наслаждается жизнью. Ее небольшая фирма по дизайну интерьеров не то чтобы была готова к выходу на фондовые рынки, однако заказы от привередливых дачников сыпались градом, и ей порой приходилось отказывать клиентам, поскольку она физически не успевала всех обслужить. И младенец в животе рос. Они решили не узнавать его пол, так что рабочее название пока было «малыш». Остальные дети активно участвовали в процессе выбора имени, однако их предложения типа «Базз Лайтер», «Блогер» или «Дарт Вейдер» не очень-то помогали. А Дан с ноткой обиды в голосе процитировал однажды вечером Фредди из «Солнечной стороны»: «Каждый написал свой список предложений, а потом мы взяли то имя, которое значилось первым в ее списке». Только потому, что она отвергла его предложение назвать мальчика – если будет мальчик – Брюсом в честь Брюса Спрингстина. Сам он вел себя не лучше, утверждая, что ее предложение назвать ребенка Филиппом предполагает, что тот родится в костюме моряка. Вот на этом этапе они и застряли. Месяц до родов – и ни одной вразумительной идеи по поводу имени, ни для девочки, ни для мальчика.

«Все образуется», – подумала Анна, когда Дан подошел к ней. Наклонившись, он поцеловал ее в губы. От пота поцелуй получился соленым.

– Уютненько ты тут устроилась, – проговорил он, погладив ее по животику.

– Да, дети пошли к приятелям, – ответила Анна и отхлебнула глоток кофе со льдом.

Она знала, что, по некоторым данным, пить много кофе во время беременности вредно, но нужно же позволять себе хоть какие-то удовольствия теперь, когда алкоголь и непастеризованные сыры под запретом...

– Ох, сегодня я чуть не умерла от зависти, когда за обедом сестрица сидела и посасывала холодное игристое из большого бокала, – проговорила Анна со стоном, и Дан утешающее потрепал ее по плечу. Затем уселся рядом с ней и тоже откинулся, наслаждаясь поздними лучами вечернего солнца.

– Потерпи, дорогая, уже скоро, – проговорил он, глядя ее по руке.

– После родов я буду просто купаться в вине, – вздохнула Анна и закрыла глаза.

Потом ей вспомнилось, что гормоны во время беременности могут вызывать пигментные пятна, и она с проклятьем надела широкополую шляпу, лежавшую рядом на столе, пробормотав:

– Черт, даже загорать нельзя.

– Что? – переспросил Дан, и Анна поняла, что он уже задремал на солнышке.

– Ничего, мой дорогой, – ответила она, но вдруг ощутила почти непреодолимое желание ударить его ногой по голени только за то, что он мужчина и ему не приходится переживать все трудности и ограничения беременности.

Чертовски несправедливо. И все эти женщины, мечтательно вздыхавшие о том, как *чудесно* быть беременной и какое это *благословение* – носить в себе новую жизнь, им всем она тоже хотела бы наподдать. И побольнее.

– Люди – идиоты, – пробормотала Анна.

– Что? – переспросил Дан, на этот раз совсем сонным голосом.

– Ничего, – ответила она, натягивая шляпу до самых глаз.

О чем она думала, когда Дан подошел и прервал ход ее мыслей?.. Ах да. О том, как прекрасна жизнь. Ибо так оно и есть. Несмотря на все тяготы беременности. Она любима. Рядом ее семья.

Сорвав с себя шляпу, Анна подставила лицо солнцу. Ну и черт с ними, с пигментными пятнами. Жизнь слишком коротка, чтобы отказывать себе в удовольствии наслаждаться солнцем.

* * *

Здесь Сэму хотелось бы остаться навсегда. Все это он обожал еще с детства. Разогретые солнцем скалы. Плеск воды. Крики чаек. Здесь он мог укрыться от всего. Закрывать глаза и от всего отрешиться.

Джесси лежала рядом. Он ощущал тепло ее тела. Чудо – вот что она такое. Подумать только – появилась в его жизни именно сейчас... Дочь Марии Валль. Ирония судьбы.

– Ты любишь своих родителей?

Сэм открыл один глаз и посмотрел на нее. Она лежала на животе, подперев подбородок рукой, и смотрела на Сэма.

– Почему ты спрашиваешь?

Это был слишком интимный вопрос. Они знают друг друга так недавно...

– Я со своим папашей никогда не встречалась, – сказала Джесси и отвела глаза.

– Почему?

Она пожала плечами.

– Точно не знаю. Скорее всего, мама не хотела. Возможно, она даже точно не знает, кто именно мой папа.

Сэм осторожно протянул руку и положил поверх ее ладони. Она не отдернула руку, и он свою не убрал. В ее глазах появилось новое выражение.

– А у тебя хорошие отношения с родителями? – спросила Джесси.

Спокойствие, которое он только что ощущал, улетучилось. Однако Сэм понимал, почему она спрашивает, – и чувствовал, что должен ответить.

Он сел и посмотрел на море, прежде чем ответить.

– Мой папа, он... в общем, побывал на войне. Иногда отсутствовал месяцами. А иногда он приносит войну с собой в дом.

Джесси прижалась к нему, положив голову ему на плечо.

– Так он...

– Не хочу об этом говорить... не сейчас...

– А мама?

Сэм закрыл глаза, ощутил тепло солнечных лучей.

– Она ничего, – проговорил он наконец.

На секунду подумал о том, о чем нельзя было думать, и зажмурился еще сильнее. Нащупал в кармане «травку», которую взял с собой. Достал две сигаретки, зажег обе и протянул одну своей спутнице.

От дыма по телу разлилось успокоение, в голове перестали вертеться посторонние мысли, воспоминания отлетели. Сэм подался вперед и поцеловал Джесси. Сперва она оцепенела. От страха и непривычки. Потом он ощутил, как ее губы смягчились и раскрылись ему навстречу.

– Ой, как мило!

Сэм вздрогнул.

– Поглядите на этих голубков!

По скале спускался Нильс с Бассе и Венделой. Как всегда. Похоже, они дня не могут прожить друг без друга.

– А кто это у нас тут?

Нильс плюхнулся на камень вплотную к ним и уставился на Джесси, которая стала поправлять верх от купальника.

– Ты что, завел себе девушку, Сэм?

– Меня зовут Джесси, – проговорила Джесси и протянула руку, но Нильс проигнорировал ее.

– Джесси? – переспросила Вендела, стоявшая у него за спиной. – Это же дочь Марии Валль.

– Ах вот оно что, дочь подружки твоей мамы... Голливудской звезды.

Теперь Нильс посмотрел с восторгом на Джесси, которая продолжала тянуть на себе купальник. Сэму хотелось защитить ее от их взглядов, обнять ее и сказать, чтобы она не обращала на них внимания. Вместо этого он потянулся за ее футболкой.

– А чё, ничего странного, что они нашли друг друга, верно? – сказал Бассе, толкнув Нильса локтем в бок.

Он говорил высоким женоподобным фальцетом, за который никто не решался его дразнить, опасаясь гнева Нильса. На самом деле его звали Буссе, но еще в начальной школе все стали называть его Бассе, поскольку это звучало круче.

– Нет, не удивительно, – проговорил Нильс, переводя взгляд с Джесси на Сэма.

Он поднялся с тем странным блеском в глазах, от которого всегда все сжималось в животе – потому что было ясно, что сейчас случится что-то плохое. Но тут Нильс вдруг повернулся к Венделе и Бассе.

– Черт, я так проголодался, – сказал он. – Рванули.

Вендела улыбнулась Джесси.

– Увидимся позже.

Сэм с удивлением смотрел им вслед. Что с ними такое?

Джесси прижалась к нему.

– Что это за ребята? – спросила она. – Странные. Симпатичные, но странные.

Сэм покачал головой.

– Они не симпатичные. Ни разу.

Затем достал из кармана мобильный телефон, открыл папку и стал перелистывать видеофайлы. Он знал, зачем сохранил это видео, – как напоминание о том, что люди могут делать друг с другом. С ним. Он не собирался показывать его Джесси – и так слишком много людей его увидели. Но...

– Прошлым летом они выложили его в «Снэпчат», – проговорил Сэм, протягивая Джесси мобильник.

Сэм отвел глаза, когда Джесси запустила видео. Ему ни к чему это смотреть. Услышав голоса, он словно снова увидел все это перед собой.

– Ты такой нетренированный! – слышался резкий голос Нильса. – Как слабая девчонка... Плавание – очень полезный вид спорта.

Нильс подошел к лодке Сэма, которая была привязана неподалеку от того места, где они пришвартовались сегодня.

– Придется тебе добираться до Фьельбаки вплавь. Это позволит тебе подкачать мышцы.

Вендела смеялась, снимая все происходящее на телефон. Бассе скакал рядом с Нильсом.

Нильс сбросил канат в воду, уперся в нос лодки и поднажал. Маленькая деревянная лодочка поначалу медленно отплыла от острова задним ходом, но потом, подхваченная сильным течением, начала быстро удаляться.

Нильс обернулся к камере, ухмыльнулся во всю ширь лица.

– Ну что ж, хорошо тебе поплавать.

На этом запись оборвалась.

– Ах, черт, – прошептала Джесси. – Вот проклятье... – Взглянула на Сэма блестящими от слез глазами.

Тот пожал плечами.

– Со мной случались вещи похуже.

Джесси заморгала, стараясь прогнать слезы. Сэм подозревал, что и с ней случилось кое-что похуже. Положив руку ей на плечо, он почувствовал, что Джесси вся дрожит. Но еще он почувствовал, как крепнет их дружба – то, что их связывает.

Однажды он покажет ей свой дневник. Поделится своими мыслями. Большими планами. Настанет день, когда все увидят...

Джесси обняла его за шею. От нее восхитительно пахло солнцем, потом и марихуаной.

* * *

Вечер выдался светлый – словно воспоминание о солнце, светившем на ясном небе целый день. Эва смотрела на двор, где тени становились все длиннее. Слово холодная рука сжимала сердце, когда до сознания все яснее доходила очевидность.

Воспоминания о Нее, которая всегда прибегала домой задолго до сумерек.

Люди приходили и уходили. Голоса смешивались с лаем собак, раз за разом отправлявшихся в лес на поиски. И снова словно ледяные пальцы сжали сердце.

В дверь вошел пожилой полицейский, Йоста.

– Я только выпью чашечку и снова пойду искать.

Эва поднялась, чтобы налить ему кофе, – в последние часы она сварила его невероятное количество.

– Пока ничего? – спросила, хотя знала ответ.

Знай он что-нибудь, сказал бы сразу. Не стал бы просить кофе. Но было что-то успокаивающее в том, чтобы просто задать этот вопрос.

– Нет, однако нас собралось очень много. Похоже, вся Фьельбака вышла на поиски.

Эва кивнула, пытаясь справиться с голосом.

– Да, люди замечательные, – проговорила она и снова опустилась на стул. – Петер тоже ушел искать, я не смогла его удержать.

– Знаю, – сказал Йоста, садясь напротив нее. – Я встретил его – он шел с одной из групп, прочесывающих лес.

– Что... – Голос не повиновался ей. – Как вы думаете, что произошло?

Эва не решалась поднять глаза на Йосту. Различные варианты, один другого ужаснее, постоянно всплывали в ее сознании, но когда она пыталась осмыслить один из них, сделать его более понятным, в грудь ударяла такая боль, что даже дыхание перехватывало.

– Нет оснований ломать голову, – мягко проговорил Флюгаре и, подавшись вперед, положил свою морщинистую руку поверх ее ладони. Его теплое спокойствие понемногу согревало ее.

– Ее уже так давно нет...

Йоста сжал ее руку.

– Сейчас лето, тепло. Она не замерзнет. Лес большой; нам надо время, чтобы его прочесать. Мы найдем ее, и она будет напуганная и уставшая, но все поправимо. Договорились?

– Хотя... с той другой девочкой все кончилось не так...

Йоста убрал руку, отхлебнул кофе.

– Эва, с тех пор прошло тридцать лет. Другое время, другая жизнь... Это чистое совпадение, что вы живете на том же хуторе и вашей дочери оказалось столько же лет. Четырехлетние детки часто теряются. Они очень любопытны, а, насколько я понял, ваша дочь – весьма решительная юная особа, так что в конце концов желание совершить вылазку в лес стало неодолимым. А дальше все пошло не так, как она думала... Но все образуется. Нас много, и мы все ее ищем.

Он поднялся.

– Спасибо за кофе, я пошел дальше. Мы будем продолжать поиски всю ночь, но вам хорошо бы хоть немного поспать.

Эва покачала головой. Как она может спать, пока Нея одна в лесу?

– Нет, я и не ожидал, что вы согласитесь, – сказал Йоста. – Но должен был вам это сказать.

Эва видела, как за ним закрылась дверь. И вот она снова осталась одна. Наедине со своими мыслями и холодными пальцами, сдавливающими сердце...

Бухюслен, 1671 год

Наклонившись вперед, Элин застелила постель Бритты. Потом приложила руку к пояснице. Тело еще не привыкло к жесткой кровати в домике для служанок.

На мгновение она взглянула на роскошную кровать, в которой спала Бритта, и позволила себе испытать нечто вроде зависти, но потом потрясла головой и потянулась к пустому графину на ночном столике.

С изумлением Элин обнаружила, что сестра не делит с мужем ни ложе, ни даже спальню. Однако это не ее дело. Хотя ей самой казалось, что лучший момент дня – когда она ложится в теплую постель рядом с Пером. Когда она лежала в его крепких теплых

объятиях, ее охватывало чувство, что никакое зло мира никогда не коснется ее и Марты...

Как же она ошибалась!

– Элин!

Мягкий голос хозяина заставил ее вздрогнуть. Она была так погружена в свои мысли, что чуть не уронила кувшин.

– Да? – проговорила Элин, взяла себя в руки и обернулась.

Его голубые добрые глаза были устремлены на нее, и она почувствовала, что краснеет. Поспешно опустила глаза.

До сих пор Элин не могла решить, как ей относиться к мужу сестры. Пребен был всегда так дружелюбен по отношению к ней и Марте. Он – пастор и хозяин усадьбы. А она – всего лишь прислуга в доме сестры. Вдова, живущая чужой милостью в чужом доме.

– Коротышка Ян говорит, что Элин умеет помогать при отёле. Моя лучшая корова так мучается...

– Звездочка? – спросила Элин, по-прежнему не поднимая глаз. – Батрак что-то говорил про нее сегодня утром.

– Да, Звездочка. Элин занята – или может спуститься и посмотреть на нее?

– Конечно, могу.

Она снова поставила кувшин на ночной столик и молча пошла вслед за Пребеном в хлев. В дальнем углу лежала Звездочка и мычала. Ей больно, это сразу бросалось в глаза – она не могла подняться. Элин кивнула батраку Коротышке Яну, в растерянности стоявшему рядом.

– Сходи на кухню и принеси мне соли.

Присев на корточки, она погладила мягкую морду коровы. Звездочка посмотрела на нее округлившимися от страха глазами.

– Элин может помочь ей? – спросил Пребен и тоже погладил бело-коричневую шкуру коровы.

На мгновение их руки соприкоснулись, и Элин тут же отдернула руку, словно ее укусила змея. И снова кровь прилила к лицу; к тому

же ей показалось, что хозяин тоже чуть заметно покраснел. Но тут вернулся запыхавшийся Коротышка Ян, и она выпрямилась.

– Вот, – проговорил он и протянул Элин солонку.

Кивнув головой, она приняла ее, высыпала в ладонь большую горку и, проводя в соли круги против часовой стрелки указательным пальцем правой руки, стала читать стишок, которому научила ее бабушка.

Пречистая, Пресвятая Богородица,
Дорогая, возьми девять замков, девять ключиков,
Отопри приплод у моей Звездочки,
Отопри, припусти, на свет Божий отпусти.
Ныне и присно и во веки веков. Аминь.

– Аминь, – повторил Пребен, и Коротышка Ян поспешил сделать то же самое.

Звездочка мычала.

– А что теперь? – спросил Пребен.

– Теперь остается только ждать. Заговоры на соли обычно очень действенны, но могут проявиться не сразу – дело еще и в том, насколько велик плод. Но загляните к ней завтра утром – думаю, окажется, что с ней всё в порядке.

– Коротышка Ян слышал? – спросил Пребен. – Заглянуть к Звездочке, едва он проснется завтра утром.

– Будет сделано, хозяин, – пробормотал Коротышка Ян и, пятась, вышел из хлева.

Пребен обернулся к Элин.

– Где Элин такому научилась?

– От бабушки, – коротко ответила та.

Чувство, которое она испытала, когда их руки соприкоснулись, все еще тревожило ее.

– При каких еще болезнях Элин может помочь? – спросил Пребен, опираясь о стенку загона.

Слегка шаркнув ногой, она нехотя ответила:

– Ну по большей части, если уж не самые тяжелые хвори...

– И у людей, и у животных? – с любопытством спросил пастор.

– Да, – проговорила она.

Ее удивило, что Бритта ни разу не упомянула об этом при муже. До батрака Коротышки Яна все же дошли слухи об умениях Элин. Впрочем, это, наверное, не так уж и странно. Когда они обе жили под одной крышей в отцовском доме, Бритта всегда с презрением высказывалась и о бабушке, и о ее познаниях.

– Расскажи еще, – попросил Пребен, направляясь к двери.

Элин нехотя последовала за ним. Не пристало ей идти и переговариваться с хозяином – слишком уж легко начинают молоть злые языки в усадьбе. Но здесь решает Пребен, так что она тяжелым шагом пошла следом.

Снаружи стояла Бритта, уперев руки в бока, с самым мрачным взглядом. Сердце у Элин ушло в пятки. Все вышло именно так, как она опасалась. Ему ничто не угрожает, она же может впасть в немилость. А с ней и Марта.

Ее опасения, каково это будет – жить на милости сестры, – оказались куда как верны. Бритта была злой и суровой хозяйкой, и от ее злого языка и сама она, и Марта уже не раз страдали.

– Элин помогла мне со Звездочкой, – сказал Пребен, спокойно встретив взгляд жены. – А сейчас идет накрывать нам трапезу. Она предложила нам побыть вместе, только нам с тобой вдвоем, ибо я в последнее время так много отсутствовал по делам прихода.

– Предложила нам побыть вместе? – с подозрением переспросила Бритта, но уже куда более мягким голосом. – Ну что ж, неплохое предложение от Элин... – Она смело взяла Пребена под руку. – Я-то ужасно соскучилась по моему мужу и господину, и мне кажется, он слишком мало видится со своей женушкой.

– В этом моя дорогая жена совершенно права, – ответил пастор и двинулся с Бриттой в сторону господского дома. – Однако сейчас мы постараемся это исправить. Элин сказала, что через полчаса мы можем садиться за стол, и это прекрасно, ибо тогда я успею привести себя в порядок, чтобы не выглядеть оборванцем рядом с моей прекрасной женой.

– Да что уж там, оборванцем ты никогда не выглядишь, – ответила Бритта и хлопнула его по плечу.

Идя за ними, на минуту забытая всеми, Элин перевела дух. Мрак в глазах Бритты был ей слишком хорошо знаком, и она знала, что сестра неразборчива в средствах, когда надо сделать зло тому, кто, по ее понятиям, поступил с ней несправедливо. Но на этот раз Пребен спас ее и Марту, за что она была ему навечно благодарна. Хотя на самом деле он мог бы и не ставить ее в подобную ситуацию.

Быстрым шагом Элин поспешила в кухню. Всего за полчаса ей нужно накрыть на стол, да еще и добиться от кухарки, чтобы та приготовила нечто особенное... Поправляя передник, она все еще чувствовала тепло руки Пребена.

* * *

– Пап, чем ты занят?

Билл был так погружен в текст, что вздрогнул, услышав голос сына. Он задел чашку, стоявшую рядом, и несколько капель кофе выплеснулось на письменный стол.

Билл обернулся к Нильсу, стоявшему в дверях.

– Я работаю над новым проектом, – ответил он и повернул монитор, чтобы сын мог увидеть.

– «Новые “Приятные люди”», – прочел Нильс заголовок на первом слайде презентации. Под заголовком виднелась фотография яхты, рассекающей волны.

– Что это такое?

– Ну помнишь фильм, который мы смотрели? «Приятные люди» Филипа и Фредрика^[5].

Нильс кивнул.

– Ну да, как черномазые играли в хоккей с мячом.

Билл поморщился.

– Про сомалийцев, которые играли в хоккей с мячом. Не надо говорить «черномазые».

Нильс пожал плечами.

Билл посмотрел на сына, стоявшего в полутемной комнате, небрежно засунув руку в карман шорт и откинув светлую челку, падавшую на глаза. Он появился в их жизни довольно поздно. Незапланированный, да и не очень желанный ребенок. Гунилле было сорок пять, ему самому – к пятидесяти, а два старших брата Нильса уже вышли из подросткового возраста. Гунилла настояла, чтобы они оставили ребенка, утверждая, что в этом есть какой-то высший смысл. Но Билл никогда не ощущал такой связи с Нильсом, как с двумя старшими сыновьями. Он не хотел – да и сил уже особо не было – менять подгузники, сидеть в песочнице или в третий раз проходить арифметику за первый класс.

Билл снова повернулся к компьютеру.

– Это презентация для СМИ. Моя идея состоит в том, чтобы сделать что-то позитивное и помочь беженцам в нашей местности влиться в шведское общество.

– Так ты собираешься обучить их играть в хоккей? – спросил Нильс, по-прежнему не вынимая рук из карманов.

– Разве ты не заметил яхты? – Билл указал на экран монитора. – Они научатся ходить под парусами. А потом мы будем участвовать в регате вокруг острова Даннхольмен.

– Регата вокруг Даннхольмена – немного не то же самое, что чемпионат мира, на котором выступали черномазые, – произнес Нильс. – Слегка другой уровень.

– Не говори «черномазые»! – одернул его Билл.

Сын наверняка делал это специально, чтобы позлить его.

– Я знаю, что регата вокруг Даннхольмена куда менее престижное соревнование, однако в наших краях она имеет символическое значение, и отклик в прессе будет значительный. Особенно теперь, когда снимается фильм и все такое.

Нильс, стоявший у него за спиной, фыркнул.

– Если они вообще беженцы. Сюда приезжают лишь те, у кого хватает на это денег, я читал об этом в Сети. А у этих детей-беженцев бороды и усы.

Билл взглянул на сына, покрасневшего от злости. Казалось, перед ним чужой человек. Не знай он его, мог бы подумать, что тот... расист. Но нет, подростки просто еще слишком мало знают о мире. Тем больше оснований для проведения такого проекта. Большинство людей по сути своей добры, им просто нужен толчок в правильном направлении. Обучение. Нильс скоро убедится, что ошибался.

Дверь у него за спиной закрылась, когда сын вышел из кабинета. Завтра установочная встреча, и важно подготовить все материалы для прессы. Это будет сенсация. Настоящая сенсация.

* * *

– Есть кто дома? – крикнула Паула, когда они с Юханной ввалились в квартиру с двумя детьми на руках, двумя колясками и тремя чемоданами.

Поставив на пол самый тяжелый чемодан, Паула улыбнулась Юханне. Отпуск на Кипре с трехлетним ребенком и грудным младенцем – не самое продуманное решение, однако им удалось выжить.

– Я здесь, в кухне!

Услышав голос матери, Паула расслабилась. Если Рита и Бертиль здесь и возьмут на себя детей, то они с Юханной смогут спокойно распаковать вещи. Или же наплевать на это дело, оставить

распаковку на завтра и просто броситься на кровать, включив скучный фильм, под который легко можно заснуть.

Рита улыбнулась им, когда они вошли в кухню. Не было ничего удивительного в том, что мама готовила им еду на их кухне, словно на своей собственной. Рита и Бертиль жили в квартире этажом выше, но с рождением детей границы между квартирами стерлись настолько, что уже можно было устанавливать между ними лестницу.

– Я приготовила энчилады – подумала, что вы наверняка голодные с дороги. Все прошло хорошо? – Она протянула руки к Лизе.

– Да. То есть нет, – ответила Паула, с благодарностью передавая ей малышку. – Застрели меня, если я когда-либо снова начну говорить, как здорово было бы поехать на недельку в отпуск с детьми.

– Да уж, идея-то была твоя, – пробормотала Юханна, пытаясь разбудить заснувшего в дороге Лео.

– Сущий кошмар, – сказала Паула, отщипнув кусочек золотисто-желтого сыра с одной из энчилад. – Повсюду дети, а взрослые, вырядившиеся мягкими игрушками, бродят повсюду среди этой жары и распевают какую-то дикую футбольную песню...

– Мне кажется, это нельзя назвать футбольной песней, – рассмеялась Юханна.

– Ну хорошо, какое-то промывание мозгов, типа как в секте. Если меня еще хоть один раз заставят это слушать, я подойду и задушю этого большого лохматого медведя голыми руками.

– Расскажи про шоколадный фонтан, – сказала Юханна.

– О боже! – простонала Паула. – Каждый вечер у них там устраивали шведский стол, больше рассчитанный на детей, – блинчики, фрикадельки, пицца и спагетти в огромных количествах... И шоколадный фонтан. И был там один мальчик по имени Линус, который произвел на всех неизгладимое впечатление. Кстати, о том, что его звали Линус, знал весь отель, потому что его мама всю неделю бегала за ним и вопила: «Лиинус, нельзя, не трогай!»

Лиинус, не делай этого! Лиинус, не пинай девочку!» В то время как папаша сидел и накачивался пивом с самого завтрака. А в последний день...

Юханна хихикнула, а Паула взяла тарелку, положила себе энчиладу и села за стол.

– А в последний день он, конечно же, как ты понимаешь, с разбегу впился в огромный шоколадный фонтан и перевернул его. Все вокруг было в шоколаде! А ребенок кинулся прямо в этот шоколад и стал кувыраться в нем, пока мама бегала вокруг в полной истерике...

Откусив большой кусок, она с удовлетворением вздохнула. Это было первое блюдо с нормальным количеством приправ, которое она попробовала за неделю.

– Деда Бертиль? – спросил Лео, уже начав просыпаться на руках у Юханны.

– Да, а где Бертиль? – спросила Паула. – Что, уже заснул перед телевизором?

– Нет, – ответила Рита. – Он на работе.

– Так поздно?

Бертиль редко ставил себе вечерние смены.

– Да, ему пришлось уехать. Но ты-то все еще в отпуске по уходу за ребенком, – проговорила Рита, осторожно поглядывая на Паулу.

Она знала, как нелегко было уговорить дочь засесть дома, и Юханна постоянно тревожилась, что Паула слишком рано вернется на работу. Изначально они планировали провести лето всей семьей.

– А что случилось? – спросила Паула, откладывая приборы.

– Они все ушли искать пропавшего человека.

– А кто пропал?

– Ребенок, – проговорила Рита, избегая ее взгляда. – Четырехлетняя девочка.

Свою дочь она знала слишком хорошо.

– Как давно пропала девочка?

– В худшем случае – еще вчера вечером, но родители обнаружили это только сегодня после обеда, так что ее ищут часа два.

Паула бросила умоляющий взгляд на Юханну. Та взглянула на Лео и кивнула.

– Ясное дело, тебе надо ехать туда. Сейчас всякая помощь будет кстати.

– Обожаю тебя! Я еду немедленно.

Паула вскочила и поцеловала спутницу жизни в щеку.

– Где это? – спросила она, натягивая на себя в коридоре тонкую летнюю куртку.

– На хуторе. Бертиль называет его «хутор Бергов».

– Хутор Бергов?

Паула замерла на месте. Это место она хорошо знала. Знала и его историю. А природный цинизм мешал ей верить в случайные совпадения.

* * *

Карим сурово постучал в дверь. Он знал, что Аднан на месте, и не собирался сдаваться, пока тот не откроет. Годы, проведенные в мире, где стук в дверь мог принести с собой смерть – тебе или близким людям, – привели к тому, что многие не открывали, так что Кариму пришлось колотить в дверь еще раз. В конце концов она открылась.

Увидев округлившиеся глаза Аднана, он даже пожалел, что стучал так громко.

– Я только что разговаривал с Рольфом – он говорит, что вся Фьельбака вышла искать пропавшую девочку. Мы должны помочь.

– Девочка? Ребенок?

– Да. Рольф сказал, что ей четыре года. Они думают, что она заблудилась в лесу.

– Ясное дело, мы должны помочь. – Аднан обернулся внутрь комнаты, одновременно протягивая руку к куртке. – Халил! Пошли! Карим сделал пару шагов назад.

– Помоги мне собирать людей. Скажи, что мы встречаемся у киоска. Рольф обещал подвезти нас.

– Конечно. Надо спешить. Маленькая девочка не должна оставаться ночью одна в лесу.

Карим продолжал стучать в двери, слыша, как в дальнем конце коридора Аднан и Халил делают то же самое. Через некоторое время собралось человек пятнадцать желающих помочь. Рольфу придется дать две-три ходки, чтобы отвезти всех, но для него это наверняка не проблема. Он добряк. Сам всегда готов помочь.

На мгновение Карим почувствовал себя неуверенно. Рольф добрый, это понятно. К тому же он их знает. Но как отреагируют на их появление другие шведы? Шайка черных из лагеря. Он знал, что их так называют. Черные. Или черножопые. Но пропавший ребенок – ответственность всех. Неважно, какой это ребенок – шведский или сирийский. Где-то в отчаянии плачет его мать.

Когда Рольф подъехал на своей машине, у киоска ждали Карим, Аднан и Халил вместе с Рашидом и Фаридом. Карим взглянул на Рашида. Его дети остались в Сирии. Рашид встретился с ним глазами. Он не знал, живы ли его дети, но сейчас собирался идти искать шведскую девочку.

* * *

Когда дети улеглись спать, в доме наступила блаженная тишина. Иногда Эрику даже мучила совесть из-за того, как остро она наслаждалась вечерним покоем. Когда Майя была маленькая, Эрика зашла на форум «Семейная жизнь», чтобы найти единомышленников и выплеснуть перед ними свои чувства. Ей казалось, что не только у нее возникает внутренний конфликт между материнской ролью и

потребностью иногда побыть наедине с собой. Но поток ненависти, обрушившийся на нее, когда она честно написала о своих чувствах, заставил ее уйти и никогда больше туда не заходить. Ее совершенно застали врасплох ругань и оскорбления со стороны других мам, объяснявших ей, какой она плохой человек, раз не наслаждается каждой минутой грудного вскармливания, ночных бдений, смены пеленок и диких воплей. Эрика по-прежнему ощущала приступ гнева при одной мысли об этих женщинах, так строго судивших ее за то, что она поступает или чувствует себя не так, как они. «Почему каждый не может делать так, как удобно ему?» – подумала Эрика, сидя на диване с бокалом красного вина и пытаясь расслабиться перед телевизором.

Вскоре ее мысли устремились к эмоциям другой матери. Эвы, мамы Неи. Трудно представить себе весь тот ужас, который она сейчас испытывает. Эрика послала Патрику несколько сообщений, спрашивая, не надо ли ей присоединиться к поискам, – она могла бы попросить Кристину прийти и присмотреть за детьми. Но он лишь повторял, что их достаточно, что больше добровольцев не требуется и что она принесет больше пользы, оставаясь дома с детьми.

Супругов Берг Эрика не знала и никогда не бывала на их хуторе. Для того чтобы описать это место в своей книге как можно более подробно, она несколько раз собиралась поехать туда и попросить разрешения все осмотреть, сделать снимки, однако руки так и не дошли. В ее распоряжении имелись старые фотографии, так что она могла описать, как выглядел хутор, когда там жила семья Страд, однако совсем другое дело – самому вдохнуть атмосферу, увидеть детали, прочувствовать, какой могла быть жизнь на хуторе.

Наведя справки о семье Берг, Эрика узнала, что они переехали туда из Уддеваллы, ища покоя в деревне. Хорошее место, где их дочь проведет детство на лоне природы. Она от души надеялась, что эта мечта исполнится – вот-вот придет сообщение от Патрика, что они нашли девочку в лесу, напуганную, но живую. Однако интуиция подсказывала ей нечто другое.

Эрика повертела в руках бокал с вином. Сегодня, несмотря на жару, она позволила себя тяжелое «Амароне». Летом большинство ее знакомых употребляли лишь охлажденное розовое или белое с кусочками льда. Однако сама Эрика не любила ни розового, ни белого – пила только игристые или насыщенное красное, вне зависимости от времени года. Зато не ощущала никакой разницы между дорогим шампанским и дешевым «кава», поэтому Патрик любил шутить, что ее содержание обходится ему не слишком дорого.

И тут же она ощутила укол совести из-за того, что сидит и размышляет о винах, в то время как четырехлетняя девочка заблудилась одна в лесу – и это в лучшем случае. Однако мозг Эрики зачастую работал именно так. Слишком тяжело было думать о том, как плохо все могло кончиться для этого ребенка, и тогда она подсознательно переключалась мыслями на мелкое и банальное. Такой роскоши мама Неи не могла себе позволить. Она и ее муж оказались в кошмарном сне.

Выпрямившись на диване, Эрика отставила бокал и потянулась за блокнотом, лежавшим на журнальном столике. За долгие годы работы над книгами она завела себе привычку всегда иметь под рукой карандаш и бумагу, записывая по ходу дела все мысли, возникавшие в голове, набрасывая списки дел, которые предстоит сделать, чтобы продвинуться в написании книги. Именно этим она и собиралась заняться сейчас. Интуиция подсказывала ей, что исчезновение Неи как-то связано со смертью Стеллы. В последние недели Эрика ленилась, лето и солнце отвлекали ее, и она не продвинулась в работе над книгой так, как планировала. Но сейчас пора взяться за дело – и если выяснится, что случилось самое страшное, она, по крайней мере, окажется полезной благодаря своим познаниям о старом деле. Возможно, ей удастся нащупать ту связь, которая – она не сомневалась – должна существовать.

Эрика взглянула на телефон – по-прежнему ни слова от Патрика, – затем взялась за карандаш и принялась писать.

Дело Стеллы

Она все поняла, когда они подошли к ней. Тяжелая поступь. Глаза в землю. Слов уже не требовалось.

– Андерс! – крикнула Линда срывающимся голосом.

Он выбежал из дома, но замер на месте, увидав полицейских. Упал на колени прямо на гравий на площадке перед домом. Линда подбежала к нему, обняла его. Андерс всегда был такой большой и сильный, но теперь ей придется нести на своих плечах двойную боль.

– Папа? Мама?

В дверях стояла Санна. Ее светлые волосы, освещенные светом из кухни, напоминали нимб.

Линда, не в силах смотреть в глаза дочери, повернулась к одному из полицейских. Тот кивнул ей.

– Мы нашли вашу дочь. Она... она мертва. Соболезнуем.

Он смотрел на носки ботинок, глотая слезы. Лицо у него было бледное, как полотно, и Линда подумала, что он, наверное, видел Стеллу. Видел тело.

– Как она может быть мертва? Этого же не может быть! Мама! Папа!

Голос Санны звучал у нее за спиной. Вопросы сыпались градом. Но у Линды не было на них ответа. Она не могла никого утешить. Понимала, что должна отпустить Андерса и заключить в объятия дочь, но не двигалась с места. Только Андерс понимал ту боль, которая пронизывала каждую клеточку ее тела.

– Мы хотим ее видеть, – проговорила Линда, наконец найдя в себе силы поднять голову с плеча Андерса. – Мы должны видеть нашу дочь.

Высокий полицейский откашлялся.

– Вы ее увидите. Но сначала мы должны выполнить свою работу. Выяснить, кто это сделал.

– В смысле – сделал? Ведь это же несчастный случай...

Андерс высвободился из объятий Линды и поднялся во весь рост.

Высокий полицейский тихо ответил:

– Нет, это не несчастный случай. Вашу дочь убили.

Земля приблизилась так резко, что Линда даже не успела удивиться. В следующую секунду все погрузилось в темноту.

* * *

Осталось двадцать.

Джеймс Йенсен даже не запыхался, делая свои отжимания. Один и тот же ритуал каждое утро. Зимой и летом. В канун Рождества или праздника середины лета. Такие вещи не имеют значения. Единственное, что имеет значение, – дисциплина, последовательность, порядок.

Осталось десять.

Отец Хелены понимал значение распорядка. Джеймс по-прежнему мог испытывать тоску по Карлу-Густаву, хотя тоска – слабость, которую он не желал себе позволять. С тех пор как десять лет назад Карл-Густав умер от инфаркта, никто не мог его заменить.

Последний. Джеймс поднялся после ста быстрых отжиманий. Долгая служба в армии научила его, насколько важно всегда оставаться в форме.

Джеймс взглянул на часы. Одна минута девятого. Припоздал. Если он дома, то обычно завтракает ровно в восемь ноль-ноль.

– Завтрак готов! – крикнула Хелена, точно услышав его мысли.

Джеймс нахмурил лоб. Раз она позвала его, значит, заметила, что он припозднился.

Утерев пот полотенцем, Джеймс вошел с веранды в гостиную. Рядом располагалась кухня, и он сразу ощутил запах бекона. Завтракал Джеймс всегда одним и тем же блюдом. Омлетом с беконом.

– Где Сэм? – спросил он, усаживаясь и набрасываясь на омлет.

– Еще спит, – ответила Хелена, подавая ему идеально прожаренный, хрустящий бекон.

– На часах уже восемь, а он все еще спит?

Раздражение пронеслось по всему телу, словно стая мошкары. В последнее время Джеймс всегда испытывал это чувство, едва речь заходила о Сэме. Спать в восемь часов утра... Самому ему приходилось вставать в шесть и работать допоздна.

– Разбуди его, – потребовал он, отхлебывая большой глоток кофе, но тут же выплюнул все обратно в чашку. – Какого черта? Ты забыла молоко!

– Ах, извини, – проговорила Хелена и взяла чашку у него из рук.

Вылив кофе в мойку, она снова наполнила чашку, добавив немного жирного молока. Теперь вкус у кофе стал такой, как надо.

Хелена поспешила прочь из кухни. На лестнице слышались быстрые шаги, потом бормотание.

Снова нахлынуло раздражение. Такое же чувство Джеймс испытывал, когда шел на марше со своим подразделением, а кто-нибудь из солдат начинал медлить или отлынивать из страха. Такое поведение не вызывало у него понимания. Если уж решил пойти в армию, да еще в такой стране, как Швеция, где отправка в горячие точки в других странах происходит на сугубо добровольной основе, надо делать свое дело. А страх оставлять дома.

– Что за паника? – проворчал Сэм, небрежно входя в кухню – заспанный, с растрепанными черными волосами. – Почему я обязательно должен вставать в это время?

Джеймс сжал руки на столе.

– В этом доме мы не дрыхнем весь день, – ответил он.

– Но мне не удалось устроиться на летнюю работу – какого черта я должен теперь делать?

– Не смей ругаться!

Хелена и Сэм вздрогнули. От злости у старого вояки потемнело в глазах, но он заставил себя сделать несколько глубоких вдохов. Он должен сохранить контроль. Над собой. Над этой семьей.

– В девять часов ноль-ноль минут встречаемся за домом, будем учиться стрелять.

– Хорошо, – буркнул Сэм, глядя в стол.

Хелена по-прежнему пряталась у него за спиной.

* * *

Всю ночь они провели на ногах. Харальд так устал, что глаза закрывались сами собой, но ему и в голову не приходило уйти домой. Это равносильно тому, чтобы сдать. Когда усталость начинала брать верх, он возвращался на хутор, чтобы согреться и выпить кофе. И каждый раз в кухне сидела Эва с неподвижным посеревшим лицом. Это придавало ему сил снова идти прочесывать лес.

Харальд невольно задавался вопросом, известно ли остальным, кто он такой. Какую роль он сыграл в событиях тридцатилетней давности. Что именно он обнаружил ту девочку. Все жители Фьельбаки, конечно же, знали об этом, но Харальд надеялся, что Эва и Петер не знают. Во всяком случае, он на это надеялся.

Когда распределяли области поиска, Харальд сознательно выбрал квадрат с небольшим озерцом, где в свое время обнаружил Стеллу. И сразу же направился туда. Водоем давно высох, осталась лишь заболоченная местность. Но старый ствол лежал на прежнем месте. Само собой, массивное дерево пострадало от ветра и непогоды – рассохлось, казалось более хрупким, чем тридцать лет назад. Но никакой девочки он там не обнаружил. И невольно вздохнул с облегчением.

В течение ночи группы постоянно переформировывались. Некоторые уходили домой, чтобы поспать несколько часов, снова возвращались и присоединялись к новым группам, к тому же ближе к утру прибыли новые добровольцы. Среди тех, кто не ушел домой отдыхать, была группа мужчин и юношей из центра для беженцев.

Харальд перекинулся с ними несколькими словами на смеси их плохого шведского и его плохого английского. Но каким-то образом им удавалось понимать друг друга.

Маленькая группа, в которой он оказался теперь, состояла из него самого, мужчины, который представился как Карим, и Юханнеса Клингбю – строителя, которого Харальд приглашал делать ремонт в своей пекарне. Стиснув зубы, они медленно продвигались вперед по лесу, который все ярче освещался лучами солнца. Полицейские, руководившие поисками, несколько раз призывали их не торопиться, прочесывать лес тщательно и методично.

– За ночь мы обыскали огромный участок, – сказал Юханнес. – Не могла же она так далеко уйти... – Он развел руками.

– В прошлый раз мы искали целые сутки, – проговорил Харальд, будто снова увидев перед собой тело Стеллы.

– *What?*^[6]

Карим покачал головой. Ему трудно было понимать Харальда, говорившего на бухюсленском диалекте.

– *Harald found a dead girl in the wood, thirty years ago*^[7], – пояснил Юханнес Кариму по-английски.

– *Dead girl?* – переспросил Карим и остановился. – *Here?*^[8]

– *Yes, four years old, just like this girl*^[9]. – Юханнес поднял вверх четыре пальца.

Карим перевел взгляд на Харальда – тот медленно кивнул.

– *Yes*, – сказал он. – *It was just over here. But it was water there then*^[10].

Он стыдился своего английского произношения, но Карим понял его и кивнул.

– *There*, – продолжал Харальд, указывая на ствол дерева. – *It was... not a lake... a...*^[11]

– *A small lake, like a pond*^[12], – подсказал Юханнес.

– *Yes, yeas, a pond*^[13]. – Харальд кивнул. – *It was a pond over by that tree and the girl was dead there*^[14].

Карим медленно подошел к лежащему дереву и, присев на корточки, осторожно положил руку на ствол. Когда он обернулся, лицо у него было таким бледным, что Харальд отшатнулся.

– *Something is under the tree. I can see a hand. A small hand*^[15].

Харальд пошатнулся. Юханнес наклонился над кустом, его вытошнило. Харальд встретился взглядом с Каримом и увидел в его глазах отражение собственного отчаяния. Нужно звать полицейских.

* * *

Мария сидела с раскрытым сценарием на коленях, пытаясь вникнуть в реплики будущей сцены, но сегодня дело не шло. Предстояли съемки в павильоне – огромном заводском здании в Танумсхеде. Там умело создали различные интерьеры, постоянно фигурирующие в фильме, – словно маленькие миры, в которые легко войти в любую минуту. Большая часть сюжета разворачивалась на Даннхольмене, в те времена, когда Ингрид была замужем за директором театра Лассе Шмидтом, и в более поздние годы, когда она продолжала приезжать туда, хотя и развелась с Лассе.

Мария потянулась и покачала головой, пытаясь отогнать мысли, роившиеся в голове с того момента, как пошли разговоры о пропавшей девочке. Мысли о смеющейся Стелле, прыгавшей впереди них с Хеленой...

Мария вздохнула. Она приехала сюда, чтобы сняться в роли, о которой мечтала всю жизнь. Ради этого она старалась так много лет; это стало ее наградой – сейчас, когда предложения из Голливуда начали иссякать. Она это заслужила, ведь она прекрасная актриса. Ей не требовалось особых усилий, чтобы войти в роль, вообразить себя кем-то другим. В этом искусстве Мария начала практиковаться с детства. Ложь и актерская игра всего лишь на волосок отстоят друг от друга, и она рано научилась и тому и другому.

Если б только она могла отогнать мысли о Стелле...

– Как лежат волосы? – спросила Ивонна, подходя своей нервической походкой.

Внезапно она остановилась, да так резко, что чуть не подпрыгнула на месте. Оглядев Марию снизу доверху, достала расческу, вставленную в большой узел волос на затылке, и поправила несколько мелких прядей. Затем протянула Марии зеркало – и с напряжением ждала ее реакции, пока актриса разглядывала результат.

– Отлично, – проговорила та, и встревоженное выражение на лице Ивонны исчезло.

Мария обернулась к павильону, изображавшему гостиную, где Йорген о чем-то спорил с Сикстеном, отвечавшим за свет.

– Готово, наконец?

– Дай нам еще пятнадцать минут! – крикнул Йорген.

В его голосе отчетливо звучал стресс. Мария знала, с чем это связано. Каждая минута простоя означала потерянные деньги.

И снова она задалась вопросом, как обстоят дела с финансированием фильма. Не впервые ей доводилось попадать в такие ситуации, когда съемки начинались еще до решения финансовых вопросов – иногда их потом приходилось резко прерывать. Ни на что нельзя надеяться, пока не наступит такой момент, когда в фильм уже вложено столько средств, что закрывать его не имеет смысла. Однако до этой стадии они пока не дошли.

– Простите, можно задать вам несколько вопросов, пока вы все равно ждете?

Мария оторвала глаза от сценария. Мужчина лет тридцати смотрел на нее и широко улыбался. Ясное дело, журналист. В обычном случае она никогда не согласилась бы давать интервью без предварительной договоренности, но его футболка обтягивала такие великолепные мышцы – Мария не могла допустить, чтобы его попросту выставили.

– Пожалуйста, я все равно сижу и жду.

Про себя она с удовольствием отметила, что рубашка ей очень к лицу. Ингрид всегда одевалась со вкусом и чувством стиля.

Парень с прекрасно тренированным телом представился как Аксель из «Бухюсленской газеты». Он начал с нескольких спокойных вопросов о фильме и ее карьере в целом, чтобы потом начать приближаться к той теме, которая, вне всяких сомнений, являлась главной целью его визита. Мария откинулась в кресле, скрестив свои длинные ноги. Прошлое пошло на пользу ее карьере.

– Какие эмоции вы испытываете, вернувшись обратно? Я чуть было не сказал «на место преступления», но назовем это оговоркой по Фрейду – ведь вы с Хеленой всегда настаивали на своей невинности.

– Мы и были невинны, – ответила Мария, с удовольствием отмечая, что молодой журналист не сводит глаз с ее глубокого выреза.

– Хотя вас осудили за это преступление? – проговорил Аксель, с усилием отрывая взгляд от ее округлостей.

– Мы были детьми, совершенно неспособными совершить то преступление, в котором нас обвиняли и за которое нас осудили, – но, конечно, охота на ведьм существует и в наше время.

– А как вы себя чувствовали в последующие годы?

Мария покачала головой. Ей никогда не удалось бы описать ему то время. Сам он наверняка вырос с образцовыми родителями, которые во всем его поддерживали, а сейчас живет с женой и детьми. Бросив взгляд на его левую руку, она отметила про себя, что права.

– Это было очень поучительно, – ответила актриса. – Когда-нибудь я напишу об этом в моих мемуарах. В двух словах не скажешь.

– Кстати, если уж речь зашла о мемуарах... Я слышал, что писательница Эрика Фальк, которая сама живет неподалеку, планирует написать книгу об убийстве и о вас с Хеленой. Вы собираетесь участвовать в этом проекте? Вы с Хеленой дали добро на эту книгу?

Мария ответила не сразу. Конечно же, Эрика обращалась к ней, однако параллельно Мария ведет переговоры с одним из крупнейших издательств Швеции об издании книги, где изложит свою версию.

– Я пока не решила вопрос о том, буду участвовать или нет, – ответила она, давая понять, что не намерена больше обсуждать эту тему.

Намек Аксель понял и сменил тему.

– Предполагаю, что вы слышали про девочку, пропавшую вчера вечером, – с того самого хутора, с которого пропала в свое время Стелла?

Он смолк, ожидая ее реакции, но Мария лишь снова закинула ногу на ногу. Журналист проследил взглядом за ее движением. Она точно знала – ничто в ней не выдает, что она провела ночь без сна.

– Совпадение странное, да, но наверняка просто совпадение. Девочка просто заблудилась в лесу.

– Мы очень на это надеемся, – проговорил Аксель.

Он снова заглянул в свой блокнот, но в этот момент Йорген помахал Марии рукой. Пресса – отличная вещь, но сейчас настала пора войти в гостиную на Даннхольмене и заблестать. Убедить финансистов, что этот фильм станет грандиозным успехом.

Взяв Аксея за руку, Мария жала ее особенно долго, благодаря за интервью. Уже двинувшись в сторону Йоргена и съемочной группы, она остановилась и обернулась. Магнитофон Аксея все еще крутился, Мария наклонилась и хрипловатым голосом наговорила в микрофон несколько цифр. Затем подняла глаза на Аксея.

– Это мой номер телефона.

Затем она снова повернулась и шагнула в эпоху семидесятых, на открытый всем ветрам остров, ставший для Ингрид Бергман раем на земле.

* * *

Отвечая на неизвестный номер, Патрик уже по первым звукам понял, что это тот самый звонок, которого они так опасались. Выслушивая человека на другом конце провода, он помахал рукой Йосте и Мельбергу, стоявшим чуть в стороне и беседовавшим с кинологами.

– Да, я знаю, где это, – сказал Патрик в трубку. – Ни к чему не прикасайтесь. Ждите нас на месте.

Он медленно нажал на кнопку. Мельберг и Йоста подошли к нему – слова показались излишними. По выражению его лица они и так все поняли.

– Где она? – спросил наконец Йоста.

Взгляд его был устремлен на дом, где мать Неи стояла в кухне, заваривая очередную порцию кофе.

– Ровно там же, где нашли другую девочку.

– Что за чертовщина? – воскликнул Мельберг.

– Но мы же там всё прочесали – я знаю, что несколько групп искали именно в этом месте, – проговорил Йоста, нахмутив брови. – Как они могли ее пропустить?

– Не знаю, – ответил Патрик. – Звонил Харальд, который держит пекарню «Зеттерлиндс»; тело обнаружила его группа.

– И Стеллу тоже нашел он, – тихо проговорил Флюгаре.

Мельберг уставился на него.

– Странное дело... Каковы шансы, что один и тот же человек обнаружит двух мертвых девочек с интервалом в тридцать лет?

Йоста отмахнулся.

– В прошлый раз мы проверили его самым тщательным образом, но у него было стопроцентное алиби; он не имеет отношения к убийствам. – Взглянул на Патрика. – Ведь это убийство? Не несчастный случай? Учítывая, что ее нашли на том же месте, трудно предположить, что здесь может быть что-то другое.

Патрик кивнул.

– Нам придется подождать, пока эксперты скажут нечто более определенное, но Харальд сказал, что на ней нет одежды.

– Тьфу, черт! – воскликнул Мелльберг. Лицо его посерело.

Патрик сделал глубокий вдох. Утреннее солнце только начало взбираться на небо, но температура уже поднялась настолько, что его рубашка прилипла к телу от пота.

– Предлагаю разделиться. Я пойду встречусь с Харальдом у того места, где нашли девочку, – его группа ждет там. Возьму с собой скотч и огорожу территорию вокруг этого места. Бертиль, ты свяжешься с Турбьёрном в Уддевалле и скажешь, чтобы тот как можно скорее выезжал сюда с бригадой экспертов. Кроме того, можешь предупредить добровольцев – по мере того, как они будут возвращаться сюда, – чтобы больше не искали. Скажи также кинологам и вертолетчикам, что операция прекращена. А ты, Йоста...

Патрик смолк, с болью глядя на коллегу.

Флюгаре кивнул.

– Возьму это на себя, – проговорил он.

Патрик не завидовал ему. Но самым логичным было поручить это именно Йосте. За то время, что они провели на хуторе, у него установился контакт с родителями Неи. К тому же Йоста был человеком спокойным и надежным – Патрик верил, что он справится с ситуацией.

– И позвони пастору, – продолжал Хедстрём, снова переводя взгляд на Мелльберга. – Бертиль, постарайся как можно скорее перехватить отца Неи, когда вернется его группа, чтобы он не услышал эту весть до того, как Йоста сможет с ним поговорить.

– Это будет нелегко, – проговорил Мелльберг, поморщившись.

– Понимаю, новость разнесется мгновенно, но хотя бы постарайся.

Мелльберг кивнул, и Патрик, оставив своих коллег, двинулся в сторону леса. Он все еще не понимал. Первым делом они обыскали то место, где тридцать лет назад обнаружили Стеллу. Тем не менее, похоже, пропустили ее.

После десяти минут ходьбы по пересеченной местности он увидел троих мужчин, поджидавших его. Помимо Харальда, группа состояла из двух молодых мужчин, один из которых выглядел иностранцем.

Патрик протянул руку, здороваясь с каждым. Никто из них не мог смотреть ему в глаза.

– Где она лежит? – спросил он.

– Вон там, под стволом, – ответил Харальд, указывая рукой. – Поэтому мы ее сразу не заметили. Под стволом образовалась пустота, и кто-то запихнул туда девочку. Ее видно, только если подойти совсем близко и покачать ствол.

Патрик кивнул. Это многое объясняет. Однако он клял самого себя за то, что не дал указаний осмотреть это место более внимательно.

– Ты в курсе, что она вернулась? Впервые с тех пор, как ее услали отсюда...

Патрик не стал спрашивать, кого имеет в виду Харальд. Никто в поселке не пропустил возвращение Марии Валль – тем более что оно было обставлено с большим шумом.

– Да, нам это известно, – проговорил он, не уточняя, что может означать в данной связи ее возвращение.

Однако и у него возникли подобные мысли. Мягко говоря, странное совпадение, что еще одна девочка с того же хутора убита и найдена на том же месте практически в тот же день, когда Мария вернулась сюда.

– Я должен огородить территорию, наши эксперты-криминологи обследуют место преступления.

Он опустил на землю взятую с собой сумку и достал два больших рулона сине-белого скотча.

– Нам возвращаться? – спросил один из молодых мужчин, представившийся как Юханнес.

– Нет, я хотел бы попросить вас остаться на месте и как можно меньше передвигаться. Эксперты захотят обследовать вашу одежду и обувь, поскольку вы ходили здесь, по этому месту.

У мужчины с иностранной внешностью было вопросительное выражение лица. Обернувшись к нему, Харальд сказал на небезупречном, но понятном английском:

– *We stay here. Okay, Karim?*^[16]

– *Окау*, – кивнул тот, и Патрик понял, что это один из тех, кто приехал из центра для беженцев вместе с Рольфом.

Несколько мгновений все молчали. Жуткое событие, приведшее их сюда, резко контрастировало с окружавшей людей идиллией. Радостно щебетали птицы, словно ничего не случилось, словно убитая четырехлетняя девочка не лежала в двух метрах отсюда. Шумели кроны деревьев, аккомпанируя птичьим трелям. Здесь было невыносимо красиво – особенно сейчас, когда лучи солнца пробивались сквозь листву, словно острые лучи лазера. Патрик заметил всего в нескольких шагах от них целую поляну лисичек. В другой ситуации сердце у него радостно забилося бы. Сейчас мысль о том, чтобы собирать грибы, не вмещалась в сознание.

Хедстрём начал разматывать скотч. Единственное, что он мог сделать для девочки, – это выполнить свою работу наилучшим образом. Патрик избегал смотреть в сторону ствола упавшего дерева.

* * *

Эва стояла возле мойки, споласкивая кофейник. Она уже сбилась со счета, сколько кофейников заварила в эту ночь. Легкое покашливание за спиной заставило ее обернуться. Увидев взгляд Йосты, его напряженную позу, она выронила кофейник. Вслед за звуком разбитого стекла раздался крик – близкий, но такой далекий. Крик боли и невообразимого горя.

Этот крик исходил от нее самой.

Эва упала на руки Йосты – его крепкие руки не дали ей развалиться на части. Она хватал ртом воздух, а тот гладил ее по волосам. Как ей хотелось, чтобы Нея была здесь, чтобы, смеясь, скакала вокруг ее ног... Нет, лучше б Нея вообще не родилась – лучше вообще не заводить ребенка, которого потом суждено потерять...

Все потеряно. Все умерло с Неей.

– Я позвонил пастору, – проговорил Йоста и повел ее к стулу.

«Наверное, он видит, что я хрупкая, как скорлупа, – подумала Эва, – и потому прикасается ко мне так осторожно».

– Зачем? – спросила она совершенно искренне.

Что может сделать для нее пастор? Она никогда не чувствовала в себе веры. Ребенок должен быть с родителями, а не с богом на небе. Что такого может сказать пастор, что дало бы им с Петером хоть каплю утешения?

– А Петер? – спросила Эва надтреснутым голосом.

Голос тоже умер с Неей.

– Его ищут. Он скоро придет.

– Нет! – Она покачала головой. – Не надо. Не говорите ему ничего.

«Пусть лучше остается в лесу. И по-прежнему надеется». Петер еще жив. Сама же она умерла вместе с Неей.

– Он должен узнать правду, Эва, – проговорил Йоста, обнимая ее за плечи. – Это неизбежно.

Она чуть заметно кивнула. Само собой, Петер не может вечно бродить по лесу, словно лесной дух. Они должны рассказать ему – хотя тогда он тоже умрет...

Высвободившись из объятий Йосты, Эва уронила голову на стол. Почувствовала прикосновение дерева к лицу. Почти сутки она не спала, надежда и страх заставляли ее держаться. Сейчас ей хотелось лишь заснуть и отключиться от всего. Пусть все это будет сном. Тело расслабилось, деревянный стол под щекой казался мягким, как подушка, и она все больше ускользала прочь от реальности. Теплая рука нежно гладила ее по спине. Тепло распространялось по телу.

Тут открылась входная дверь. Эва не хотела открывать глаза. Не хотела видеть Петера, стоящего в дверях. Но Йоста сжал ее плечо, и ей пришлось поднять голову. Взглянув вверх, она встретилась глазами с Петером и увидела у него в глазах такую же безбрежную

пустоту, которую ощущала в себе.

Бухюслен, 1671 год

Утром, когда Коротышка Ян заглянул к ней, Звездочка была совершенно здорова. Пребен ни слова не сказал об этом Элин, но смотрел на нее с нескрываемым восхищением. Она постоянно ощущала на себе его взгляд, пока готовила завтрак. Бритта пребывала в необычно хорошем расположении духа, когда Элин помогала ей привести себя в порядок. Но по воскресеньям такое часто случалось – Бритта обожала сидеть на первом ряду во время службы, в своем лучшем платье и с красивой прической, оглядываясь на ряды, заполненные прихожанами Пребена.

От пасторской усадьбы до церкви было недалеко, так что вся прислуга собралась и тронулась в путь. Пребен и Бритта уехали заранее в коляске, чтобы роскошное платье последней не запачкалось грязью и глиной.

Элин крепко держала Марту за руку. Девочка всю дорогу подпрыгивала, и светлые косички ударялись о спину, о потрепанное пальтишко. Мороз пробирал до костей, и Элин очень основательно набила ботинки Марты бумагой, чтобы утеплить их и заполнить пустоты, поскольку они достались Марте в наследство от одной из служанок и были на несколько размеров больше. Но дочка не жаловалась – ботинки всегда ботинки, и она уже научилась радоваться тому, что имеешь.

На сердце полегчало, когда Элин увидела перед собой высокое здание церкви. Оно было расположено в таком красивом месте... Недавно построенная башня выглядела очень солидно, а свинцовая крыша церкви сияла на зимнем солнце. Вокруг церковь была окружена каменной стеной с оранжевой черепицей наверху, а в стену вделали трое ворот с железными решетками, чтобы не позволить скотине забрести на кладбище и все там попортить.

Едва входя в ворота, Элин почувствовала, как ее сердце радостно забило, а когда они вошли в церковь, глубоко вздохнула,

проникаясь тишиной и торжественной атмосферой.

Они с Мартой уселись в самом конце. В церкви было сорок восемь скамеек, но сейчас они все не заполнялись. Войны и голод обескровили местность, и потоки людей, устремлявшихся к побережью в период лова сельди сто лет назад, ушли в прошлое. Бабушка Элин рассказывала о тех временах – эти истории сама она слышала от своих дедушек и бабушек. Тогда все было по-другому. Селедки было так много, что они придумать не могли, куда девать такое количество рыбы. Люди приезжали сюда со всей страны и поселялись тут. Но сельдь пропала, пришла война... Остались лишь рассказы о былых временах. Теперь многие скамейки в церкви пустовали, в то время как на других сидели бледные исхудавшие жители Бухюслена с потухшими глазами. «Жалко народ», – подумала Элин, оглядываясь по сторонам.

Окна в церкви были только с южной стороны, но свет, падавший сквозь них, казался таким прекрасным, что у Элин навернулись слезы. Кафедра тоже стояла на южной стороне, и гул голосов стих, когда на нее поднялся Пребен.

Они начали с пения псалмов, и Элин постаралась от души, поскольку знала, что у нее красивый голос. Она позволяла себе эти краткие мгновения тщеславия, потому что Марта любила слушать, как она поет.

Элин постаралась понять, что говорит Пребен. Новые правила, по которым в церкви теперь должно говорить и читать только по-шведски, большинство прихожан считали неприятной выдумкой, ибо куда более привыкли слышать датский и норвежский.

Но голос у него такой красивый... Элин закрыла глаза – и тут же почувствовала тепло руки Пребена. Снова открыв глаза, она заставила себя смотреть на затылок Бритты, сидевшей далеко впереди в первом ряду. На голове у той была красивая коса, которую Элин заплела ей утром, а воротничок был белоснежный и туго накрахмаленный. Она кивала, слушая слова Пребена.

Элин велела себе прекратить думать о голосе Пребена и о прикосновении его руки к ее руке. Он – супруг Бритты, а она сидит в храме Божьем и предаётся запретным мыслям... И как только молния не ударит прямо в церковь и не убьет ее на месте в наказание за такое богохульство? Крепко сжав руку Марты, Элин заставила себя вслушаться в слова, доносившиеся с кафедры. Пребен говорил о большой беде, распространявшейся по их лену и всему королевству, о том, как их соотечественники ведут мужественную борьбу с дьяволом, находя его посланников, чтобы предать праведному суду. Паства сидела как замороженная. Наряду с Богом, дьявол был частью их повседневной жизни. Вездесущая темная сила, пытающаяся свить гнездо. Опасность подстерегала везде – в глазах кошки, в морских глубинах, в вороне на дереве... Сатана так же реален, как отец, или брат, или сосед. От того, что его нельзя увидеть невооруженным глазом, он еще опаснее, и надо постоянно беречься самому и оберегать своих близких.

– Пока Бог хранил нас, – говорил Пребен, и его голос красивым эхом отдавался от каменных стен. – Но это лишь временная отсрочка. Сатана может запустить свои когти в детей и женщин и в нашей части страны. Посему прошу вас – будьте бдительны. Признаки всегда есть. Смотрите на вашу жену, дочь, служанку, соседку, тещу или сестру глазами Божьими. Чем раньше мы обнаружим среди нас этих дьяволовых невест, тем скорее дадим отпор, помешав сатане угнездиться среди нас.

Все кивали с горящими от возбуждения щеками. Дети хихикали, однако их толкали локтем или давали затрещину, так что они замолкали.

Остаток службы прошел слишком уж быстро. Это был долгожданный перерыв в повседневных делах, минута отдохновения, время для души...

Поднявшись, Элин крепко взяла за руку Марту, чтобы та не потерялась в толпе, устремившейся к выходу. Когда они вышли наружу, поежилась от холода.

– Тьфу на тебя! – услышала она за спиной.

Элин с удивлением обернулась, но, увидев, кто это ругается, опустила глаза. Это была Эбба из Мёрхульты, вдова Клаэса, погибшего вместе с Пером и другими на рыболовной шхуне. Отчасти из-за Эббы Элин не могла оставаться во Фьельбаке и вынуждена была согласиться на предложение Бритты. Ненависть Эббы не знала границ – она обвиняла во всем случившемся Элин. И та понимала почему, хотя слова, которые Элин выкрикнула в то трижды проклятое утро Перу, ни на что не могли повлиять. Не ее слова утопили Пера и его людей, а внезапно налетевший шторм.

После смерти Клаэса дела у Эббы пошли совсем плохо, и она обвиняла Элин во всех своих несчастьях.

– Эбба, не здесь, не на святой церковной земле, – пыталась урезонить ее Хельга Клиппаре и потянула младшую сестру за руку.

Бросив на нее благодарный взгляд, Элин поспешила дальше, уводя Марту, пока все сказанное не превратилось в целый спектакль. Многие смотрели ей вслед, и она знала, что среди них есть те, кто стоит на стороне Эббы. Но Хельга всегда была добра и справедлива. К тому же именно она помогла Марте появиться на свет тем утром восемь лет назад, да и не было в их местах ни одного ребенка, родившегося на свет без присмотра Хельги. К тому же ходили слухи, что она помогала бедным девушкам, попавшим в беду, но в этом Элин отнюдь не была уверена.

Тяжелыми шагами возвращалась она в пасторскую усадьбу. Просветленное состояние словно рукой сняло, и воспоминания о том роковом дне заставляли ее едва волочить ноги всю дорогу до дома. Обычно она старалась не думать об этом – случившееся не воротишь, и даже сам Бог ничего не смог бы изменить. А Пер отчасти был сам виноват – его сгубила гордыня, о чем она предупреждала его с тех самых пор, как согласилась стать его женой. Но он не послушался. И вот теперь он и другие лежат на морском дне добычей для хищных рыб, а она и дочь бредут домой к сестре, как бедные родственники. Весь остаток жизни Элин будет страдать, оттого что сказала вслед мужу злые слова в последний раз, когда видела его. Слова, которые Эбба и бог знает сколько еще жителей Фьельбаки вменяли ей в вину.

* * *

Все началось с бочки соли. Вышел указ о том, что вся торговля будет теперь идти через Гётеборг, и во всем Бухюслене был наложен запрет на торговлю с Норвегией и другими странами, с которыми раньше поддерживались связи. Люди обнищали еще больше, и велико было недовольство властью, так легко принявшей решение,

от которого со стола пропала еда. Не всем понравилось это решение, и береговые стражники рыскали повсюду, накладывая запрет на то, что не прошло таможду. Элин много раз умоляла Пера следовать указам – их нарушение грозило бедой. И тот кивал, заверяя ее, что согласен с ней.

Поэтому, когда береговой стражник Хенрик Мейер постучал в дверь в тот сентябрьский вечер, она без всякой тревоги впустила его в дом. Но, едва взглянув на Пера, сидящего за кухонным столом, поняла, что это была роковая ошибка. Немного времени понадобилось инспектору Мейеру, чтобы обнаружить бочку соли, не прошедшую таможду, в самом дальнем углу рыбацкого сарая. Элин прекрасно знала, что это означает, и сжала кулаки в карманах. Сколько раз призывала она Пера не делать глупостей! И все же он не удержался... Пропадать теперь ради бочки соли.

Мужа она знала слишком хорошо. Его непокорный взгляд, в котором светилась гордость, заставлявшая его расправлять плечи и затмевавшая собой бедность... Уже одно то, что Пер стал ухаживать за ней, показывало, что он обладал мужеством, которого многим не доставало. Не мог же он знать, что отец мало заботился о ее судьбе; в его глазах она была дочерью богача, недоступной для него. Но то же мужество, та же гордость и сила теперь навлекли на них всех гибель.

В тот день в их хижине инспектор заявил, что в качестве штрафа отберет у них лодку. Он дает Перу всего три дня, а потом у него отберут лодку, за которую он боролся много лет, с великим трудом наскреб денег, чтобы выкупить ее в те времена, когда улов был небогат и голод все время маячил за дверью. У него было что-то свое – и всем этим он готов был рискнуть ради бочки соли, незаконно привезенной им из Норвегии.

Элин была в гневе. Никогда еще она так не злилась. Ей хотелось ударить мужа, выцарапать его зеленые глаза и вырвать светлые волосы. Из-за его трижды проклятой гордыни они лишатся всего. Как им теперь прокормиться? Она бралась за всякую работу, однако

не много риксдалеров приносила в семейную кассу, а Перу нелегко будет устроиться на чужую шхуну – теперь, когда торговать заграничными товарами стало запрещено. А с рыбным промыслом дела идут и вовсе плохо.

Всю ночь она пролежала без сна. Потом соседка рассказала, что ветер сдул Хенрика Мейера с лошади, когда он ехал от них домой, так что инспектор оказался в канаве. Так ему и надо. Ни капли сочувствия не выказал он, отнимая у них то, на чем держалась вся их жизнь. Лишившись лодки, они лишились всего.

Под утро Пер попытался положить руку ей на плечо, но Элин стряхнула с себя его ладонь и повернулась к нему спиной. Уткнувшись лицом в стенку, она плакала горькими слезами. От злости. От страха. За стенами их рыбацкой хижины крепчал ветер, и когда на рассвете Пер поднялся, она села в постели и спросила, куда он собирается.

– В море, – ответил муж, натягивая рубаху и штаны.

Элин уставилась на него. Слышалось лишь сладкое сопение Марты на кухонной лавке.

– В такую погоду? Да ты совсем спятил!

– Раз через три дня у меня отнимут судно, мы должны успеть сделать все, что только возможно, – ответил он, надевая плащ.

Поспешно одевшись, Элин выбежала за ним. Пер даже не потрудился поесть – так торопился выйти в море в непогоду, словно сам дьявол гнался за ним.

– Никуда ты сегодня не пойдешь! – крикнула она навстречу ветру, заметив краем глаза, как из соседних домишек выглядывают любопытные.

Вышел из дома и муж Эббы из Мёрхульта, Клаэс, за которым следовала столь же разъяренная жена.

– Навлечете на себя беду, если выйдете в море в такую непогоду! – крикнула Эбба срывающимся голосом, хватая Клаэса за куртку.

Тот вырвался и прошипел:

– Если ты хочешь, чтобы у детей была еда, то у нас нет выбора.

Пер кивнул Клаэсу, и они направились к тому месту, где была привязана шхуна. Элин смотрела ему в спину, и страх вонзился в ее сердце острыми когтями, так что она едва могла дышать. Набрав в легкие воздуха, она крикнула во весь голос, стараясь перекричать вой ветра:

– Ну что ж, Пер Брюнгельссон, пусть тогда море заберет тебя и твою шхуну, потому что мне вы больше не нужны!

Уголком глаза Элин увидела полный ужаса взгляд Эббы, когда, развернувшись, бросилась в дом, так что юбки развевались вокруг ног. Кинувшись на кровать и разрыдавшись, она и подозревать не могла, что эти слова будут преследовать ее до самой смерти.

* * *

Джесси вертелась в своей постели. Мама уехала на съемки еще около шести утра, и дочь наслаждалась тем, что весь дом теперь в ее распоряжении. Потянувшись, она положила руку на живот и втянула его, насколько смогла. Живот стал восхитительно плоским. Не толстым и отвислым, как обычно, а упругим и плоским. Как у Венделы.

Однако в конце концов Джесси не могла больше задерживать дыхание, и живот вывалился вперед. Она с отвращением убрала руку. Свой живот Джесси ненавидела. Так же, как и все остальное свое тело. Все в своей жизни. Единственное, что она не могла ненавидеть, – это Сэм. Вкус его поцелуя она по-прежнему ощущала на губах.

Перекинув ноги через край кровати, Джесси поднялась во весь рост. Прямо за домом плескалась вода, и девушка отдернула штору. Сегодня опять яркий солнечный день. Она надеялась, что Сэм захочет и сегодня поехать покататься на лодке. Несмотря на то, что он показал ей на видео.

Таких ребят, как Нильс, Бассе и Вендела, Джесси не раз встречала в своей жизни – в разных школах, в разных странах, на разных континентах. Она прекрасно знала, чего им надо. И на что они способны.

Но по каким-то причинам они не захотели проделать это с ней.

Джесси всегда чувствовала, когда новость о том, кто ее мама, начинала распространяться в очередной школе. Поначалу – улыбочки, гордость за то, что дочь кинозвезды учится в их школе. Но потом наступал второй момент, когда кто-нибудь, «погуглив», узнавал, кто на самом деле ее мать. Убийца, ставшая актрисой. Тут на нее начинали коситься, шептаться за спиной. Никогда ей не стать одной из популярных девчонок. Из-за внешности – и из-за того, кто она такая.

Мама ее не понимала, считая, что всякое внимание идет лишь на пользу. Как бы плохо ни было в школе, Джесси приходилось учиться там, пока маме не подвернется очередной кинопроект в другом месте.

У Сэма была та же история. То, что натворили их мамы тридцать лет назад, нависало над ними, словно черная туча.

Выйдя на кухню, Джесси открыла холодильник. Как всегда – никакой еды, только множество бутылок шампанского. Еда для мамы никогда не была приоритетом, вообще ее не интересовала – она была слишком озабочена тем, чтобы сохранить свое тело. Джесси приходилось жить на те щедрые карманные деньги, которые мама ей выделяла. По большей части они уходили на фастфуд и сладости.

Проведя рукой по бутылкам, Джесси почувствовала под кончиками пальцев холодное стекло. Затем осторожно достала одну бутылку, которая показалась ей неожиданно тяжелой. Поставила ее на мраморную столешницу. Шампанское она никогда не пробовала, но мама... Мария пила его все время.

Оторвав фольгу, Джесси уставилась на стальную проволоку, намотанную вокруг пробки, потом осторожно размотала ее. Легко потянула за пробку, но хорошо знакомый хлопок не последовал –

пробка сидела как влитая. Джесси огляделась. Точно, Мария обычно обматывала пробку полотенцем, когда открывала бутылку. Джеси взяла одно из белых кухонных полотенец, потянула за пробку, одновременно поворачивая ее. Наконец пробка подалась. Когда Джесси потянула еще чуть-чуть, раздался внезапный хлопок, и пробка вылетела из горлышка.

Из бутылки полилась пена. Джесси отскочила назад, чтобы ее не облило шампанским. На столешнице стоял стакан. Она поспешно налила в него немного пенистого напитка. Попробовала маленький глоток – и сморщилась. Вкус отвратительный. Но Мария обычно добавляла сок – так наверняка вкуснее. К тому же она пила из бокалов для шампанского. Джесси достала из шкафа высокий тонкий фужер, а из холодильника – одинокий пакет с соком. Сколько нужно добавить сока, она понятия не имела, однако наугад заполнила бокал на две трети шампанским, а потом добавила персикового сока. Напиток стал переливаться через край, и Джесси поспешно отпила глоток. Так-то лучше. Теперь даже вкусно.

Поставив открытую бутылку в холодильник вместе с соком, она взяла свой бокал и вышла на мостки, начинавшиеся прямо у фасада дома. Можно делать что захочется – мама пробудет на съемках весь день.

Джесси потянулась за телефоном. Может быть, Сэм захочет прийти и выпить с ней шампанского?

* * *

– Тук-тук! Можно войти? – крикнула Эрика через раскрытую дверь, обрамленную огромными кустами розового шиповника. Цветы пахли восхитительно, и она потратила несколько минут на то, чтобы насладиться ими.

– Войдите! – раздался высокий голос из глубины дома, и Эрика, скинув туфли в прихожей, вошла в дом.

– Боже мой, неужели это ты? – воскликнула дама лет шестидесяти, вышедшая ей навстречу с кухонным полотенцем в одной руке и тарелкой в другой.

Эрике до сих пор казалось странным, когда люди, с которыми она не была знакома, узнавали ее. Однако после успеха своих книг Эрика Фальк стала своего рода знаменитостью – порой случалось даже, что кто-то останавливал ее, прося сфотографироваться с ней или дать автограф.

– Добрый день, да, меня зовут Эрика, – проговорила она, протягивая руку.

– Виола, – представилась дама, широко улыбаясь. Вокруг глаз у нее была сеточка тонких морщин, свидетельствовавших о том, что улыбалась она много и часто.

– У вас найдется для меня несколько минут? – спросила Эрика. – Я пишу книгу об одном деле, которое вел ваш отец, а поскольку его уже нет в живых...

– ...то ты решила спросить меня, что известно мне, – подхватила Виола и снова улыбнулась. – Заходи, я только что наварила целый кофейник кофе. Думаю, я догадываюсь, о каком деле ты хотела бы поговорить.

Виола пошла впереди нее. Кухня, светлая и просторная, располагалась рядом с прихожей. Единственными яркими пятнами в ней были акварели на стенах. Эрика остановилась перед одной картиной, восхищенно рассматривая ее. В искусстве она не особо разбиралась, но, взглянув на картину, сразу почувствовала – та написана рукой опытного художника.

– Какие прекрасные картины! – воскликнула Эрика, разглядывая их одну за другой.

– Спасибо, – проговорила Виола, краснея. – Все они написаны мною. Долгое время это было своего рода хобби, но потом я стала выставляться, и... оказалось, что они даже продаются. В пятницу у меня будет вернисаж в Городском отеле – приходи, если хочешь.

– Вполне возможно. Понимаю, что они пользуются успехом, – они просто великолепны, – сказала Эрика и уселась за большой кухонный стол возле гигантского старинного окна с мелкой расстекловкой.

Она обожала старинные окна. Неровности стекла делали их куда более живыми, чем новые, современные окна, изготовленные на фабрике.

– Молоко? – спросила Виола, и Эрика кивнула.

– Да, самую малость.

Хозяйка взяла блюдо с бисквитом, стоявшее на столешнице, и отрезала два больших куска. Эрика почувствовала, как потекли слюнки.

– Видимо, тебя интересует следствие по делу об убийстве маленькой Стеллы, – сказала Виола, садясь напротив нее.

– Да, я намерена написать книгу о деле Стеллы, и ваш отец Лейф – важное звено.

– Прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как папа ушел от нас. Да, ты, наверное, знаешь – он покончил с собой. Для нас это был ужасный шок – хотя на самом деле мы должны были догадаться, что все к тому идет. С тех пор как мама умерла от рака легких, папа находился в глубокой депрессии. И все еще усугубилось, когда он вышел на пенсию. Папа говорил, что ему больше незачем жить. Но я помню, что он до самой смерти часто вспоминал об этом деле.

– Вы помните, что именно он говорил?

Эрика ощутила желание зажмуриться, откусывая большой кусок бисквита. Масло и сахар таяли во рту.

– Это было так давно... Сейчас я уже не помню деталей. Может быть, что-нибудь всплывет, если я подумаю. Но главное – помню, что его это очень мучило. Он начал сомневаться.

– Сомневаться в чем?

– В том, что девочки действительно виновны.

Впервые Эрика услышала нечто подобное. От слов Виолы в животе у нее забегали мурашки. После стольких лет жизни с

полицейским она знала, что первое чувство нередко самое верное. Если Лейф засомневался в виновности девочек, значит, на то были причины.

– Он говорил, почему сомневается?

Виола, держа чашку с кофе обеими руками, поглаживала пальцами рифленую поверхность.

– Нет, – задумчиво произнесла она. – Ничего конкретного он никогда не говорил. Однако ему явно не стало легче от того, что девочки взяли назад свои признания и потом все эти годы твердили, что невиновны.

– Однако им никто не поверил, – ответила Эрика, вспоминая все статьи, которые читала об этом деле, все разговоры, которые слышала от местных жителей, когда речь в очередной раз заходила об этом деле.

Все были единодушны в том, что Стеллу, вне всяких сомнений, убили девочки.

– Незадолго до смерти папа говорил о том, что надо бы снова поднять это дело. Но потом наложил на себя руки, так и не успев этого сделать. Кроме того, он уже вышел на пенсию, так что ему пришлось бы сперва уговорить нового начальника полицейского участка. Да и не думаю, чтобы ему этого сильно хотелось. Дело раскрыто, вопрос о виновности решен, хотя суд не состоялся, так как девочки были еще слишком юны.

– Даже не знаю, слышали ли вы... – проговорила Эрика, покосившись на свой телефон. По-прежнему никаких сообщений от Патрика. – ...О маленькой девочке, которая пропала еще вчера – в худшем случае позавчера вечером – как раз с того хутора, где жила Стелла.

Виола уставилась на нее.

– Что ты говоришь?.. Нет, не слышала. Я сидела взаперти в своей студии, работая над картинами к вернисажу. Что же произошло?

– Они пока не знают. Со вчерашнего дня прочесывают лес. Мой муж – полицейский, так что он тоже участвует в поисках.

– Что же это такое? Как же так?

Похоже, Виола не находила слов. Наверняка ее одолевали те же мысли, с которыми боролась накануне Эрика.

– Да, очень странное совпадение, – сказала та. – Слишком странное. Девочка была ровесница Стеллы. Четыре года.

– О боже! – воскликнула Виола. – Может быть, она просто заблудилась? Ведь этот хутор расположен на отшибе.

– Да, ясное дело. Мы все на это надеемся.

Однако Эрика видела, что Виола не верит ее словам – как и она сама в это не верила.

– Ваш отец делал какие-нибудь записи по поводу этого дела? Могли у него дома сохраниться материалы следствия?

– Насколько мне известно, нет, – ответила Виола. – После смерти отца его имуществом занимались я и мои два брата, но не помню, чтобы я видела там что-нибудь такое. Могу спросить у своих братьев, но мне кажется, там не было ни блокнотов с записями, ни папок с материалами. А если они там и были, – боюсь, мы их выбросили. Мы не сентиментальны и не очень-то любим хранить старые вещи; считаем, что память хранится тут.

Она приложила руку к сердцу.

Эрика понимала, что она имеет в виду, – ей хотелось бы быть такой же. Однако очень тяжело расставаться с предметами, имеющими эмоциональную ценность. Патрик иногда шутил, что женат на хомяке.

– Пожалуйста, спросите их. И возьмите мой номер телефона – на случай, если вы, вопреки ожиданиям, что-нибудь обнаружите. Или если вспомните что-нибудь, что папа говорил об этом деле. Это может быть все что угодно. Позвоните, даже если это покажется вам мелочью. Никогда не знаешь, к чему это может потом привести.

Эрика достала из сумочки визитную карточку и протянула Виоле, которая несколько мгновений разглядывала ее, а потом положила перед собой на стол.

– Ужасная история с девочкой. Надеюсь, они найдут ее.

– Я тоже надеюсь, – ответила Эрика, вновь покосившись на телефон.

Однако вестей от Патрика по-прежнему не было.

– Спасибо, – сказала она и поднялась, собираясь уходить. – Если успею, обязательно зайду в пятницу. Картины очень хороши!

– Тогда до встречи на вернисаже, – проговорила Виола, снова покраснев от похвалы.

Когда Эрика шла к машине, ноздри все еще ощущали аромат шиповника. А в ушах звучали слова Виолы. Лейф начал сомневаться в виновности Марии и Хелены...

* * *

Ожидание казалось невыносимо долгим, но через час после звонка Мелльберга в лесу показались наконец Турбьёрн Рюд и его группа экспертов-криминалистов из Уддеваллы. Они обменялись рукопожатиями, и Патрик сделал жест рукой в сторону ствола дерева за ограждением.

– Ах ты черт, – мрачно сказал Турбьёрн, и Хедстрём кивнул.

Он понимал, что в своей работе эксперты видят всякое и рано или поздно в них неизбежно развивается профессиональная черствость. Но мертвые дети всегда задевают за живое. Контраст между жизненной силой в маленьком ребенке и необратимостью смерти всегда казался ему ударом в солнечное сплетение.

– Она там? – спросил Турбьёрн.

Патрик кивнул.

– Под стволом. Я сам не смотрел – хотел дождаться вас, чтобы не натоптать. Но, по словам тех, кто ее нашел, под стволом образовалась пустота, и ее засунули туда. Поэтому мы обнаружили ее лишь сейчас, хотя уже не раз обыскивали это место.

– Кто ее нашел – они? – Турбьёрн указал на Харальда, Юханнеса и Карима, стоявших чуть поодаль.

– Да. Я попросил их подождать здесь, чтобы вы могли сделать все необходимое и убедиться, что на месте обнаружения тела нет ничего от них. Подозреваю, вы захотите сфотографировать их обувь, чтобы видеть, где их следы.

– Точно, – сказал Турбьёрн и дал инструкции двум специалистам, приехавшим вместе с ним. Затем надел защитный костюм и бахилы на ноги, дав набор защитной одежды и Патрику.

– Пошли, – сказал он, когда оба были готовы.

Хедстрём сделал глубокий вдох и отправился вслед за Турбьёрном к дереву. Он мысленно готовился к этому зрелищу, однако все равно был так потрясен, что пошатнулся. Первое, что он увидел, – маленькую детскую ручку. Голенькая девочка действительно лежала в пустом пространстве под деревом, скрючившись, словно в позе зародыша. Лицо было повернуто к ним, но частично скрыто рукой, почерневшей от земли. В светлых волосах застряли земля и листья, и Патрик подавил в себе первое желание подойти и отряхнуть ее. Кто мог так поступить с маленьким ребенком? Кем надо быть, чтобы сделать такое? Гнев разлился по его жилам, придав сил сделать то, что он должен был сделать, помогая ему сохранять сдержанность и профессионализм. Он должен держаться – ради девочки и ее родителей. Эмоции пока придется отложить в сторону. После стольких лет работы с Турбьёрном Патрик был уверен, что в душе коллеги происходит то же самое.

Присев на корточки, они внимательно осмотрели все детали. В том положении, в котором находилась девочка, констатировать причину смерти не представлялось возможным – это будет следующим шагом. Сейчас надо было найти улики, которые мог оставить преступник.

– Я отойду в сторонку, чтобы не мешать вам работать, – сказал Патрик. – Скажите мне, когда будете вынимать ее из ямы. Я бы хотел присутствовать.

Турбьёрн кивнул, и эксперты занялись своим трудоемким делом – поиском следов вокруг дерева. Эту работу нельзя было ускорить.

Каждую волосинку, окурок, кусочек пластика – все, что будет найдено вокруг девочки – они сфотографируют, сложат в пакетики и промаркируют. Со всех следов в мягкой земле будут сняты отливки – это делается путем заполнения углублений вязкой массой. Когда масса застынет, эксперты смогут взять с собой весь след для сравнения – и как улику против преступника. Дело продвигалось медленно, однако после стольких дел об убийствах Патрик научился сдерживать свое нетерпение, давая время Турбьёрну и его команде. Потом все это окажется на пользу. Если сейчас что-то упустить, то шанса исправить это потом уже не будет.

Выйдя из огороженной зоны, он встал в стороне. Сейчас у него не было сил ни с кем разговаривать; нужно было сосредоточиться на том, что предстоит сделать. Первые двадцать четыре часа обычно решают успех следствия. Свидетели забывают, улики исчезают, да и преступник успевает замести за собой следы. За сутки многое может произойти, так что необходимо с самого начала верно расставить приоритеты. В теории, этим должен был бы заниматься Мелльберг, как начальник полицейского участка, но на практике вся ответственность ложилась на Патрика.

Он достал телефон, чтобы сообщить Эрике, что задерживается. Внезапно до него дошло, что она ждет от него вестей. На нее он полагался и знал, что жена ничего никому не расскажет без его сигнала. Однако приема не было, так что Патрик снова положил телефон в карман. Придется позвонить позднее.

На том месте, где он стоял, было жарко, так что Хедстрём закрыл глаза и подставил лицо солнцу. Звуки леса смешивались с бормотанием экспертов. Патрик подумал о Йосте. Интересно, как у него дела? Патрик был благодарен, что не ему выпало вести разговор с родителями Неи.

На руку ему сел комар, однако он не стал убивать его, как обычно делал, а просто прогнал. Достаточно на сегодня смертей.

* * *

Все это казалось совершенно сюрреалистичным. Вот он стоит посреди шведского леса с людьми, которых никогда не встречал раньше...

Не впервые Кариму довелось видеть труп. Когда он сидел в тюрьме в Дамаске, мертвое тело выволакивали из камеры прямо у него перед глазами. А во время переезда через Средиземное море он видел тела детей, плывшие рядом с лодкой.

Но здесь все было по-другому. Карим приехал в Швецию, потому что в этой стране не убивали детей. И тем не менее в нескольких метрах от него лежала мертвая девочка.

Карим почувствовал, как кто-то положил ладонь ему на руку. Это был тот пожилой мужчина, Харальд, говоривший по-английски с таким шведским акцентом, что Карим едва понимал его. Но ему нравился Харальд. Они пытались беседовать, чтобы скоротать время. Там, где слов не хватало, прибегали к жестам и мимике. А молодой парень, Юханнес, помогал пожилому, подсказывая слова, когда тот не сразу их вспоминал.

Внезапно Карим обнаружил, что впервые с тех пор, как приехал в Швецию, рассказывает о своей семье и своей стране. Он слышал тоску в своем голосе, говоря о городе, который покинул, чтобы никогда туда больше не возвращаться. Но понимал, что создает неверную картину. Он тосковал по тому, что никак не было связано с террором.

Впрочем, какой швед может понять, что такое постоянно оглядываться через плечо, чувствовать, что тебя в любой момент могут предать – друг, сосед, даже член твоей семьи? У правительства везде свои соглядатаи. Каждый боялся за себя и своих, каждый был готов на все, чтобы спасти свою шкуру. Все кого-то потеряли. Все видели смерть близких – и это означало, что ты сделаешь все, чтобы

этого не повторилось. Как журналист, он был в особенно опасном положении.

– *You okay?* – спросил Харальд, не снимая руки с его плеча.

Карим понял, что его мысли отразились на лице. Должно быть, он расслабился, показал всю тоску и фрустрацию, накопившуюся в душе, и теперь чувствовал себя застигнутым врасплох. Он улыбнулся и закрыл дверь к воспоминаниям.

– *I'm okay. I'm thinking about the girl's parents*^[17], – проговорил он и на мгновение увидел перед собой лица своих детей.

Амина наверняка тревожится, а ее тревога, как обычно, передается детям. Но в том месте, где они находились, приема не было, так что он никак не мог с ней связаться. Амина наверняка рассердится на него, когда он вернется. Она всегда сердится, когда волнуется. Но это не страшно. Амина особенно красивая, когда сердится.

– *Poor people*^[18], – вздохнул Харальд, и в его глазах блеснули слезы.

В стороне, рядом с телом девочки, работали мужчины в белых пластиковых комбинезонах. Они сфотографировали ботинки Карима – как и ботинки Харальда и Юханнеса. Затем приложили кусочки скотча к их одежде и аккуратно сложили в пакетики, которые потом закрыли и надписали. Карим догадался, что они делают, хотя никогда такого раньше не видел. Эксперты хотели исключить те следы, которые он и другие оставили вокруг того места, где лежала девочка.

Юханнес сказал что-то пожилому по-шведски, и тот кивнул. Юханнес перевел Кариму:

– Мы подумали – может быть, спросить полицейских, можем ли мы уже идти. Похоже, с нами они уже закончили.

Карим кивнул. Ему хотелось скорее уйти от этого места, где лежала мертвая девочка. Ее светлые волосы, маленькая рука, скрывавшая лицо. Тельце, засунутое в яму в земле в позе зародыша.

Харальд подошел к полицейскому, стоявшему по другую сторону от ограждения, и заговорил с ним. Они негромко что-то обсудили, и Карим увидел, как полицейский кивнул.

– Мы можем идти, – сказал Харальд по-английски, снова вернувшись к ним.

Теперь, когда напряжение начало спадать, дрожь пошла по всему его телу. Карим хотел поскорее попасть домой. К своим детям. К сверкающим от гнева глазам Амины.

* * *

Санна закрыла глаза, когда Вендела прогрохотала вверх по лестнице. Сегодня голова у нее буквально раскалывалась, и она невольно вздрогнула, когда дверь на втором этаже захлопнулась. Санна буквально видела перед собой, как дерево пошло трещинами.

Всего-то навсего предложила дочери пойти с ней в магазин! Вендела и раньше не очень-то любила бывать там, но теперь восприняла это как наказание. Санна знала, что ей следовало бы начать спорить с Венделой, однако сил не было. Казалось, все силы утекли из нее, когда она услышала об исчезновении Неи.

Наверху включилась музыка, загрохотали басы. Санна задумалась – как дочь собирается провести день? Сейчас она по большей части болтается с этими двумя парнями – далеко не лучшая компания. Пятнадцатилетняя девочка и двое парней того же возраста – это лишь новые проблемы.

Санна прибралась после завтрака. Вендела съела только яйцо. В булке, которую она каждый день ела на завтрак с самого детства, теперь оказалось слишком много сахара. Санна поджарила в тостере кусок хлеба для тостов и положила сверху толстый слой апельсинового джема. Она уже настолько опаздывает, что пять минут туда или сюда ничего не изменят.

В каком-то смысле ей даже на руку, что у Венделы сегодня приступ упрямства.

Санна не могла думать о Нее. И не могла думать о Стелле. Но сейчас в тишине кухни все мысли нахлынули разом. Тот день она помнила до мельчайших подробностей. Как она радовалась поездке в Уддеваллу, чтобы купить обновки к школе! Как ее разрывали противоречивые чувства между радостью от поездки и завистью к Стелле, которая осталась с двумя крутыми старшими девчонками. Однако зависть была забыта, едва они попрощались и мама направила большую машину «Вольво» в сторону города.

На обратном пути Санна постоянно оглядывалась на заднее сиденье, где лежали пакеты с вещами. Такие красивые вещи! Она так радовалась, что едва могла усидеть спокойно. Мама со смехом делала ей замечания.

Это был последний раз, когда она видела свою маму смеющейся.

Санна отложила бутерброд с джемом на стол. Ей вспомнилось, как они вышли из машины, – потерянный взгляд папы, когда он вышел им навстречу...

Тошнота накатила, словно шок. Санна кинулась в туалет и едва успела поднять крышку. Вскоре в унитазе плавали кусочки апельсинового джема, и Санна почувствовала, как все перевернулось в животе.

Потом она, вся дрожа, опустилась на холодный пол. Со второго этажа гремела музыка.

* * *

Что-то грохнуло о мишень, прибитую к дереву на опушке леса за их задним двором.

– Хорошо, Сэм, – кратко сказал Джеймс.

Сэм постарался сдержать улыбку. Это единственное, за что отец его хвалил. За то, что он мог вмазать пулю куда захочет. Самое

главное качество в сыне.

– Ты стреляешь все увереннее, – кивнул Джеймс, с довольным видом глядя на него поверх очков в стальной оправе.

Очки были модели «пилот» с зеркальными стеклами. Его отец выглядел как пародия на американского шерифа.

– Давай проверим, сможешь ли ты попасть с более дальнего расстояния, – сказал Джеймс и жестом показал, чтобы Сэм отошел назад. – Рука неподвижна. Выдохни, прежде чем нажать на курок. Сосредоточься.

Джеймс привычно давал инструкции. Много лет он с успехом тренировал шведские элитные подразделения, и Сэм знал, что у отца безупречная репутация. А то, что он бесчувственный чурбан, лишь способствовало его карьере. Впрочем, Сэм с нетерпением ждал, когда же папа снова уедет в долгосрочную командировку за границу.

В те месяцы, когда Джеймс уезжал – нередко в неизвестное место, – они могли дышать полной грудью. И он, и мама ходили легкой походкой, мама часто смеялась, а он радовался этому. Стоило же Джеймсу переступить порог, как ее смех умолкал, и она начинала суетиться еще больше, чем обычно. Еще больше худела. Смотрела затравленным взглядом. Эту маму Сэм ненавидел так же сильно, как любил веселую маму. Он понимал, что несправедлив, однако завести ребенка от этого мужчины – ее выбор. Сэм не хотелось называть его папой. И даже отцом.

Он быстро выстрелил серией. Знал, что попадает в «яблочко».

Джеймс удовлетворенно кивнул.

– Черт подери, будь у тебя характер, из тебя получился бы неплохой солдат, – проговорил он и расхохотался.

Мама вышла на задний двор.

– Я пошла на пробежку! – крикнула она, но ни Джеймс, ни Сэм не ответили.

Сэм считал, что мама уже убежала – обычно она уходила бегать сразу после завтрака, чтобы успеть до жары, – но сегодня она

дотянула почти до десяти часов.

– Отступи еще на пару метров, – сказал Джеймс.

Сэм знал, что попадет в мишень и с такого расстояния. Он тренировался стрелять, отходя куда дальше, пока Джеймс был в отъезде. Но по каким-то причинам ему не хотелось продемонстрировать отцу, насколько хорошо он стреляет. Не хотел доставлять ему этого удовольствия – веры в то, что сын что-то от него унаследовал, что можно бить себя в грудь и гордиться. Это не заслуга Джеймса. Как и ничто другое. Все в жизни Сэма существовало вопреки Джеймсу, а не благодаря ему.

– *Nice!*^[19] – воскликнул его отец, когда он засадил в мишень еще одну серию выстрелов.

Еще одна черта, так раздражавшая Сэма, – то, как часто Джеймс переходил на английский, с выраженным американским акцентом. Никакого американского происхождения у него не было – просто дедушка любил в молодости Джеймса Дина^[20]. Однако Джеймс провел с американцами столько времени, что приобрел их акцент. Каждый раз, когда он сбивался на английский, Сэму становилось мучительно стыдно за него.

– *One more time*^[21], – сказал Джеймс, словно прочтя его мысли и сознательно поступая ему назло.

– *All right*^[22], – ответил Сэм с таким же акцентом, надеясь, что тот не уловил иронию.

Прицелившись в мишень, он выстрелил. Опять в «яблочко».

Бухюслен, 1671 год

– Вчера девчонка опять заходила в большой дом. Элин известно, что я сказала по этому поводу.

Голос Бритты звучал сурово, и Элин склонила голову.

– Я поговорю с ней, – ответила она тихо.

– Есть веские причины, почему у нас отдельный дом для прислуги! Бритта свесила ноги с кровати.

– Сегодня у нас гости, – продолжала она. – Все должно быть безукоризненно. Элин постирала и накрахмалила мое синее платье? То, которое из парчи.

Она засунула ноги в тапочки, стоявшие у кровати. Они были совсем нелишние. Хотя пасторская усадьба – самый роскошный дом, какой только Элин видела в жизни, по полу гуляли сквозняки и зимой бывало очень холодно.

– Все готово, – ответила Элин. – Мы вымели каждый угол дома, а Буэль из Хольта приехала еще вчера и начала готовить еду. На закуску она подаст фаршированные тресковые головы, на горячее – петуха с крыжовником и на сладкое – взбитые сливки с вареньем.

– Вот и славно, – сказала Бритта. – Посланник Харальда Стаке должен быть принят с почестями, соответствующими его положению. Харальд Стаке – губернатор всего Бухюслена, он получил распоряжение от самого короля поговорить с пасторами о той чуме, которая гуляет по стране. Всего несколько дней назад Пребен рассказывал мне, что в Марстранде поймали ведьму. – На щеках у Бритты выступили красные пятна.

Элин кивнула. В народе только и разговоров было, что о недавно назначенной комиссии по ведовству, и теперь ведьм ловили по всему Бухюслену и отдавали под суд. Да, по всей стране им объявлена смертельная война – так говорили. Элин поежилась. Ведьмы и колдуны... Полеты в Блокулу^[23] и сношения с дьяволом... Страшнее ничего и не придумаешь.

– Я слыхала от Иды-Стины, что Элин помогла Свее из Хульта зачать, – сказала Бритта, пока Элин подавала ей одежду. – Что бы Элин ни сделала с ней, я хочу, чтобы Элин помогла и мне таким же образом.

– Я знаю только то, чему научила меня бабушка, – проговорила Элин, зашнуровывая платье у Бритты на спине.

Вопрос ее не удивил. Бритте было уже почти двадцать, и они с Пребеном прожили в браке два года, а ее талия все еще не раздалась.

– Пусть Элин сделает мне то же самое, что сделала Свее. Мне пора подарить Пребену ребенка. Он начал спрашивать меня, когда же я буду уже непорожня ходить.

– Я приготовила Свее отвар трав по бабушкиному рецепту, – ответила Элин и взяла щетку, чтобы расчесать длинные волосы Бритты.

Внешне сестры совсем не походили друг на друга. Элин унаследовала от матери светлые волосы и голубые глаза, в то время как Бритта с ее черными волосами и темно-синими глазами уродилась в ту женщину, что заняла место матери еще до ее смерти. Некоторые в деревне до сих пор поговаривали, что мать Элин Керстин умерла от сердечного горя. Но даже если это и было так, Элин не могла терять времени на размышления об этом. Их отец умер за год до того, и теперь Бритта была единственной, кто стоял между ними и голодной смертью.

– Еще она обучила меня заклинаниям, – осторожно прибавила Элин. – Если Бритта не возражает, я могу сварить отвар и прочесть над ней заклинания. У меня есть все, что нужно, чтобы сварить отвар, – летом я запасла предостаточно трав, чтобы их хватило на всю зиму.

Бритта махнула на нее своей тонкой белой рукой.

– Все что угодно. Я должна родить мужу ребенка, иначе накликаю на нас несчастье.

У Элин на языке крутилось, что для этого неплохо было бы разделить с мужем ложе. Однако она была достаточно мудра, чтобы промолчать. Ей доводилось видеть, какие последствия ждут того, кто пробудит в Бритте гнев. На мгновение она задумалась, как такой добрый человек, как Пребен, мог жениться на такой женщине, как Бритта. Наверняка к этому делу приложил руку отец, мечтавший сделать для дочери выгодную партию.

– С остальным я разберусь сама, – сказала Бритта и поднялась. – У Элин наверняка много дел, которые надо справиться до прихода

посланника Стаке. И пусть поговорит со своим дитятей, а не то я велю розге поговорить с ней.

Элин кивнула, но от слов сестры о том, чтобы побить Марту, кровь в ней закипела. Пока Бритта не поднимала на нее руку, но если такое случится, Элин опасалась, что может натворить такое, за что не сможет потом отвечать. Так что лучше она как можно скорее всерьез поговорит с дочерью, чтобы та больше не ходила в господский дом.

Элин вышла на двор и встревоженно огляделась.

– Марта! – позвала она негромко.

Бритта не любила, когда прислуга шумела. Еще одно, о чем стоит помнить, если не хочешь впасть в немилость.

– Марта! – окликнула Элин чуть громче и двинулась к конюшне.

Самое вероятное место для поисков, хотя и там Марте находиться нельзя. К сожалению, дочь унаследовала от отца не только зеленые глаза, но и упрямство – порой казалось, что у нее в одно ухо влетает, а в другое вылетает.

– Мы тут! – донесся из конюшни знакомый голос.

Пребен. Она замерла на месте.

– Зайди сюда, Элин, – любезно позвал он ее из самого темного угла конюшни.

– Мамочка, иди скорее сюда! – нетерпеливо крикнула Марта.

Элин заколебалась, но потом подтянула юбки, чтобы не запачкаться, и быстрым шагом направилась в ту сторону, откуда доносились голоса.

– Мамочка, смотри! – с восторгом проговорила Марта.

Она сидела в пустом деннике в самом дальнем конце конюшни, держа на руках трех котят. Казалось, им всего несколько дней от роду; они неуклюже вертели головками, а глазки у них еще не раскрылись. Рядом с Мартой сидел Пребен, тоже с котятками на коленях.

– Если не это чудо Господне, то что? – проговорил он, глядя крошечного серого котенка.

Тот жалобно пищал и тыкался головой в рукав его рубашки.

– Мамочка, ну же, погладь вот этого, – сказала Марта, протягивая ей черно-белого малыша с растопыренными в воздухе лапами.

Элин снова заколебалась. Бритта не проявит милости, если застанет ее и Марту здесь. С Пребеном.

– Сядь, Элин. Моя дорогая жена целиком поглощена приготовлениями к визиту высоких гостей. – Пребен чуть заметно улыбнулся.

Еще несколько секунд Элин сомневалась. Но потом не смогла устоять перед беспомощностью крошечного котенка и взяла его на руки. Она уселась на сено, держа крошечное существо в руках.

– Пребен говорит, что я могу выбрать одного – и он будет моим, только моим.

Сияющие глаза Марты смотрели на пастора. Элин неуверенно взглянула на него. Пребен улыбался – улыбка светилась в голубых глазах.

– Ей разрешено будет окрестить его, – сказал он. – Но мы договорились, что это будет тайна, которая останется между нами.

Он приложил палец к губам и посмотрел на девочку. Марта кивнула с самым серьезным видом.

– Обещаю хранить это как самую бесценную тайну, – проговорила она, оглядывая котят. – Я хочу вот этого.

Она погладила по головке крошечного серого зверька. Это был самый маленький из котят, и Элин посмотрела на Пребена, пытаясь незаметно покачать головой. Котенок, кажется, был истощен, и она сильно сомневалась в том, что он выживет. Но Пребен спокойно встретился с ней глазами.

– Марта прекрасно разбирается в кошках, – сказал он. – Я бы тоже выбрал именно этого.

Марта взглянула на пастора взглядом, которого Элин не видела у нее с самых последних дней, предшествовавших роковому дню, и он отдался в сердце болью. Только Перу доставались такие взгляды от Марты. Но было в Пребене что-то такое, что напоминало Пера.

Доброта, угадывавшаяся в глазах, которая успокаивала и вселяла уверенность.

– Ее будут звать Фиалка, – сказала Марта. – Это мой любимый цветок.

– Прекрасный выбор, – кивнул Пребен.

Он снова взглянул на Элин. Оставалось надеяться, что это не кот.

– Марта хочет выучиться читать, – сказал пастор, погладив девочку по светлым волосам. – Мой звонарь учит детей два раза в неделю.

– Даже не знаю, какая ей от этого польза, – проговорила Элин.

Если она чему-то и научилась в жизни, так это тому, что женщине лучше не выделяться. И не иметь больших надежд на будущее. На этом пути ее ждут одни разочарования.

– Она должна уметь читать катехизис, – сказал Пребен, и Элин покраснела.

И вправду, как она могла возражать пастору в таком вопросе? Если он счел уместным и даже благотворным для ее дочери научиться читать, то кто она такая, чтобы спорить?

– Тогда Марта будет с удовольствием и прилежанием посещать уроки, – проговорила Элин и склонила голову.

Сама она так и не научилась читать и выдерживала опросы по катехизису лишь за счет того, что выучила все наизусть.

– Ну что ж, тогда решено, – радостно ответил Пребен и снова погладил Марту по волосам.

Он поднялся, отряхивая с брюк сено. Элин старалась не смотреть на него. Что-то в нем притягивало ее взгляд, и она стыдилась уже самих мыслей о нем. Пребен был мужем ее сестры, ее хозяином и пастором ее прихода. Испытывать к такому мужчине какие-то иные чувства, кроме благодарности и благоговения, было грехом, за который она заслуживала божьей кары.

– Мне следует пойти и помочь Бритте с приготовлениями, пока та совсем не загоняла прислугу, – весело проговорил он и повернулся к

Марте: – Заботься о своей Фиалке. Марта сразу видит, кому нужна рука помощи.

– Спасибо, – вымолвила девочка и посмотрела на Пребена с таким обожанием, что сердце Элин растаяло.

Однако боль осталась. Снова тоска по Перу охватила ее с такой силой, что пришлось отвернуться. Пока удалялись шаги Пребена, Элин заставляла себя не вспоминать. Его нет. С этим ничего нельзя сделать. Остались только они с Мартой. А с нынешнего дня еще и Фиалка.

* * *

– Да, сегодня у нас тяжелый день, – проговорил Патрик, оглядывая конференц-зал.

Никто не ответил, даже не взглянул на него. Хедстрём подозревал, что все, как и он, думают о своих детях. Или внуках.

– Мы с Бертилем вынуждены немедленно отозвать всех из отпуска, – сказал он. – Надеюсь, вы отнесетесь к этому с пониманием.

– Думаю, могу сказать от имени всех, – ответила Паула. – Тебе не удалось бы нас отсюда выгнать, даже если б ты захотел.

– Так я и думал, – проговорил Патрик, ощущая огромную благодарность к собравшимся коллегам. В том числе к Мелльбергу. Даже тот ни на секунду не заколебался.

– Вы сможете решить свои личные вопросы? Я знаю, что у многих есть дети, которые сейчас не ходят в садик... – Он перевел взгляд на Мартина. – Родители Пии забирают к себе Туву, когда я работаю.

Поскольку больше никто ничего не сказал, Патрик счел, что Паула и Анника могут как-то разрешить свою семейную ситуацию. Смерть ребенка все изменила. В таких случаях подается команда «свистать всех наверх» – он знал, что впереди долгие часы работы.

– Йоста, как чувствуют себя родители? – спросил Патрик, прислоняясь к письменному столу рядом с белой доской.

– Ну ожидаемо, – ответил Флюгаре и сморгнул. – Приехал пастор, к тому же я позвонил участковому врачу, так что, когда уходил, обоим дали снотворное, чтобы они могли поспать.

– У них нет родственников, которые могли бы приехать? – спросила Анника, которая тоже явно приняла все очень близко к сердцу.

– Родителей Эвы нет в живых, а родители Пера живут в Испании, но они уже в самолете по пути в Швецию и через несколько часов будут у них.

Анника кивнула.

Патрик знал, что у нее большая семья и она привыкла всегда видеть вокруг себя много народу.

– Что говорит Турбьёрн? Как далеко они продвинулись? – спросил Мартин и потянулся к термосу с кофе, который Анника заполнила перед совещанием.

– Девочку везут в Гётеборг на вскрытие, – тихо ответил Патрик.

Этот образ остался у него на сетчатке. Он присутствовал, когда тело Неи вынимали из-под ствола дерева, и знал, что в ближайшем будущем именно эта картина будет являться ему, едва он прикроет глаза. Крупные животные не могли добраться до нее в яме, но насекомые вывалились в огромных количествах, когда ее вынимали. Картины проносились в быстром темпе. Патрик присутствовал при вскрытиях, и ему было известно, как это делается. Слишком хорошо известно. Он не желал видеть девочку перед собой, обнаженную и беззащитную на холодном металлическом столе. Он не желал знать, где Педерсен будет резать, как будут вынимать ее внутренние органы, как все, что когда-то позволяло ей жить, будет взвешиваться и измеряться с помощью приборов. Он не желал знать, как будут наложены швы на большой разрез в форме буквы Y у нее на груди.

– Как прошел осмотр места происшествия? – спросил Йоста. – Нашли что-нибудь ценное?

Патрик, вздрогнув, попытался отогнать образы Неи, мелькавшие перед глазами.

– Они собрали немало материала, но мы пока не знаем, что из этого окажется ценным.

– А что же они собрали? – с любопытством спросил Мартин.

– Следы ног, но они вполне могли принадлежать тем троим, что обнаружили ее. Кроме того, это место обыскивали несколько раз, так что на всякий случай всех участвовавших в поисках попросят оставить свои отпечатки. Кто-нибудь из вас побывал в этом квадрате? В таком случае нам нужны и ваши следы.

– Нет, никто из нас не был в том квадрате, где нашли девочку, – сказал Йоста и тоже налил себе кофе.

– Отпечатки подошв; что еще? – спросила Паула.

– Точно не могу сказать – видел только, как они что-то поднимали с земли и складывали в пакетики. Хочу дожидаться рапорта Турбьёрна – он обычно не любит давать никакой предварительной информации, пока основательно не проработал материал.

Мелльберг поднялся и отошел к окну.

– Черт, какая тут духота!

Он потянул за воротник рубашки, словно ему не хватало воздуха. В подмышках у него виднелись большие круги пота, а зализанные на сторону волосы упали на одно ухо. Он открыл окно. Шум машин за окнами слегка мешал, но никто не стал протестовать, когда поток свежего воздуха ворвался в душное помещение. Участковый пес Эрнст, до этого лежавший и пыхтевший у ног Мелльберга, поднялся, подошел к окну и поднял морду. Из-за своей огромной массы он очень реагировал на жару; язык его свисал наружу.

– Стало быть, он не упоминал ни о каких находках? – спросила Паула.

Патрик покачал головой.

– Нет, придется подождать, пока мы не получим от Турбьёрна первый рапорт. Потом я хочу узнать у Педерсена, сколько времени ему понадобится, чтобы дать нам результаты вскрытия. К

сожалению, очередь, как мне известно, велика, но я поговорю с ним, спрошу, что он может сделать.

– Ты ведь был там. Неужели ничего не было заметно? По ней...

Задавая этот вопрос, Мартин поморщился.

– Нет, и не вижу никакого смысла строить догадки, пока Педерсен не посмотрел ее.

– С кем нам надлежит побеседовать первым делом? Есть ли явные подозреваемые? – спросил Мартин, постукивая карандашом по столу. – Что мы думаем по поводу родителей? Не раз бывало, что родители убивали своих детей, а потом делали вид, что виноват кто-то другой.

– Нет, я так не думаю, – ответил Йоста и поставил свою чашку на стол с такой силой, что кофе чуть не пролился через край.

Патрик поднял ладонь.

– В нынешней ситуации у нас нет никаких оснований считать, что родители Неи каким-то образом замешаны в убийстве. Но Мартин прав в том смысле, что полностью исключать такую возможность не следует. Мы должны переговорить с ними как можно скорее – во-первых, выяснить, есть ли у них алиби, во-вторых, узнать, располагают ли они какими-либо сведениями, которые могли бы помочь нам продвинуться в нашей работе. Однако я согласен с Йостой – ничто не указывает на то, что это они.

– Поскольку девочка была без одежды, нам следует, наверное, посмотреть, не появились ли в наших местах сексуальные маньяки, интересующиеся детьми, – предложила Паула.

За столом воцарилась тишина. Никто не хотел даже думать о том, что стояло за ее предложением.

– К сожалению, ты права, – произнес Мелльберг через какое-то время. – Но как это осуществимо, по-твоему? – Пот по-прежнему катил с него градом, он пыхтел, как Эрнст. – Сейчас здесь тысячи туристов. Мы никак не сможем выяснить, есть ли среди них педофилы или сексуальные маньяки.

– Верно. Но мы можем взглянуть на те заявления, что поступали в течение лета. Кажется, на прошлой неделе какая-то дама заявила на парня, который втихаря фотографировал детишек на пляже...

– Точно, – кивнул Патрик. – Я лично принимал это заявление. Прекрасная мысль. Анника, ты могла бы просмотреть все заявления такого рода, поступившие с мая месяца? Обрати внимание на все, что может представлять малейший интерес. Тут лучше перестараться, чем что-то пропустить, а мы потом отсеем лишнее. Представь нам выборку.

– Сделаю, – сказала она и записала что-то в блокноте, лежавшем перед ней.

– Мы должны поговорить о том, о чем все думают, но никто не решается сказать, – проговорила Паула и налила себе еще кофе из термоса.

Насос термоса начал шипеть в знак того, что кофе кончается, и Анника поднялась, чтобы подлить еще. Кофе служило тем горючим, на котором они все работали.

– Да, я знаю, о чем ты, – ответил Патрик и поерзал на стуле. – Дело Стеллы. Хелена и Мария.

– Да, – сказал Йоста. – Я работал здесь, в участке, тридцать лет назад, когда все это случилось. К сожалению, деталей я не помню. Много лет прошло, к тому же Лейф сам занимался следствием и допросами, передав мне текущие дела. Но я помню, какой шок пережили все жители поселка, когда Хелена и Мария сперва сказали, что они убили Стеллу, а потом взяли назад свои признания. Мне кажется, не может быть случайным совпадением, что Нея пропала с того же хутора и была обнаружена на том же месте. И что это происходит тогда, когда Мария впервые за тридцать лет вернулась сюда. Трудно представить себе, что это всего лишь случай...

– Согласен, – заявил Мельберг. – Мы должны поговорить с ними обеими. Хотя меня здесь не было, когда все произошло, я, само

собой, много слышал об этом случае, и мне всегда казалось, что это чудовищно – в таком юном возрасте убить ребенка.

– Обе все эти годы утверждали, что невиновны, – напомнила Паула.

Мелльберг фыркнул.

– Да, но поначалу-то они сознались! Лично я никогда не сомневался, что именно эта парочка пристукнула девчонку. И не надо быть Эйнштейном, чтобы сложить два и два, когда такое происходит снова – именно сейчас, когда они впервые за тридцать лет снова сошлись вместе. – Он постучал себя по ноздре.

– Предлагаю не делать поспешных выводов, – сказал Патрик. – Но я согласен, что с ними необходимо поговорить.

– Ясное дело, – продолжал Мелльберг. – Мария возвращается, они с Хеленой снова объединяются, и происходит новое убийство.

Анника вернулась с термосом, наполненным кофе.

– Я что-то пропустила?

– Мы констатировали, что нам необходимо проанализировать возможные черты сходства с делом Стеллы, – сказал Патрик. – А также допросить Хелену и Марию.

– Да уж, дело странное, – проговорила Анника и села.

Патрик перевел взгляд на доску.

– Не будем на этом заикливаться. Однако исключительно важно, чтобы мы досконально изучили дело Стеллы и расследование восемьдесят пятого года. Анника, ты можешь поискать протоколы допросов и прочие материалы дела? Понимаю, что это будет непросто, учитывая, в каком плачевном состоянии наш архив, но все же попытайся.

Анника кивнула и сделала еще одну пометку в своем блокноте.

Некоторое время Патрик сидел молча, размышляя, хорошо ли продумано то, что он собирается сказать. Но если он ничего не скажет сейчас, все равно это каким-либо образом выяснится, и тогда на него будут сердиться, что он скрыл такую важную вещь.

– Что касается дела Стеллы... – начал Патрик и сделал паузу. Потом снова собрался с силами. – Дело в том, что Эрика начала работать над очередной книгой. И... решила написать именно об этом деле.

Мелльберг выпрямился на стуле.

– Тогда придется ей пока подождать, – сказал он. – Хватит уже с нас проблем с твоей женой, которая бегает и повсюду сует свой нос. Это дело полиции, а не гражданских лиц, не имеющих ни соответствующего образования, ни опыта полицейской работы.

Патрик стиснул зубы, чтобы удержаться от комментария, что в последних громких делах Эрика помогала следствию больше, чем сам Мелльберг. Он понимал, что ни к чему унижать его. Веру начальника в свою исключительность все равно ничто не поколеблет, а Патрик с годами научился работать в обход Мелльберга. Кроме того, по опыту он знал, что бессмысленно убеждать Эрику держаться в стороне от дела Стеллы. Если уж она начала что-то распутывать, то не остановится, пока не получит ответа на все свои вопросы. Однако об этом Патрик не собирался распространяться перед данной аудиторией. Правда, ему казалось, что все, кроме Мелльберга, уже давно это прекрасно поняли.

– Разумеется, – сказал он. – Я передам это Эрике. Однако она уже успела собрать сведения, и мне пришла в голову мысль, что мы могли бы использовать ее как дополнительный ресурс – она могла бы помочь нам с некоторыми базовыми фактами. Как вы отнесетесь, если я попрошу ее прийти сюда во второй половине дня и рассказать, что ей известно об этом деле?

– По-моему, прекрасная идея, – сказал Йоста, и все, кроме Мелльберга, закивали.

Почувствовав свое поражение, тот в конце концов пробурчал:

– Ну ладно, пусть приходит.

– Хорошо, я позвоню ей, как только мы закончим совещание, – сказал Патрик. – А ты, Йоста, может быть, дополнишь ее тем, что помнишь?

Флюгаре кивнул и криво улыбнулся, давая понять, что дополнений будет немного.

– Так. Что еще у нас есть в списке дел, за которые мы должны взяться? – спросил Патрик.

– Пресс-конференция, – ответил Мелльберг и сразу приосанился.

Хедстрём поморщился, однако решил не вступать в бой. Пресс-конференцию проведет Мелльберг, а им остается лишь надеяться, что вред от нее будет минимальный.

– Анника, ты можешь назначить пресс-конференцию на вторую половину дня?

– Разумеется, – сказала она и пометила себе. – До или после прихода Эрики?

– Давай до, – сказал Патрик. – Лучше всего в два, а я позабочусь, чтобы Эрика пришла в полчетвертого.

– Тогда зову журналистов на четырнадцать часов. Они мне уже телефон оборвали; как приятно осознавать, что у меня уже есть что им ответить.

– Мы должны отдавать себе отчет, что СМИ раздуют это дело до небес, – сказал Патрик.

Он заерзал на стуле, скрестив ноги и сложив руки на груди. В отличие от Мелльберга, Хедстрём воспринимал интерес со стороны прессы как помеху следствию. В отдельных случаях репортажи в СМИ могли привести к ценным сигналам от общественности, но чаще всего негативные эффекты сильно перевешивали положительные.

– Спокойствие, это я возьму на себя, – ответил Мелльберг, с довольным видом развалившись на стуле.

Эрнст снова устроился на его ступнях, и хотя это было равносильно паре толстых шерстяных носков, Мелльберг не стал его прогонять. Эрика обычно говорила, что за его любовь к большому лохматому псу готова простить Мелльбергу почти все.

– Тщательно взвешивай каждое слово, – сказал ему Патрик, прекрасно зная, что тот имеет обыкновение выражаться, не дав себе

труда задуматься.

– У меня большой опыт работы со средствами массовой информации. Когда я служил в Гётеборге...

– Ну вот и прекрасно, – прервал его Патрик. – Только перед началом проведем небольшое совещание, обсудим, что мы можем рассказать, а о чем пока упоминать не следует. Хорошо?

Мелльберг помрачнел.

– Как я уже сказал, когда я служил в Гётеборге...

– Как разделим прочие обязанности? – спросил Мартин, желая прервать тираду начальника, и Патрик с благодарностью повернулся к нему.

– Я переговорю с Турбьёрном и Педерсеном, постараюсь выяснить, когда ждать от них информации.

– Я могу поговорить с родителями Неи, – сказал Йоста, – но хочу для начала позвонить врачу и узнать, в каком они состоянии.

– Возьмешь с собой кого-нибудь? – спросил Патрик и снова почувствовал, как все внутри сжалось при мысли об Эве и Петере.

– Нет, я справлюсь сам, – заверил Йоста, – так что мы можем использовать людей для чего-то другого.

– Я могу поговорить с девочками, осужденными за убийство Стеллы, – сказала Паула. – Вернее, с женщинами – они ведь уже не девочки...

– Я тоже могу поучаствовать, – сказал Мартин, поднимая руку, как школьник.

– Хорошо, – Патрик кивнул. – Но подождите до прихода Эрики, она даст нам немного исходных данных. Пока же используйте время на то, чтобы опросить соседей, живущих вокруг хутора. Когда живешь на отшибе, обычно замечаешь все необычное, всякое непривычное движение в своей местности... Так что попробовать стоит.

– Хорошо, – Паула кивнула в ответ. – Мы поедем туда и поговорим с ближайшими соседями.

– Я останусь в «лавке», – ответил Патрик. – Телефон звонит непрерывно, к тому же я должен проанализировать состояние следствия перед пресс-конференцией.

– И мне нужно подготовиться, – сказал Мелльберг и проверил, как лежат волосы на его черепе.

– Ну что ж, тогда всем есть чем заняться, – проговорил Патрик, показывая, что совещание окончено.

В маленьком помещении было так жарко и душно, что трудно было дышать. Хедстрём с нетерпением ждал того момента, когда можно будет выйти отсюда – вероятно, и коллеги тоже. Первое, что он сделает, – позвонит Эрике. Уверенности в том, что стоит допускать ее к следствию, у него не было. Но в нынешнем положении выбора не оставалось. Если повезет, у нее найдется информация, которая поможет им задержать убийцу Неи.

* * *

Первый километр всегда давался тяжело, несмотря на то, что она бежит так много лет; потом открывалось второе дыхание. Хелена чувствовала, как тело входит в ритм и дыхание становится ровнее.

Бегать она начала практически сразу же после окончания процесса. В первый раз пробежала полмили^[24], чтобы сбросить с себя стресс. Равномерные толчки ногами по гравию, ветер, трепавший волосы, звуки, доносившиеся со всех сторон, – единственное, что заставляло внутренние голоса смолкнуть.

С каждым разом Хелена бегала все дальше и дальше. С годами ее послужной список составило участие более чем в тридцати марафонах, но только в Швеции. Она мечтала о марафонах в Нью-Йорке, Сиднее и Рио, но ей оставалось радоваться тому, что Джеймс по крайней мере разрешал ей участвовать в шведских.

То, что ей позволялось иметь собственный интерес, тратить два часа времени каждый день на бег, объяснялось исключительно

уважением мужа к дисциплине в спорте. Это было единственное, что он в ней ценил, – способность пробегать милью за милей, силой духа побеждать телесные ограничения. Однако Хелена не могла рассказать ему, что, когда она бежит, все происшедшее в прошлом стирается, отдаляется, теряет четкость очертаний, словно однажды приснившийся сон.

Уголком глаза она увидела дом, стоящий на месте того дома, где выросла Мария. Когда Хелена вернулась во Фьельбаку, новый дом уже стоял на этом месте. Ее родители решили уехать практически сразу после того, как все рухнуло. Харриет не могла выносить разговоров, сплетен, взглядов украдкой и шепота за спиной.

Джеймс и ее отец Карл-Густав частенько встречались, вплоть до его смерти. Иногда они с Сэмом ездили с Джеймсом, когда тот отправлялся в Марстранд, но лишь для того, чтобы Сэм пообщался с бабушкой и дедушкой. Сама Хелена не желала с ними зняться. Ведь они предали ее, когда она в них более всего нуждалась, – этого она не могла им простить.

Ноги начали неметь, и Хелена напомнила себе, что надо подкорректировать беговой шаг. Как и во многом другом, ей пришлось много биться, чтобы выработать правильный шаг. Ничто в этой жизни не давалось ей без усилий...

Нет, она лжет самой себе. До того страшного дня жизнь казалась легкой. Тогда они все еще были семьей. Хелена не помнила никаких проблем, никаких препятствий – лишь светлые летние денечки и запах маминых духов, когда та укладывала ее по вечерам. И любовь. Любовь она ясно помнила.

Хелена прибавила темп, чтобы разогнать мысли. Те самые, которые бег помогал отбросить. Почему они так навязчиво нахлынули сейчас? Неужели у нее будет отнято последнее убежище? Неужели возвращение Марии все испортило?

С каждым вдохом Хелена ощущала, насколько сегодня все по-другому. Дышать становилось все тяжелее. В конце концов ей пришлось остановиться. Ноги онемели, тело было совершенно

измочалено. Впервые оно победило ее волю. Хелена заметила, что ноги подкосились, только когда уже лежала на земле.

* * *

Билл оглядел зал туристического центра «Танум Странд». Здесь собрались всего пять человек. Пять усталых лиц. Он знал, что эти люди всю ночь искали Нею, – об этом они с Гуниллой говорили в машине по дороге сюда, обсуждая, не перенести ли собрание, однако Билл был уверен, что предлагает именно то, что им нужно.

Но что соберется только пять человек – такого он никак не ожидал.

Рольф позаботился о том, чтобы на одном из столов стояли термосы с кофе и бутерброды с сыром и сладким перцем, и Билл уже взял себе и того и другого. Он отхлебнул глоток кофе, и Гунилла, сидевшая рядом с ним, поднесла кружку к губам.

Билл перевел взгляд с усталых лиц на Рольфа, стоявшего у входа в зал.

– Может быть, ты представишь всех присутствующих? – спросил он.

Тот кивнул.

– Это Карим, он приехал сюда с женой и двумя детьми. Раньше работал журналистом в Дамаске. Затем – Аднан и Халил, одному шестнадцать, другому восемнадцать; оба приехали одни и познакомились только тут. И еще Ибрагим, самый старший в этой компании. *How old are you, Ibrahim?*^[25]

Лицо мужчины, сидевшего рядом с Рольфом, украшала большая борода. Он с улыбкой поднял пятерню.

– *Fifty*^[26].

– Точно. Ибрагиму пятьдесят, он привез с собой жену. И, наконец, Фарид, приехавший со своей мамой.

Билл взглянул на крупного мужчину с бритой головой. На вид ему было чуть больше тридцати, и, если судить по его размерам, бóльшую часть времени он проводил за едой. Распределение веса может оказаться непростым делом, когда один из участников весит раза в три больше, чем остальные, но любую проблему можно разрешить, было бы желание. Нужно мыслить позитивно. Если б не позитивное мышление, ему ни за что было бы не выжить, когда он перевернулся у побережья Южной Африки и белые акулы уже начали кружить вокруг него.

– А меня зовут Билл, – произнес он медленно и четко. – Я постараюсь говорить с вами только по-шведски.

Они с Рольфом обсудили и решили, что так будет лучше. Ведь все затевалось ради того, чтобы эти люди выучили язык и скорее интегрировались в общество.

Все, кроме Фариды, вопросительно смотрели на него. Фарид ответил с акцентом, но на хорошем шведском:

– Я единственный, кто понимает шведский хорошо, я здесь давно и много-много занимался. Может быть, для начала я смогу переводить, чтобы ребята поняли?

Билл кивнул. Это разумно. Даже для этнических шведов терминология парусного спорта могла показаться сложноватой. Фарид быстро и бодро произнес по-арабски то, что сказал Билл. Остальные закивали.

– Мы... пытаться... шведски... понимать... и учить, – сказал мужчина по имени Карим.

– Отлично! *Good!* – воскликнул Билл и поднял вверх большой палец. – Вы умеете плавать?

Он сделал руками в воздухе плавательные движения, а Фарид повторил по-арабски. Пятеро снова переговорили между собой, и Карим снова ответил от имени всех.

– Мы умеем... поэтому мы здесь. А так – нет.

– А как вы научились? – спросил Билл с облегчением, но слегка удивленно. – Вы много бывали на побережье?

Фарид быстро перевел – его слова вызвали смех.

– У нас в стране есть бассейны, – сказал он с улыбкой.

– Ясное дело.

Билл чувствовал себя глупо. На Гуниллу, сидевшую рядом, он даже не решался взглянуть, однако услышал ее сдержанное фырканье. Надо было ему больше почитать про Сирию, чтобы не выглядеть идиотом. Во многих частях света ему довелось побывать, но эта страна оставалась для него белым пятном.

Он потянулся за очередной булочкой. На ней был толстый слой масла – как он любил.

Карим поднял руку, и Билл кивнул ему.

– Когда... когда мы начинать?

Он сказал что-то по-арабски, и Фарил перевел:

– Когда мы начнем ходить под парусами?

Билл раскинул руки.

– Время терять нельзя. Регата «Вокруг Даннхольмена» стартует через несколько недель, так что начнем прямо завтра! Рольф подвезет вас во Фьельбаку, ровно в девять приступим. Возьмите теплую одежду – на воде холоднее, чем на берегу, когда дует ветер.

Когда Фарид перевел его слова остальным, те заерзали. Теперь они словно заколебались. Но Билл посмотрел на них с одобрительной улыбкой. Все будет отлично. Никаких проблем. Одни решения.

* * *

– Спасибо, что присмотрела за моими детьми, – сказала Эрика и уселась напротив Анны на недостроенной веранде.

Она с благодарностью согласилась выпить чаю со льдом. Жара стояла невыносимая, а в машине испортился кондиционер, так что Эрику не покидало чувство, будто она сорок дней шла пешком по пустыне. Потянулась за стаканом, который Анна налила из графина,

и залпом опустошила его. Рассмеявшись, Анна налила ей еще – и теперь, утолив самую острую жажду, Эрика могла пить спокойнее.

– Все прошло великолепно, – сказала Анна. – Они вели себя так тихо, что я их почти не замечала.

Ее сестра ухмыльнулась.

– Ты уверена, что говоришь именно о моих детях? Старшая и впрямь девушка серьезная, а вот младших бузотеров я что-то не узнаю в твоём описании.

Эрика несколько не преувеличивала. Когда близнецы были поменьше, они казались очень разными – Антон поспокойнее, более сдержанный и задумчивый, а Ноэль неугомонный и непоседливый, всегда все хватаящий руками. Сейчас же оба вошли в период неиссякаемой энергии, и это высасывало из нее все соки. У Майи такого периода не было, она успешно миновала даже возраст первого упрямства, так что они с Патриком оказались совершенно неподготовленными к такому обороту дела. К тому же в двойном размере. Эрика с удовольствием оставила бы детей у Анны до конца дня, но вид у сестры был усталый, так что она не решилась злоупотреблять ее добротой.

– Ну и как там все у тебя? – спросила Анна и откинулась назад в шезлонге с кричаще яркими подушками.

Всякий раз, когда они сидели на веранде, Анна проклинала эти подушки, но их сшила мама Дана, а она всегда вела себя так мило, что у Анны рука не поднималась заменить их. В этом Эрике повезло больше. Мама Патрика Кристина вовсе не интересовалась рукоделием.

– Не очень, – мрачно ответила Эрика. – Отец Виолы умер много лет назад, и она мало что помнит. Кроме того, почти уверена, что никаких материалов дела не сохранилось. Но она сказала одну интересную вещь – что Лейф под конец жизни начал сомневаться, правильно ли они поступили.

– Ты хочешь сказать – он усомнился в том, что девочки виновны? – переспросила Анна, отгоняя слепня, навязчиво

кружившегося вокруг них.

Эрика бдительно следила за ним. Слепней и ос она ненавидела всей душой.

– Да, Виола говорит, что он не был до конца уверен, особенно в последние годы.

– Но ведь они признались? – уточнила Анна и хлопнула по слепню. Однако тот лишь немного потерял устойчивость – и снова принялся атаковать, едва стабилизировав свое положение в воздухе.

– Проклятье!

Анна встала, схватила журнал, лежавший на столике, скрутила его и треснула по слепню так, что тот размазался по клеенке.

Эрика улыбалась, наблюдая, как ее младшая сестра охотится на слепней. Движения Анны в последние недели стали особенно неуклюжими.

– Смейся, смейся, – обиженно проговорила та, вытирая пот со лба и снова садясь на место. – Так на чем мы остановились?.. Ах да, ведь они признали свою вину?

– Да, они признались, и это их признание легло в основу решения суда. Поскольку обе были так юны, то не получили срока, но сам вопрос вины считался решенным.

– Тогда с какой стати они могут оказаться невиновными, если признались и их сочли виновными? – спросила Анна.

– Понятия не имею. Суд решил, что девочки совершили преступление вместе. Но что касается признания... Им было по тринадцать лет. В такой ситуации нетрудно заставить тринадцатилетнего подростка сказать все что угодно. Думаю, они были очень напуганы. А когда взяли свои признания назад, было уже поздно. Решение суда вынесено, никто им не поверил.

– Подумать только, а если они и вправду невиновны? – проговорила Анна, уставившись на Эрику. – Какая трагедия! Две тринадцатилетние девочки, которым сломали жизнь... Кстати, одна из них по-прежнему живет здесь? Мужественный поступок, должна сказать.

– Да, невероятно, что она решилась вернуться сюда после нескольких лет в Марстранде – можешь себе представить, как тут народ судачил... Но, наверное, когда-то всем надоедает обсуждать что бы то ни было.

– Ты уже с ней встречалась? В связи с книгой?

– Нет, я послала ей несколько сообщений, но ответа так и не получила. Теперь намерена разыскать ее. Посмотрим, как она отнесется к моему визиту.

– Как ты думаешь, на твою работу над книгой повлияет то, что случилось? – тихо проговорила Анна. – Я имею в виду, с девочкой.

Эрика позвонила и рассказала про Нею, как только узнала, что ее нашли. Весть о смерти девочки все равно распространилась бы, как лесной пожар.

– Даже не знаю, – задумчиво проговорила Эрика и налила себе еще ледяного чаю из графина. – Может быть, люди станут более расположены к разговору со мной... Или наоборот. Пока не знаю. Но я замечу, это уж точно.

– А как с Марией? Нашей гламурной голливудской звездой? Думаешь, она согласится на интервью?

– Я веду переговоры с ее агентом уже в течение полугода. Подозреваю, что у нее намечается выход собственной книги, и она точно не знает – то ли моя книга поможет привлечь внимание, то ли отвлечет весь интерес. Впрочем, я разыщу и ее – а там посмотрим.

Анна пробормотала «угу». Эрика знала, что сама мысль о том, чтобы разыскивать незнакомых людей и лезть к ним с разговорами, пугает сестру, как самый кошмарный сон.

– Давай поговорим о чем-нибудь более приятном? – предложила Эрика. – Ведь нам надо устроить девичник для Кристины.

– Ясное дело, без этого никак! – воскликнула Анна и захохотала так, что ее большой живот запрыгал. – Но что делать с невестой, которая слегка... в годах? Продавать поцелуи на перекрестке, вероятно, не совсем уместно – не говоря уже о прыжках с парашютом или с тарзанки...

– Да уж, с трудом представляю Кристину в этой роли... – Эрика вздохнула. – Но мы же можем просто собрать ее подруг и устроить для нее приятный вечер? Ужин в кафе «Брюгган», вкусная еда и хорошее вино – этого вполне достаточно.

– Прекрасная идея, – согласилась Анна. – Однако похищение невесты мы должны устроить.

Эрика кивнула.

– А иначе какой же это девичник? К слову говоря, когда Дан намерен с тобой обручиться?

Анна покраснела.

– Ну ты же видишь, как я выгляжу... Мы решили, что сначала малыш, а потом уж подумаем о свадьбе.

– Так когда же... – начала Эрика, но тут ее прервала мелодия, раздавшаяся из ее сумки.

– Привет, дорогой, – ответила она, увидев имя на дисплее. Слушая Патрика, отвечала отрывистыми фразами. – Разумеется. Да, с детьми придумаю. Увидимся.

Засунув телефон обратно в сумочку, Эрика умоляюще посмотрела на Анну. Круто снова обращаться к сестре с просьбой, но других вариантов не было. Кристина уехала на весь день в Уддеваллу, так что обратиться к ней за помощью Эрика не могла.

– Да-да, я могу взять детей еще на некоторое время. Сколько ты будешь отсутствовать? – смеясь, спросила Анна, видя ее несчастное лицо.

– Могу я снова закинуть их тебе около трех? Патрик попросил меня приехать в участок к половине четвертого и рассказать о деле Стеллы. Это значит, что я вернусь часов в пять – в полшестого. Сможешь меня выручить?

– Всё в порядке, – ответила Анна. – С твоими детками я управляюсь лучше, чем ты сама.

– Да ладно тебе, – рассмеялась Эрика и кинула сестре воздушный поцелуй. Но в одном Анна точно была права – дети вели себя как ангелочки.

* * *

– Как ты думаешь, чего они боятся?

Сэм почувствовал, что язык у него немного заплетается. Шампанское в сочетании с солнцем сильно ударило в голову. Бокал он держал в левой руке – правая затекла и тряслась после утренней тренировки в стрельбе.

– Боятся? – переспросила Джесси, тоже слегка растягивая слова. Еще до его прихода она выпила несколько бокалов – а сейчас они доканчивали вторую бутылку.

– А твоя мама не заметит, что бутылок стало меньше? – спросил Сэм, указывая бокалом на Джесси.

Золотые пузырьки сияли на солнце. Он никогда не задумывался о том, что шампанское – такой красивый напиток. С другой стороны, ему никогда не доводилось видеть его вблизи.

– Да нет, ничего страшного, она не берет это в голову, – ответила Джесси и покачала головой. – Лишь бы ей осталось. – Потянулась за бутылкой. – Почему ты говоришь, что они боятся? Ведь нас-то они не боятся.

– Ясное дело, боятся, – сказал Сэм, протягивая свой бокал.

Шампанское вспенилось и перелилось через край, но он лишь рассмеялся и облизал ладонь.

– Они знают, что мы не такие, как они. Они чувствуют... ощущают в нас мрак.

– Мрак?

Джесси молча смотрела на него. Сэму нравился контраст между ее зелеными глазами и светлыми волосами. Если б она знала, какая она красивая! Сэм видел то, что не могли испортить ни прыщи, ни лишние килограммы. Едва увидев ее у киоска, он узнал в ней себя. Понял, что оба они несут в себе ту же потерянность. Увидел в ней тот же мрак.

– Они знают, что мы ненавидим их. Видят всю ту ненависть, которую создали в нас, но не могут сдержаться и продолжают подливать масла в огонь – создавая то, с чем потом не смогут справиться.

Джесси хихикнула.

– Боже, как торжественно... За нас! Мы сидим на солнышке, на мостках возле роскошной виллы, пьем шампанское, и нам чертовски хорошо.

– Ты права. – Сэм улыбнулся, когда их бокалы со звоном стукнулись друг о друга. – Нам чертовски хорошо.

– Потому что мы того стоим, – проговорила Джесси заплетающимся языком. – Ты и я. Мы этого заслужили. Мы лучше их. Они не стоят пушка у нас в пупке.

Она подняла бокал таким резким движением, что шампанское перелилось через край и вылилось ей на живот.

– Ой! – воскликнула Джесси и захихикала.

Она потянулась за полотенцем, но Сэм остановил ее руку. Огляделся. Мостки были отгорожены забором, а яхты качались на воде где-то далеко. Они одни во всем мире.

Он встал перед ней на колени. Между ее ног. Джесси напряженно следила за его движениями. Медленно и нежно он начал слизывать шампанское с ее живота. Высосал то, что попало ей в пупок, а затем стал водить языком по ее теплой от солнца коже со вкусом шампанского и пота. Подняв голову, посмотрел ей в глаза долгим взглядом. Не сводя с нее глаз, взялся за бока ее трусиков-бикини и медленно потянул их вниз. Лаская ее, он почувствовал, как ее тяжелое дыхание смешивается с криками чаек в вышине. Они были одни. На всем свете.

Дело Стеллы

Лейф Херманссон сделал глубокий вдох, прежде чем войти в маленький зал для совещаний. Там его ждали Хелена Перссон и ее родители, Карл-Густав и Харриет. Родителей он знал – как знали их и

все жители Фьельбаки, но знакомство было шапочным. С родителями Марии Валь дело обстояло иначе. За все эти годы полиция Танумсхеде неоднократно имела повод с ними пообщаться.

Лейфу не нравилась роль начальника полицейского участка. Ему не нравилось руководить другими, принимать решения. Но он слишком хорошо делал свое дело, и жизнь привела его в кресло начальника. Правда, всего лишь начальника участка в Танумсхеде, однако он сам вежливо, но решительно отверг все предложения, предполагавшие переезд в другие места. В Танумсхеде Лейф родился – и намеревался прожить здесь, пока не пробьет его последний час.

В такие дни, как сегодня, ему особенно сильно не нравилось быть начальником. Не хотелось быть тем, на кого возложена ответственность по поимке злоумышленника – или злоумышленницы, лишившей жизни ребенка. Слишком тяжелое бремя легло на его плечи.

Открыв дверь в унылое помещение с серыми стенами, он сперва остановил взгляд на сгорбившейся фигурке Хелены, потом кивнул Харриет и Карлу-Густаву, сидевшим с двух сторон от нее.

– Этот разговор обязательно должен состояться здесь, в участке? – спросил Карл-Густав.

Он был председателем «Ротари-клуба», одним из заправил местного бизнеса. Его жена Харриет всегда выглядела очень ухоженной, с укладкой и свежим маникюром, но чем еще она занималась, помимо своей внешности и общества «Семья и школа», Лейф понятия не имел. На вечеринках и мероприятиях ее всегда видели рука об руку с Карлом-Густавом, с улыбкой на губах и бокалом мартини в руке.

– Мы сочли, что будет проще, если вы приедете к нам, – ответил Лейф и дал понять, что дискуссия по этому вопросу окончена.

Они сами решают, как им делать свою работу, – его не покидало смутное чувство, что Карл-Густав легко перехватит инициативу, если сразу не ввести разговор в жесткие рамки.

– Вы должны поговорить с другой девочкой, – сказала Харриет и потянула за подол своей белой наглаженной блузки. – Марией. У нее ужасная семья.

– Мы должны поговорить с обеими девочками, поскольку все указывает на то, что они последними видели Стеллу в живых.

– Но Хелена не имеет к этому никакого отношения – ведь вы это прекрасно понимаете. – Усы у Карла-Густава подпрыгивали от возмущения.

– Я не утверждаю, что Хелена и Мария имеют отношение к смерти девочки, однако они последними видели ее в живых, и мы должны восстановить последовательность событий, чтобы найти виновника.

Лейф покосился на Хелену. Та сидела молча, глядя вниз на свои руки. Темноволосая, как мать, она была хорошенькая, но тихая и неброская. Плечи напряжены, пальцы перебирают подол юбки.

– Хелена, ты не могла бы рассказать мне, что произошло? – мягко проговорил он, с удивлением ощущая волну нежности к девочке. У нее такой запуганный и несчастный вид, а родители, похоже, слишком заняты собой, чтобы поддержать ее...

Хелена посмотрела на отца; тот коротко кивнул.

– Мы обещали Линде и Андерсу присмотреть за Стеллой. Мы живем по соседству и иногда играем со Стеллой. Мы должны были получить по двадцать крон и пойти со Стеллой к киоску за мороженым.

– Когда вы ее забрали? – спросил Лейф.

Девочка не подняла на него глаз.

– Кажется, около часу. Я просто пошла вместе с Марией.

– Мария! – фыркнула Харриет, но Лейф жестом остановил ее.

– Стало быть, около часу.

Он сделал заметки в блокноте, лежавшем перед ним. Работал магнитофон, тихо крутясь, но заметки помогали ему структурировать мысли.

– Да, но Мария знает лучше.

Хелена заерзала на стуле.

– Кто был дома, когда вы ее забрали?

Лейф оторвал ручку от блокнота и улыбнулся Хелене. Однако она, не глядя ему в глаза, лишь выщипывала невидимые катышки на своей белой летней юбке.

– Ее мама. И Санна. Они собирались уезжать, когда мы пришли. Нам дали денег на мороженое. Стелла была счастлива. Она прыгала от радости.

– Вы сразу же пошли за мороженым? Или оставались во дворе?

Хелена покачала головой, и темные волосы с длинной челкой упали на лицо.

– Мы поиграли во дворе, прыгали со Стеллой на скакалке. Ей нравилось, когда мы крутили скакалку за два конца, а она прыгала. Хотя она все время запутывалась, и потом нам надоело.

– Что вы стали делать потом?

– Мы пошли с ней во Фьельбаку.

– Должно быть, это заняло немало времени?

Лейф прикинул в уме. Ему понадобилось бы минут двадцать, чтобы дойти до центра от хутора Страндов. Но с четырехлетним ребенком дорога заняла бы куда больше времени. Ведь нужно понюхать траву и собрать цветочки, а потом в сандалик попадет камушек, потом срочно захочется писать, а потом ноги так устанут, что идти станет невозможно... Да, это расстояние до Фьельбаки пешком с четырехлетним ребенком займет уйму времени.

– Мы взяли коляску, – сказала Хелена. – Такую, складную, которая становится очень маленькой.

– Коляску-зонтик, наверное, – подсказала Харриет.

Лейф бросил на нее строгий взгляд, и она поджала губы.

– Да, коляску-зонтик; наверное, это так называют. – Хелена посмотрела на мать.

Лейф отложил карандаш.

– И сколько времени вы шли? Со Стеллой в коляске?

Девочка наморщила брови.

– Очень долго. Дорога до шоссе посыпана гравием, по нему трудно было ехать, колеса все время выворачивались.

– Но все-таки сколько, как ты думаешь?

– Минут сорок пять. Но мы не смотрели на часы. Ни у кого из нас часов не было.

– У тебя есть часы, – сказала Харриет. – Просто ты не желаешь их носить. Но то, что у этой девицы нет часов, меня несколько не удивляет. Будь у нее часы, они наверняка оказались бы ворованными.

– Мама! Прекрати! – Глаза Хелены внезапно блеснули злым огнем.

Лейф взглянул на Харриет.

– Я был бы вам очень благодарен, если б мы придерживались заданного вопроса. – Он кивнул Хелене. – А потом? Как долго вы пробыли со Стеллой во Фьельбаке?

Та пожала плечами.

– Даже не знаю... Мы купили мороженое, потом посидели на мостках, но не разрешали Стелле подходить к краю – она не умеет плавать, а надувного жилета у нас с собой не было.

– Мудро, – Лейф кивнул.

Он пометил себе поговорить с Челлем и Анитой, хозяевами киоска, и спросить, видели ли они накануне девочек и Стеллу.

– Итак, вы съели мороженое и немного посидели на мостках. Что-нибудь еще вы делали?

– Нет, потом мы пошли назад. Стелла устала, немного поспала в коляске.

– Стало быть, во Фьельбаке вы провели около часа. Похоже?

Хелена кивнула.

– Обратно вы шли тем же путем?

– Нет, на обратном пути Стелла захотела пройти немного по лесной дороге; там она выпрыгнула из коляски – и весь остаток пути мы прошли по лесу.

Лейф записал.

– Когда вы вернулись назад – сколько было времени, как ты думаешь?

– Точно не знаю, но дорога домой заняла примерно столько же, что и дорога туда.

Он взглянул на свои записи. Если девочки пришли на хутор около часу, поиграли минут двадцать, потом сорок минут шли до Фьельбаки, пробыли там час и еще сорок минут шли обратно, то получается, что они вернулись примерно без двадцати четыре. Однако, учитывая неточность временных данных Хелены, он не мог полагаться на них полностью, и записал в свой блокнот: «15.30–16.15» – и обвел в кружочек. Однако и этот интервал оставался очень примерным.

– Что было дальше, когда вы вернулись к дому Стеллы?

– Мы увидели во дворе машину ее папы, так что мы были уверены, что он уже дома. Увидев, что Стелла побежала к дому, мы пошли прочь.

– Вы видели ее папу? Или как она заходила в дом?

– Нет.

Хелена потрясла головой.

– Потом вы пошли напрямиком домой?

– Нет... – Она покосилась на родителей.

– А что вы делали?

– Мы пошли к озеру за домом Марии и искупались.

– Мы же тебе запретили...

Харриет прервалась на полуслове, поймав на себе взгляд Лейфа.

– Сколько времени вы там провели? Примерно?

– Не знаю. По крайней мере, домой я вернулась к ужину – к шести.

– Да, так и есть, – кивнул Карл-Густав. – Но нам она ничего не рассказала о том, что они купались. Сказала, что всё это время сидели со Стеллой.

Он строго взглянул на дочь, которая снова сидела, уставившись в свою юбку.

– Конечно же, мы заметили, что у нее мокрые волосы, однако она сказала, что они со Стеллой бегали вокруг газонной поливалки.

– Глупо было врать, я понимаю, – сказала Хелена. – Но мне вообще нельзя было там находиться. Им не нравится, когда я провожу время с Марией, но это из-за ее семьи – она же в этом не виновата! – Ее глаза снова блеснули.

– Эта девчонка из того же теста, что и ее семейство, – проговорил Карл-Густав.

– Она просто... немного круче других, – тихо возразила Хелена. – Но, возможно, у нее есть веские причины, почему ей пришлось стать такой, – вы об этом не задумывались? Она себе семью не выбирала.

– Успокойтесь, пожалуйста, – проговорил Лейф, поднимая ладони.

Хотя их перепалка обнажала многие ценные сведения об отношениях в семье, время и место для обсуждения этих вопросов явно не подходило.

Заглядывая в блокнот, он прочел вслух свои записи.

– Это соответствует тому, что ты помнишь о вчерашнем дне?

Хелена кивнула.

– Да, так и было.

– И Мария скажет то же самое?

На мгновение ему показалось, что в ее глазах промелькнула неуверенность. Потом она спокойно ответила:

– Да, то же самое.

* * *

– Ну как ты? – спросила Паула, пристально глядя на него.

Мартин подумал – как долго все будут тревожиться за его состояние?

– У меня все хорошо, – ответил он, с удивлением отметив, что звучит это совершенно искренне.

Скорбь никогда не пройдет. Он всегда будет задаваться вопросом, какой могла бы стать их совместная жизнь; всегда будет видеть Пию, словно невидимую тень, при всех больших событиях в жизни Тувы... Да и при малых тоже, собственно говоря. Когда умерла Пия, ему сказали, что он должен постепенно отвоевывать жизнь обратно. И однажды снова сможет испытывать радость и смеяться. Что горе никогда не уйдет, но он научится с ним жить – бок о бок. Тогда, когда Мартин словно бродил впотьмах, это казалось совершенно несбыточным. В первое время он часто ощущал, что делает шаг вперед и два шага назад, но в какой-то момент стало два шага вперед и один назад. И постепенно он начал двигаться только вперед.

Мартин подумал о маме малыша, которую встретил на площадке. Если уж быть до конца честным, он много думал о ней с тех пор, как они повстречались. Теперь сообразил, что надо было узнать ее номер телефона. Или хотя бы спросить, как ее зовут. Однако хорошие мысли часто приходят задним числом. Его вообще застало врасплох собственное желание снова видеть ее. К счастью, они живут в небольшом поселке, и Мартин надеялся уже сегодня встретиться с ней на площадке. Во всяком случае, таков был его план, пока все карты не смешало убийство Неи.

Тут его охватило чувство вины. Как он может в такой момент думать о какой-то случайной знакомой?

– Вид у тебя довольный, но озабоченный, – проговорила Паула, словно прочтя его мысли.

Не успев остановить себя, Мартин рассказал ей о женщине на детской площадке. В результате чуть не пропустил съезд – ему пришлось резко повернуть налево.

– Стало быть, она так хороша, что ты разучился водить машину? – усмехнулась Паула, хватаясь за ручку над окном рядом с пассажирским сиденьем.

– Ты думаешь, что я выгляжу глупо, – пробормотал Мартин и покраснел так, что веснушки стали еще более заметны.

– Мне кажется, это здорово, – ответила Паула и похлопала его по колену. – И пусть тебя не мучает совесть – жизнь идет вперед. Когда у тебя хорошо на душе, ты лучше работаешь. Так что узнай, кто она, и позвони ей. Мы все равно не сможем работать круглосуточно – начнем совершать ошибки.

– Пожалуй, ты права, – проговорил Мартин и задумался, каким образом мог бы разыскать ту мамочку. По крайней мере, он знал, как зовут ее сына. Это уже что-то. Танумсхеде – поселок небольшой, наверняка ее удастся найти. Если только она не туристка, приехавшая на пару дней... А если она вообще не из этих мест?

– Может, остановимся где-нибудь? – спросила Паула, когда Мартин проехал мимо первого дома, попавшегося им, едва они свернули на гравийную дорогу.

– А... что? Ох, извини, – пробормотал он, покраснев до корней волос.

– Потом я помогу тебе ее разыскать, – усмехнулась Паула.

Мартин затормозил возле старого деревянного дома, красного с белыми углами, щедро украшенного резьбой, и поймал себя на том, что вздохнул от зависти. О таком доме он мечтал всю жизнь. Они с Пией начали откладывать на покупку дома, и им почти удалось собрать необходимую сумму. Каждый вечер они заходили на сайт недвижимости и даже успели сходить на первый показ. Но тут пришло известие о том, что у Пии рак. Деньги так и остались на счете в банке. Мечты о доме умерли вместе с Пией, как и все прочие мечты...

Паула постучала в дверь, не дождалась ответа и через некоторое время крикнула:

– Есть кто дома?

Взглянув на Мартина, она подергала дверь, открыла ее и вошла в прихожую. В большом городе такое никому бы не пришло в голову, но здесь двери обычно не запирали, и знакомые просто заходили в дом, если дверь была не заперта. Пожилая дама, вышедшая им

навстречу, нисколько не удивилась и ни капельки не испугалась, услышав у себя в прихожей незнакомые голоса.

– А, никак полиция пожаловала? – сказала она и улыбнулась им.

Женщина была такая маленькая, хрупкая и сморщенная, что Мартин побоялся, как бы ее не сдуло сквозняком.

– Входите, я как раз досматриваю третий раунд между Густавссоном и Дэниелом Кормье, – сказала она.

Мартин вопросительно взглянул на Паулу. Он понятия не имел, о чем говорит старушка. Его интерес к спорту ограничивался футболом – он мог посмотреть по телевизору пару матчей, если сборная Швеции играла на чемпионате Европы или мира, но не более того. И он знал, что Паула интересуется спортом еще меньше, чем он.

– По какому бы делу вы ни пришли, вам придется подождать; сядьте пока на диван, – заявила старушка и указала на цветастый диванчик.

Сама же она уселась в кресло с подставкой для ног, расположенное перед гигантским телеэкраном. Мартин с удивлением констатировал, что «матч», который так захватил ее, представляет собой дикую драку двух мужиков в какой-то клетке.

– Во втором раунде Густавссон держал Кормье в таком захвате, что тот уже был близок к тому, чтобы похлопать по коврику, но гонг прозвучал как раз в тот момент, когда он был готов сдаться. А теперь, в третьем раунде, Густавссон, похоже, выдохся, а у Кормье открылось второе дыхание. Однако я не теряю надежды – у Густавссона обалденный боевой дух, и если ему только удастся завалить Кормье на пол, он одержит победу. Кормье лучше всего борется стоя, на полу он не столь хорош.

Мартин уставился на старушку, разинув рот.

– ММА, да? – спросила Паула.

Старушка бросила на нее такой взгляд, словно она была имбецилка.

– Ясное дело, ММА. А что, это похоже на что-то другое? Типа, на хоккей?

Она засмеялась, и Мартин отметил, что рядом с ее креслом стоит стакан с изрядной порцией виски. И тут он подумал, что, доживи до такого возраста, тоже стал бы позволять себе все, что хочется и когда хочется, не задумываясь о вреде и пользе.

– Это решающий матч, – сказала старушка, не отрывая взгляда от телевизора. – Они бьются за звание чемпиона мира.

Похоже, она начала понимать, что впустила в свой дом двух совершенно некомпетентных людей.

– Это самый крутой матч года, так что извините, пока я не в состоянии уделить вам внимания. Я не могу это пропустить!

Она потянулась к стакану и отхлебнула большой глоток виски. На экране светловолосый гигант бил об пол темнокожего парня с неестественно широкими плечами, а потом и вовсе уселся на него. С точки зрения Мартина, это было избиение, в реальной жизни потянувшее бы на несколько лет тюрьмы. А уши? Что парни сделали со своими ушами? Уши у них были огромные, толстые и выглядели как плохо прилепленные куски глины. В голове мелькнул термин, и он вдруг понял, что имелось в виду под «боксерской деформацией уха». Стало быть, вот как это выглядит!

– Осталось три минуты, – провозгласила старушка и отхлебнула еще глоток виски.

Мартин и Паула взглянули друг на друга, и он увидел, что напарница с трудом сдерживает смех. Все это было, мягко говоря, неожиданно.

Внезапно старушка, взревев, вскочила с кресла.

– Да-а-а!

– Он выиграл? – спросил Мартин. – Этот самый Густавссон?

Светловолосый гигант скакал в клетке, как безумный, прыгал и вопил. Очевидно, он выиграл.

– Кормье попросил пощады. Густавссон завалил его в удушающем захвате, и в конце концов он сдался. – Она допила остатки виски.

– Это тот, о котором пишут все газеты? Мольер? – спросила Паула, довольная, что знает что-то по теме.

– Мольер? – Старушка фыркнула. – Маулер, девочка моя. Это означает «костолом». Густавссон – один из лучших в мире. Такое вам следовало бы знать. Хотя бы для общего развития. – Она пошла в кухню. – Я собиралась заварить кофе. Хотите?

Когда заходишь в дом к людям, чтобы поговорить с ними, принято выпить чашечку кофе. Если за день состоялось много встреч, вечером бывает трудно уснуть.

Полицейские поднялись и пошли вслед за старушкой в кухню. Мартин вдруг понял, что они так и не представились.

– Простите, меня зовут Мартин Молин, а это Паула Моралес, мы из полицейского участка Танумсхеде.

– Дагмар Хагелин, – радостно представилась старушка и поставила на плиту кофейник. – Садитесь за стол, тут лучше. На самом деле я сижу в гостиной, только когда смотрю телевизор. А так я в основном здесь.

Она указала на потрепанный деревянный стол, усыпанный кроссвордами. Быстро и легко собрала их в стопку и положила на подоконник.

– Гимнастика для мозгов. Мне в сентябре исполнится девяносто два, так что голову надо тренировать, иначе навалится деменция, не успеешь сказать... эх, забыла, что не успеешь сказать. – И она от души расхохоталась над своей собственной шуткой.

– А как получилось, что вы заинтересовались смешанными единоборствами?

– Мой правнук серьезно ими занимается. Ну он, конечно, пока не выступает в UFC^[27], но это лишь вопрос времени. У него отличные данные и есть воля к победе.

– Да-да, конечно, но все же это немного... необычно, – осторожно проговорила Паула.

Дагмар ответила не сразу. Сперва сняла кофейник с плиты вязаной прихваткой и поставила на пробковую подставку. Затем

достала три очаровательные крошечные чашечки из тонкого фарфора с розовым узором и тонким золотым ободком. Только усевшись и разлив кофе, она ответила на вопрос:

– Мы с Оскаром всегда были очень дружны, так что я стала ходить на его матчи. А потом втягиваешься. Просто невозможно оставаться в стороне. Я сама в молодости была довольно успешной легкоатлеткой, так что спортивный азарт мне близок и понятен.

Она указала на черно-белую фотографию на стене – там была изображена молодая, атлетического телосложения женщина, бежавшая к планке для прыжков в высоту.

– Так это вы? – с восхищением произнес Мартин, пытаясь сопоставить образ высокой, стройной и мускулистой женщины с маленькой седой сгорбленной фигуркой, сидевшей перед ним.

Дагмар, похоже, угадала его мысли и широко улыбнулась.

– Мне самой бывает трудно представить, что это я. Но самое удивительное – внутри я чувствую себя все такой же. Иногда у меня самой шок, когда я вижу себя в зеркале. Так и хочется спросить: «Кто эта старая тетка?»

– Как долго вы выступали? – спросила Паула.

– Слишком недолго по современным меркам – но слишком долго по тем временам. Когда я повстречалась с мужем, мне пришлось расстаться со спортом, заняться домом и детьми. Но я не обвиняю дочь в том, что та разрушила мою карьеру, – она чудесный ребенок. Теперь вот хочет, чтобы я переехала к ней – мне самой уже сложновато ухаживать за домом. Она и так-то уже становится старой теткой – зимой ей будет шестьдесят три, – так что мы с ней наверняка сможем ужиться под одной крышей.

Мартин отхлебнул глоток кофе из крошечной хрупкой чашечки.

– Этот сорт называется копи-лувак, – пояснила Дагмар, заметив его довольное выражение лица. – Мой старший внук импортирует его в Швецию. Его делают из кофейных вишен, которые поедают мусанги^[28], – а затем, когда они выделяют зернышки кофе, люди собирают эти зернышки, моют и обжаривают. Один из самых

дорогих сортов в мире – одна чашка стоит шестьсот крон. Но Юлиус его импортирует, как я уже сказала, так что сам покупает его по выгодной цене и иногда дарит мне. Знает, что я его обожаю – кофе лучше этого нет на свете.

Поначалу Мартин с ужасом посмотрел на кофе, но потом пожал плечами и сделал еще глоток. Плевать, каким образом его делают, если у него такой волшебный вкус. Поколебавшись с минутку, Мартин все же решил, что разговоров о посторонних вещах уже достаточно.

– Не знаю, слышали ли вы о том, что произошло, – начал он, подавшись вперед. – Но в лесу неподалеку обнаружили убитой маленькую девочку.

– Да, слышала, дочь заходила и рассказала мне, – ответила Дагмар, и лицо ее помрачнело. – Такая была милая светловолосая девочка, которая всегда носилась вокруг, словно вихрь... Я по-прежнему совершаю каждый день долгие прогулки и часто прохожу мимо хутора Бергов. Чаще всего я видела ее во дворе.

– Когда вы видели ее в последний раз? – спросил Мартин и отпил еще глоток.

– Да, когда же это было? – Дагмар задумалась. – Вчера... нет, кажется, позавчера. Стало быть, в воскресенье.

– В какое время дня? – спросила Паула.

– Свои прогулки я всегда совершаю в первой половине дня, до жары. Она играла во дворе. Проходя мимо, я помахала ей, как обычно, и она помахала мне в ответ.

– Стало быть, в воскресенье утром? – сказал Мартин. – И с тех пор вы ее не видели?

Дагмар покачала головой.

– Нет, вчера я ее не видела.

– Вы не заметили чего-нибудь необычного? Чего-то странного? Малейшая деталь может иметь значение, так что даже если это какая-то мелочь, расскажите нам, а мы уж решим.

Мартин допил свой кофе. Его рука казалась неуклюжей на фоне тонкой романтической чашечки, так что он осторожно поставил ее обратно на блюдце.

– Нет, не могу вспомнить ничего особенного. А ведь у меня отличный обзор, когда я сижу у кухонного окна... Однако не помню, чтобы что-то привлекло мое внимание.

– Если вы что-нибудь вспомните, обязательно позвоните нам, – сказала Паула и поднялась, бросив вопросительный взгляд на Мартина – тот кивнул, положила на стол визитную карточку и задвинула стул.

– Спасибо за кофе, – сказал Мартин. – Очень вкусно – и новое впечатление.

– Таким и должно быть все в этой жизни, – ответила Дагмар и улыбнулась.

Он покосился на фото молодой красивой женщины в легкоатлетической форме и заметил в ее глазах ту же искорку, что и у девятистодвухлетней Дагмар. Эту искорку Мартин хорошо знал. Она светилась и в глазах у Пии. То была сама радость жизни.

Он бережно закрыл за собой старую деревянную дверь.

* * *

Мелльберг, восседавший за столом в конференц-зале, расправил плечи. В зале собралась впечатляющая толпа журналистов – не только из местных, но и из национальных СМИ.

– Убийца тот же? – выпалил Челль из газеты «Бухюсленинген».

Патрик не сводил глаз с Мелльберга. Ответы на вопросы он с удовольствием взял бы на себя, но этого бы Мелльберг ни за что не допустил. Пресс-конференции были его минутами славы, и от них он не намеревался отказываться. Зато всю прочую работу, в особенности все, что требовало малейшего напряжения, с удовольствием перекладывал на Патрика и других сотрудников.

– Мы не исключаем, что существует связь с делом Стеллы, но не хотим заикливаться на одной лишь данной версии, – сказал Мелльберг.

– Но ведь это не может быть случайным совпадением? – настаивал Челль.

В его черной бороде начали появляться проблески седины.

– Как я уже сказал, мы, разумеется, рассмотрим такую возможность, но когда нечто кажется слишком очевидным, велика вероятность заиклиться на этом и не исследовать другие возможности.

«Отлично сказано, Мелльберг!» – удивленно подумал Патрик. Похоже, он все-таки кое-чему научился.

– Хотя, ясное дело, это более чем странное совпадение – когда кинозвезда возвращается назад как раз перед таким происшествием, – продолжал Мелльберг, а все журналисты рьяно записывали за ним.

Патрик сжал кулаки, чтобы не ударить себя по лбу. Он уже видел перед глазами заголовки вечерних газет.

– Вы планируете допросить Марию и Хелену? – спросил один из журналистов вечерней газеты, подавшись вперед от любопытства. Из молодых – они всегда рвутся вперед, мечтая занять достойное место в редакции. Они готовы почти на все, лишь бы сделать себе имя.

– Мы побеседуем с ними, – подтвердил Мелльберг, и видно было, как он наслаждается всеобщим вниманием.

Шеф с готовностью подставлял лицо щелкающим со всех сторон фотоаппаратам, на всякий случай проверяя, что его волосы лежат как надо.

– Стало быть, они – ваши главные подозреваемые? – спросила женщина-репортер из другой вечерней газеты.

– Нет, собственно говоря... Нет, я не стал бы этого утверждать...

Мелльберг почесал затылок – похоже, он понял, что повел разговор в несколько нежелательном направлении. Взглянул на

Патрика. Тот откашлялся и произнес:

– На данном этапе у нас пока нет подозреваемых. Как уже сказал Бертиль Мелльберг, мы пока не склоняемся к какой-либо одной версии. Ожидаем рапорта экспертов-криминалистов и ведем широкий диалог с общественностью, которая, как мы надеемся, может дать нам информацию о том временном периоде, когда пропала Нея.

– То есть вы считаете, что это случайность – что девочка с того же хутора исчезла и была найдена мертвой на том же месте, что и Стелла, причем на той же неделе, когда одна из осужденных по делу Стеллы впервые за тридцать лет возвращается в поселок?

– Мне кажется, что выводы, лежащие на поверхности, не всегда бывают самыми верными, так что было бы роковой ошибкой для нас остановиться сейчас только на одной версии. Как уже сказал Мелльберг.

Челль из «Бухюсленинген» поднял руку, чтобы показать, что у него есть еще вопрос.

– Отчего умерла девочка?

Мелльберг подался вперед.

– Как уже сказал Патрик Хедстрём, мы пока не имеем рапорта экспертов-криминалистов, и заключения судмедэкспертов тоже пока нет. До этого момента у нас нет ни возможности, ни оснований что-либо утверждать по этому вопросу.

– Существует ли риск, что погибнут другие дети? – продолжал Челль. – Следует ли родителям держать детей дома? Как вы понимаете, слухи расползлись, люди боятся...

Мелльберг ответил не сразу. Патрик чуть заметно покачал головой в надежде, что его начальник уловит сигнал. Нет смысла запугивать местное население.

– В нынешней ситуации нет никаких оснований для беспокойства, – произнес наконец Мелльберг. – Сейчас мы прилагаем все усилия к расследованию данного дела, чтобы выяснить, каким образом была убита Линнея Берг.

– Таким же образом, что и Стелла? – не сдавался Челль.

Остальные журналисты переводили взгляд с него на Мелльберга и обратно. Патрик зажал большие пальцы в кулаках – только бы шеф не свернул с избранного им курса.

– Как я уже сказал, мы будем обладать информацией, лишь когда получим отчет судмедэкспертов.

– Но вы не отрицаете, что это было именно так? – настаивал молодой выскочка.

Патрик снова увидел перед собой маленькую девочку – как она лежит, одинокая и ничем не защищенная, на холодном стальном столе, не смог сдержаться и прошипел:

– Мы ведь уже сказали, что будем всё точно знать, только когда получим заключение судебно-медицинской экспертизы.

Молодой журналист замолк с обиженным видом.

Челль снова поднял руку. Теперь он смотрел прямо на Патрика.

– Я слышал, что ваша жена начала писать книгу о деле Стеллы. Это так?

Хедстрём предполагал, что этот вопрос всплывет, однако не сумел до конца подготовиться. Он посмотрел на свои сжатые кулаки.

– По каким-то причинам моя жена не желает обсуждать свои книжные проекты с домашним мозговым центром, – сказал он наконец и услышал смешки среди собравшихся. – Так что я слышал об этом только между делом. Я не знаю, как далеко она продвинулась в своей работе, – как я уже сказал, она не допускает меня в свой творческий процесс, и я обычно вступаю на том этапе, когда она просит меня прочесть готовую рукопись.

Патрик слегка приврал, но не так чтобы очень. Конечно, он примерно знал, на какой стадии рабочего процесса находится Эрика, но эти знания строились на отрывочных комментариях. Она действительно не желала обсуждать свои книги в процессе работы и привлекала его, лишь когда надо было проверить полицейские данные. Но эти вопросы обычно были вырваны из контекста и давали лишь очень смутное представление о книге в целом.

– Не могло ли это послужить триггером для нового убийства?

Молодая женщина-журналистка с надеждой смотрела на него, и Патрик почувствовал, как потемнело в глазах. Что такое она тут плетет, черт подери? Что его жена стала причиной смерти маленькой девочки?

Он уже готов был открыть рот, чтобы дать отпор журналистке, когда услышал спокойный, но строгий голос Мелльберга:

– Данный вопрос я считаю неэтичным и нерелевантным. Мой ответ – нет, ничто не указывает на то, что существует какая-либо связь между книжным проектом Эрики Фальк и убийством Линнеи Берг. И если вы не будете придерживаться приличий в оставшиеся... – Мелльберг взглянул на часы, – десять минут пресс-конференции, то я без всяких сомнений прерву ее раньше времени. Это понятно?

Патрик с Анникой обменялись изумленными взглядами. К его большому удивлению, в оставшееся время журналисты держали себя в рамках.

Когда Анника выставила всех за дверь, несмотря на протесты и попытки забросить еще один вопросик, Хедстрём и Мелльберг остались одни в конференц-зале.

– Спасибо, – просто сказал Патрик.

– Какого черта, пусть даже не думают нападать на Эрику, – проворчал шеф и повернулся спиной.

Он позвал Эрнста, прятавшегося под столом, на который Анника выставила кофе и печенье, и вышел из помещения. Патрик тихонько рассмеялся. Вот это да! Старик все же не сдает своих.

Бухюслен, 1671 год

Элин была вынуждена признать, что Бритта выглядит потрясающе. Голубая ткань платья подчеркивала глубину темных глаз, а расчесанные до блеска распущенные волосы были перехвачены красивой шелковой лентой. Не так часто к ним приезжали столь почетные гости. Если уж говорить правду, то никогда ранее. У таких

высокопоставленных лиц не было причин посещать простую пасторскую усадьбу в приходе Танумсхеде, но приказ короля губернатору Бухюслена Харальду Стаке прозвучал предельно ясно. Все представители церкви в лене должны включиться в борьбу с колдовством и сатанинскими силами. Государство и церковь рука об руку выступили на борьбу с дьяволом, поэтому пасторская усадьба в Танумсхеде и удостоилась такого визита. И Бритта быстро поняла и использовала этот повод. Когда они будут принимать Ларса Хирне, им не придется краснеть ни за угощение, ни за прием гостей, ни за беседу. Гость вежливо предложил, что переночует на постоялом дворе, но Пребен ответил, что об этом не может быть и речи. Само собой, они будут счастливы принять у себя такого дорогого гостя. И хотя на постоялом дворе по закону выделяются специальные комнаты для дворянства и других важных особ, пасторская усадьба в Танумсхеде позаботится о том, чтобы разместить посланника губернатора со всем возможным удобством и роскошью.

Бритта и Пребен стояли в дверях, когда прибыл экипаж. Элин и прочая прислуга стояли позади, склонив головы и глядя себе под ноги. Всем было велено помыться и одеться прилично, в чистую и целую одежду, и все служанки тщательно расчесали волосы, чтобы ни один волосок не выбился из-под чепчика. В доме чудесно пахло мылом и еловыми ветками, которыми батрак украсил с утра все комнаты.

Когда все уселись за стол, Элин налила вина в высокие кубки. Их она хорошо знала. В ее детстве в них подавали вино в доме ее отца, а потом они были подарены Бритте на свадьбе. Сама Элин получила несколько скатертей, вышитых ее матерью. В остальном же отец счел, что красивые и дорогие вещи из их дома придутся не ко двору в бедняцкой лачуге рыбака. И в каком-то смысле Элин была склонна с ним согласиться. На что им с Пером украшения и побрякушки? Они куда лучше смотрелись в пасторской усадьбе, чем в простом домишке Элин. А вот мамины скатерти она нежно хранила. Они лежали у нее в маленьком сундучке вместе с растениями, которые

она собирала и сушила каждое лето, а потом заворачивала в бумагу, чтобы не оставили пятен на белой ткани.

Марте с самого раннего возраста было строго-настроено сказано не открывать сундучок. И не только потому, что Элин не желала видеть на маминых скатертях отпечатки грязных детских пальчиков – некоторые растения могли оказаться ядовитыми, если использовать их не так, как предписано. Бабушка научила ее, как пользоваться травами и какие заклинания подходят для разных случаев. Тут ничего нельзя напутать, последствия могут быть губительными. Ей самой было десять, когда бабушка начала учить ее, и она решила подождать, пока Марте исполнится столько же, прежде чем передать ей эту мудрость.

– Ах, какой ужас все эти прислужницы дьявола, – проговорила Бритта и мягко взглянула на Ларса Хирне.

Он не сводил восторженных глаз с ее прекрасного лица, освещенного светом многочисленных свечей. Бритта была так права, когда выбрала голубую парчу, – ткань отсвечивала и искрилась на фоне темных стен в столовой усадьбы, придавая глазам Бритты цвет синевы моря солнечным июльским днем.

В глубине души Элин задалась вопросом, как Пребен воспринимает нескромные взгляды, которые гость бросает на его жену, – но тот, казалось, нисколько не волновался или даже вовсе не замечал их. Зато она отметила, что он смотрит на нее, и поспешно опустила глаза. Однако успела заметить, что и пастор сегодня необычно красив. Когда он не надевал свое облачение, они видели его в основном в грязной рабочей одежде. У него была странная для человека в его положении любовь к физическому труду в усадьбе и уходу за животными. Уже в первый день своего пребывания здесь она спросила об этом другую служанку и услышала в ответ, что это очень странно, но хозяин часто работает бок о бок с батраками. Приходится привыкать к этим его странностям. Однако, продолжала служанка, хозяйке это не очень нравится, и по этому поводу в усадьбе случалось немало ссор. Потом она спохватилась, вспомнив,

кто такая Элин, и покраснела до корней волос. Такое нередко случалось с тех пор, как Элин стала жить в этом доме. Будучи, с одной стороны, служанкой, с другой – сестрой жены хозяина, она занимала двойственное положение. Она была и своя, и как бы чужая и не раз, входя в домик, где жили служанки, замечала, что все разговоры разом смолкали, а многие даже не решались посмотреть в ее сторону. В каком-то смысле из-за этого Элин чувствовала себя еще более одинокой, но, с другой стороны, не имела ничего против. Среди женщин у нее никогда не было подруг – она считала, что они слишком много сплетничают, бранятся между собой и болтают попусту.

– Да, тяжелые настали времена, – говорил Ларс Хирне. – Но, по счастью, у нас есть король, который не боится принять бой с силами зла. Тяжелые годы выпали стране, и наступление дьявола видится куда более явно, чем в прошлых поколениях. Чем больше этих женщин мы разыщем и предадим суду, тем быстрее сокрушим власть дьявола.

Отломив кусок хлеба, он с явным удовольствием вкушал трапезу. Бритта буквально смотрела ему в рот с восторгом и страхом.

Элин внимательно слушала, подливая вина в кубки. На стол подали первое блюдо, и Буэль из Хольта явно могла не стыдиться своего творения. Все ели с большим аппетитом, и Ларс Хирне несколько раз похвалил еду, отчего Бритта покраснела от удовольствия.

– Однако же как узнать наверняка, что эти женщины попали в сети дьявола? – спросил Пребен, откидываясь на спинку стула с кубком в руках. – Мы в наших краях еще никого не отдавали под суд, но я подозреваю, что чаша сия нас не минует. Хотя пока до нас доходили лишь слухи о том, как вы это делаете.

Ларс Хирне оторвал взгляд от Бритты и обернулся к Пребену.

– На самом деле вовсе не сложно выяснить, что женщина – ведьма, ну или же что мужчина – колдун. Не следует забывать, что не только женщины соблазняются на искушения дьявола. Однако

среди женщин это все же случается чаще, ибо они легче поддаются на сатанинские приманки.

Теперь он взглянул на Бритту серьезным взглядом.

– Первое, что делается, когда нам удастся поймать ведьму, – это испытание водой. Мы бросаем ее в воду, связанную по рукам и ногам.

– А потом? – Бритта подалась вперед; похоже, разговор сильно взволновал ее.

– Если она не утонет, – значит, ведьма. Лишь таковые остаются на поверхности, так учит мудрость наших предков. Если же женщина утонула, значит, она невинна. Но могу с гордостью сказать, что до сих пор ни одну невинную мы не очернили несправедливым обвинением. Все они плыли, как утки. И тем самым обнажали свое истинное нутро. Однако потом им дается возможность сознаться – и тем самым получить Божье прощение.

– И они сознавались? Те ведьмы, которых вы ловили? – Бритта еще сильнее подалась вперед, и пламя свечи бросало на ее лицо танцующие тени.

Ларс Хирне кивнул.

– Да, все они сознались. Некоторых ведьм пришлось уговаривать дольше, чем других, – похоже, в некоторых из них сатана глубже пустил корни. Мы думаем, что такие женщины долгое время находились во власти дьявола или он особенно возлюбил именно ее. Но все они сознались. И были казнены по закону Бога и короля.

– Вы делаете благое дело, – ответил Пребен, задумчиво кивая. – Однако я с трепетом жду того дня, когда нам придется взяться за ту же мучительную работу в нашем уезде.

– Да, это тяжкий крест, однако Бог посылает нам, как известно, ту ношу, которую мы можем вынести. И все мы должны проявить мужество и выполнить возложенную на нас миссию.

– Истинно так, истинно так, – проговорил Пребен, поднося кубок к губам.

На стол подали горячее, и Элин поспешила подлить красного вина. Все трое пили много, глаза их все больше блестели. Элин снова почувствовала на себе взгляд Пребена, но избегала встречаться с ним глазами. словно холодок пробежал вдоль ее позвоночника, так что она чуть не уронила кувшин с вином. Ее бабушка называла это чувство предчувствием беды, предупреждением о будущих несчастьях. Но Элин внушила себе, что это всего лишь сквозняк из щелястых окон.

Однако, когда поздно ночью она ложилась спать, это чувство снова накрыло ее. Элин крепче прижала к себе Марту на узкой кровати, стараясь прогнать его, но оно не уходило.

* * *

Йоста радовался тому, что ему не пришлось присутствовать на пресс-конференции. По его мнению, все подобные мероприятия – просто скандальные шоу. У него всегда возникало чувство, что журналисты приходят лишь затем, чтобы найти оплошности следствия и создать проблемы, а не для того, чтобы передать важную информацию общественности и таким образом помочь полиции. Хотя, возможно, он просто судит слишком цинично – это качество нередко развивается с годами...

Хотя Йоста и радовался, что у него есть повод пропустить пресс-конференцию, под ложечкой неприятно посасывало, когда он думал о том, куда направляется. Флюгаре заранее побеседовал с врачом и получил от него известие, что Эва и Петер потрясены, но в состоянии говорить. Он и сам помнил, как они с Май-Бритт потеряли маленького сына и как надолго горе парализовало их.

Проезжая мимо красного домика с белыми углами, Йоста заметил машину Паулы и Мартина и понадеялся, что опрос соседей окажется успешным. Из опыта он знал, что люди, живущие в сельской местности, обычно следят за тем, что происходит по соседству. Сам

Йоста тоже жил на окраине Фьельбаки, возле поля для гольфа, и нередко ловил себя на том, что сидит у кухонного окна, разглядывая прохожих. Видать, это тоже привычка, приходящая с годами. Он отчетливо помнил, как его отец сидел у кухонного окна и смотрел на улицу. В детстве это занятие казалось Йосте невыносимо скучным, но теперь он начал понимать своего отца. Это так успокаивает... Не то чтобы он когда-либо опробовал на себе все эти глупости с медитацией, но догадывался, что они из той же оперы.

Флюгаре свернул на короткую дорожку, ведущую к хутору. Вчера во дворе кипела работа, но сейчас здесь было пусто и безлюдно. Ни души. Так тихо... Полное затишье. Ветер, слегка дувший с утра, после полудня улегся. Воздух вибрировал от жары.

Возле сарая валялась скакалка, и Йоста сделал несколько осторожных шагов вокруг «классиков», начерченных на земле. Наверняка это Нея начертила на земле квадратики – или же ей помогли в этом мама или папа.

На мгновение он остановился и оглядел дом. Ничто здесь не говорило о трагедиях, случившихся на хуторе. Старый сарай покосился набок еще больше, чем тридцать лет назад, но небольшой жилой дом был свежевыкрашенным и выглядел ухоженным, а сад цвел как никогда. У дома на веревке висело на просушке белье, и Йоста разглядел детские вещички, которые никогда уже не наденет та, которой они принадлежали. Горло сдавило, он откашлялся. Затем направился к дому. Эмоции эмоциями, а дело надо делать. Если кто-то должен поговорить с родителями девочки, то это будет он.

– Можно войти?

Дверь была приоткрыта, и Йоста нажал на нее. Пожилой и куда более загорелый мужчина, похожий на Петера, поднялся и пошел ему навстречу, протягивая руку.

– Бенгт, – представился он с серьезным лицом.

Маленькая женщина с выгоревшими на солнце волосами и красивым загаром тоже поднялась и представилась как Улла.

– Мы слышали от врача, что вы придете, – произнес Бенгт.

Его жена снова опустилась на стул. На столе лежала куча скомканных платочков.

– Да, я попросил его предупредить вас о моем приходе, – сказал Йоста.

– Садитесь, я позову Эву и Петера, – тихо проговорил Бенгт и направился к лестнице. – Они прилегли.

Улла подняла на Йосту полные слез глаза, когда тот сел за стол напротив нее.

– Кто мог такое совершить? Она была такая маленькая... – Потянулась к рулону бумажных полотенец, стоявшему на столе, оторвала кусочек бумаги и вытерла под глазами.

– Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы это выяснить, – ответил Йоста и сжал руки на столе.

Уголком глаза он заметил, что Бенгт спускается по лестнице, а Эва и Петер идут за ним. Они двигались медленно, как во сне, и Йоста снова почувствовал ком в горле.

– Хотите кофе? – механически спросила Эва.

Улла вскочила.

– Сядь, моя дорогая, я сварю кофе.

– Но я могу... – проговорила Эва, поворачиваясь к плите.

Улла мягко усадила невестку за стол.

– Нет-нет, ты садись, а я займусь кофе, – сказала она и принялась рыться в шкафах.

– Фильтры в шкафчике справа от мойки, – сказала Эва и сделала движение, чтобы подняться.

Йоста положил ладонь на ее дрожащую руку.

– Ваша свекровь справится, – сказал он.

– Вам нужно было поговорить с нами, – сказал Петер, садясь на пустой стул, где раньше сидела Улла, и посмотрел на гору платочков на столе, словно не понимая, что они там делают.

– Что-нибудь случилось? – спросила Эва. – Вам что-нибудь известно? Где она?

Голос звучал однотонно, но нижняя губа дрожала.

– Пока мы ничего не знаем, но, поверьте, все работают не покладая рук, и мы делаем все возможное. Нея сейчас в Гётеборге; мы сможете увидеть ее потом, если захотите, но чуть позже.

– Что они... что они с ней делают? – спросила Эва, глядя на Йосту пронзительным взглядом.

Флюгаре сделал над собой усилие, чтобы не поморщиться. Слишком хорошо ему было известно, что будут делать с маленьким телом, но матери об этом лучше не знать.

– Эва, не спрашивай, – проговорил Петер, и теперь Йоста заметил, что тот тоже дрожит всем телом. Шок – или уже отпускает? Этого он точно не знал. Все реагируют по-разному. За долгие годы Йоста повидал немало разных реакций на смерть близких.

– Мне необходимо задать вам несколько вопросов, – сказала он, кивком поблагодарив Уллу, когда та поставила перед ним чашку кофе.

Теперь, когда у нее появилось дело, Улла казалась спокойнее. Они с Бенгтом сели за стол, серьезные и собранные.

– Все, что может помочь. Мы ответим на любые вопросы. Но мы ничего не знаем. Не можем понять, как это могло произойти. Кто...

Голос Петера прервался, и он всхлипнул.

– Давайте начнем с самого начала, – спокойно произнес Йоста. – Я знаю, что вы уже отвечали на некоторые из этих вопросов, но лучше повторим – важно, чтобы все было точно. – Он положил на стол свой телефон и, получив кивок одобрения от Петера, включил диктофон на запись. – Когда вы видели ее в последний раз? Постарайтесь как можно точнее указать время.

– В воскресенье вечером, – сказала Эва. – Позавчера. Я почитала ей сказку, когда мы переоделись в ночную рубашку и почистили зубы, а все эти приготовления начали в восемь. Я читала, наверное, с полчаса. Ее любимую книжку про крота...

Эва вытерла у себя под носом, Йоста потянулся к рулону бумажных полотенец, оторвал кусок и протянул ей. Она высморкалась.

– Стало быть, между половиной девятого и без четверти девять? – переспросил Флюгаре. Эва взглянула на мужа – тот кивнул.

– Да, кажется, так.

– А потом? Вы видели или слышали ее после этого? Ночью она не просыпалась?

– Нет, она всегда спала очень крепко, – проговорил Петер, качая головой. – Дверь в ее комнату мы закрывали и не заглядывали к ней после того, как пожелали ей спокойной ночи. Проблем со сном у Неи никогда не было, даже в самом раннем возрасте. Она обожает свою кровать... обожала...

Его нижняя губа задрожала, он несколько раз сморгнул.

– Расскажите, что было утром, – сказал Йоста. – Утром в понедельник.

– Я поднялся в шесть часов, – ответил Петер. – Вышел на цыпочках, чтобы не разбудить Эву и Нею, сделал быстренько пару бутербродов с собой. Кофеварку я заправил еще с вечера, так что мне оставалось только включить ее. А потом... потом я уехал.

– Вы не заметили ничего необычного? Входная дверь была закрыта и заперта?

С минуту Петер молчал, потом проговорил чуть слышно:

– Да, она была закрыта.

Голос не повиновался ему, он всхлипнул. Бенгт погладил его по спине своей загорелой рукой.

– Иначе я обратил бы внимание. Если б дверь была открыта, я бы точно обеспокоился.

– А дверь в комнату Неи?

– То же самое. Закрыта. Иначе я задумался бы, что случилось.

Йоста подался вперед.

– Стало быть, все было как обычно? Никаких, даже малейших, отклонений? Вы не заметили ничего странного за пределами дома? Людей? Проезжавшие машины?

– Нет, ничего такого. Выходя из дома, я подумал – такое ощущение, что я один во всем мире не сплю. Услышал только пение

птиц, а единственным живым существом, которое я встретил, был кот, который стал тереться о мои ноги.

– И потом вы уехали? Знаете, во сколько, хотя бы примерно?

– Будильник я поставил на шесть, в кухне провозился минут двадцать... Так что в шесть двадцать – в половине седьмого.

– И вернулись только после обеда? Вы кого-нибудь видели? С кем-нибудь разговаривали?

– Нет, я весь день провел в лесу. Когда мы покупали хутор, к нему прилагался участок леса, а за ним надо ухаживать...

Голос снова изменил ему.

– Стало быть, никто не может подтвердить, где вы были в течение дня?

– Вы в чем-то обвиняете Петера? – спросил Бенгт, побагровев. – Какого дьявола!

Йоста поднял ладонь. Он знал, что такая реакция последует. Так бывало всегда. И это было более чем понятно.

– Я должен задать эти вопросы. Мы должны исключить Эву и Петера. Я не думаю, что они замешаны. Но моя задача заключается в том, чтобы чисто формально исключить это.

– Всё в порядке, – проговорила Эва чуть слышно. – Мы понимаем. Бенгт, Йоста просто делает свое дело. Чем быстрее и лучше он это сделает...

– Хорошо, – ответил Бенгт, но остался сидеть неестественно прямо, готовый кинуться защищать сына.

– Нет, за целый день я никого не встретил, – сказал Петер. – Я был в лесу. Там даже приема нет, так что вы не увидите ни исходящих, ни принятых звонков. Я был совсем один. А потом отправился домой. Дома оказался без четверти три. Это я знаю точно, потому что посмотрел на часы, прежде чем въехать во двор.

– Хорошо, – сказал Йоста. – А вы, Эва? Как прошли ваши утро и день?

– Я проспала до половины десятого. Я тоже это точно знаю, потому что, проснувшись, первым делом смотрю на часы – если,

конечно, не завела будильник. Помню, что я очень удивилась... – Она потрясла головой.

– Чему вы удивились? – спросил Йоста.

– Удивилась тому, что уже так поздно. Я редко сплю дольше чем до семи, – просыпаюсь сама. Наверное, просто устала накануне... – Она потерла глаза. – Потом поднялась, заглянула в комнату Неи и увидела, что ее нет. Но я не встревожилась. Ни капельки не встревожилась.

Она ухватилась за край стола.

– Почему вы не встревожились? – спросил Йоста.

– Она часто ездила с Петером, – вставила Улла.

Эва кивнула.

– Да, она очень любила ездить с ним в лес, к тому же обычно просыпалась очень рано. Так вот, я и подумала, что она уехала с ним.

– Что вы делали потом? В течение дня?

– Долго завтракала, читала газету, потом собиралась. Около одиннадцати решила поехать в Хамбургсунд и пройтись по магазинам. У меня так редко выпадает свободное время...

– Вы с кем-нибудь общались? – Йоста отпил глоток кофе, но кофе успел остыть, так что он поставил чашку обратно на блюдце.

– Я сварю еще, этот наверняка остыл, – сказала Улла и поднялась.

Он не стал протестовать, только благодарно улыбнулся.

– Нет, просто заглянула в несколько магазинов, – ответила Эва. – Народу было много, но никого знакомых я не встретила.

– Хорошо, – сказал Йоста. – Кто-нибудь приезжал сюда, на хутор, до или после вашей поездки в Хамбургсунд?

– Нет, никто не заходил. Конечно же, несколько машин проезжали мимо... Несколько человек, кто бегают... Еще, прежде чем уехать, я видела Дагмар, отправившуюся на прогулку, как всегда по утрам.

– Дагмар? – переспросил Йоста.

– Она живет в красном домике неподалеку от нас. И каждое утро выходит на прогулку.

Йоста кивнул и с благодарностью принял из рук Уллы чашку.

– Спасибо, – произнес он и отхлебнул кофе, на этот раз обжигаяще горячего. – Было ли что-нибудь, что привлекло ваше внимание? Что-то, что выделялось?

Эва задумалась, нахмутив лоб.

– Подумайте хорошенько. Всякая мелочь может оказаться ценной. Она покачала головой.

– Нет, все было как всегда.

– А как с телефонными разговорами? В течение дня вы с кем-нибудь разговаривали по телефону?

– Нет, насколько я помню... нет. Хотя что я говорю – я же звонила тебе, Улла, когда вернулась домой.

– Да, действительно, ты звонила.

Казалось, Улла удивлена тем обстоятельством, что еще вчера жизнь шла своим чередом. Ничто не предвещало краха...

– В каком часу это было?

Эва посмотрела на Уллу. Теперь она дрожала меньше. Йоста знал, что это относительное спокойствие – временная передышка. На короткие промежутки времени мозг вытеснял мысль, которая в следующую секунду снова наваливалась непосильным грузом. За годы службы в полиции он так много раз сталкивался с этим. То же горе. Разные лица. Разные реакции, но, по сути, похожие. И нет этому конца. Все новые и новые жертвы...

– Кажется, это было около часу. Бенгт, ты ведь тоже слышал, как звонила Эва. Ведь было около часу, правда? Мы спустились к Ла Мате, чтобы искупаться, а к часу вернулись домой готовить обед. – Она обернулась к Йосте. – В Торревьехе у нас всегда легкий обед, моцарелла с помидорами – помидоры там намного вкуснее, так что мы...

Она зажала себе рот рукой, осознав, что на секунду забыла о случившемся и разговаривала как обычно, затем тихо продолжила:

– Обратно в квартиру мы вернулись около часу. Эва позвонила чуть позже. И мы проговорили – минут десять?

Эва кивнула. Слезы снова полились из ее глаз, и Йоста потянулся за очередным бумажным полотенцем.

– Еще с кем-нибудь вы вчера разговаривали?

Он понимал, что им кажется совершенной дикостью, что он спрашивает о телефонных разговорах и о том, не встречались ли они с кем-нибудь. Но все обстояло именно так, как он им сказал. Их нужно исключить из числа подозреваемых, посмотреть, есть ли у них хоть какое-то алиби. Сам Флюгаре ни на секунду не верил, что Эва и Петер были замешаны. Однако он не первый полицейский в мировой истории, которому трудно поверить, что родители могут навредить собственному ребенку. И, к сожалению, многим пришлось убедиться в обратном. Бывают несчастные случаи. И, что особенно ужасно, не только они.

– Нет, только с Уллой. Потом приехал Петер, и тогда я поняла, что Нея была не с ним, и... дальше вы знаете.

Она так сжала бумажное полотенце, что костяшки ее пальцев побелели.

– Есть ли кто-то, кто мог желать смерти вашей дочери? – спросил Йоста. – У вас не возникло мыслей по поводу предполагаемых мотивов? Кто-то из вашего прошлого? Человек, враждебно настроенный к вам или вашей семье?

Оба покачали головами.

– Мы самые обычные люди, – сказал Петер. – Никогда не были замешаны в криминальных разборках.

– Может, бывшая или бывший, желающий отомстить?

– Нет, – ответила Эва. – Мы познакомились, когда нам было по пятнадцать лет. Других отношений у нас не было.

Йоста сделал глубокий вдох, прежде чем произнести следующую фразу, – но все же произнес ее.

– Я знаю, что этот вопрос может показаться оскорбительным, особенно в нынешней ситуации; но были ли у кого-то из вас отношения на стороне? Я спрашиваю не для того, чтобы обидеть вас,

а лишь для того, чтобы выяснить все возможные мотивы. Может быть, кто-то счел, что Нея стоит у него или у нее на пути?

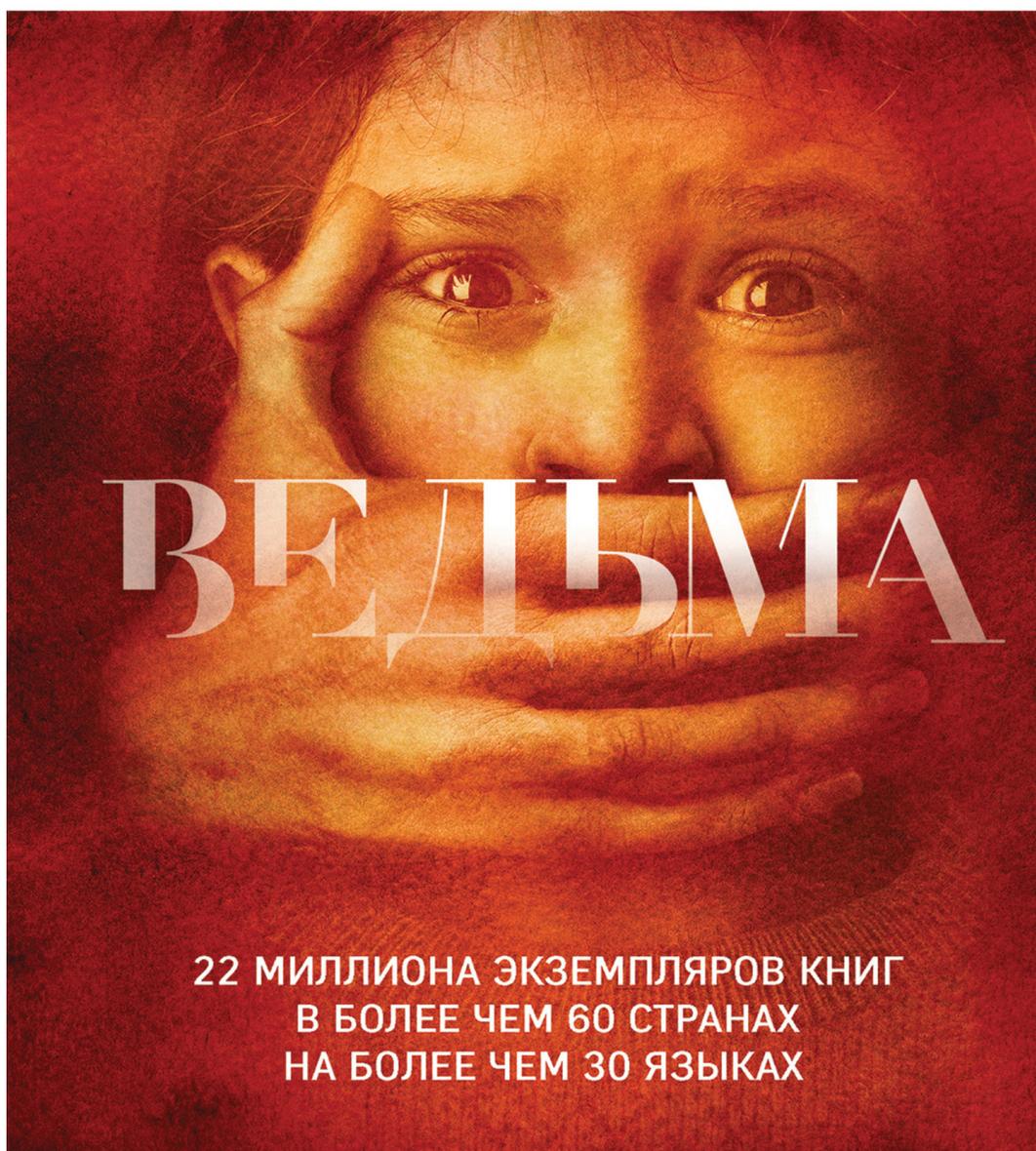
Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

КАМИШЛА ДЖУБЕРГ



ВЕДЬМА

22 МИЛЛИОНА ЭКЗЕМПЛЯРОВ КНИГ
В БОЛЕЕ ЧЕМ 60 СТРАНАХ
НА БОЛЕЕ ЧЕМ 30 ЯЗЫКАХ

Сноски

1

Боб-строитель – персонаж известного детского мультсериала.

[Вернуться](#)

2

Шведская фирма по производству продуктов питания.

[Вернуться](#)

3

Имеется в виду знаменитый шведский документальный фильм, где группа сомалийцев, проживающих в Швеции, создала команду по хоккею с мячом и заявила о своем участии в первенстве мира.

[Вернуться](#)

4

Кимберли Кардашян-Уэст (р. 1980) – американская звезда реалити-шоу, актриса, фотомодель.

[Вернуться](#)

5

Ф. Хаммар и Ф. Викингсон – сценаристы фильма «Приятные люди».

[Вернуться](#)

6

Что? (англ.)

[Вернуться](#)

7

Харальд нашел мертвую девочку в лесу тридцать лет назад (англ.).

[Вернуться](#)

8

Мертвую девочку? Здесь? (англ.)

[Вернуться](#)

9

Да, ей было четыре года, как и этой девочке (англ.).

[Вернуться](#)

10

Да. Это было вот здесь. Но тогда здесь была вода (англ.).

[Вернуться](#)

11

Это было... не озеро, а... (англ.)

[Вернуться](#)

12

Маленькое озеро, пруд (англ.).

[Вернуться](#)

13

Да-да, пруд (англ.).

[Вернуться](#)

14

Вокруг дерева был пруд, а в нем лежала мертвая девочка (англ.).

[Вернуться](#)

15

Под деревом что-то есть. Я вижу руку. Маленькую руку (англ.).

[Вернуться](#)

16

Мы останемся здесь. Хорошо, Карим? (англ.)

[Вернуться](#)

17

Я в порядке. Я думаю о родителях девочки (англ.).

[Вернуться](#)

18

Бедные люди (англ.).

[Вернуться](#)

19

Прекрасно! *(англ.)*

[Вернуться](#)

20

Джеймс Дин – американский актер 50-х годов.

[Вернуться](#)

21

Еще раз *(англ.)*.

[Вернуться](#)

22

Хорошо *(англ.)*.

[Вернуться](#)

23

Блокула – одинокая скала посреди моря, по легенде – место шабаша ведьм.

[Вернуться](#)

24

Шведская миля – 10 км.

[Вернуться](#)

25

Сколько тебе лет, Ибрагим? *(англ.)*

[Вернуться](#)

26

Пятьдесят *(англ.)*.

[Вернуться](#)

27

Спортивная организация, проводящая бои по смешанным единоборствам.

[Вернуться](#)

28

Мусанг, или малайская пальмовая куница – вид млекопитающих из семейства виверровых, обитающий в Южной и Юго-Восточной Азии.

[Вернуться](#)